

Научный совет при Президиуме РАН
по проблемам военной истории

А. С. Иванов

*“Изъять,
как антисоветский элемент...”*

КАЛМЫКИ
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПОЛИТИКЕ (1943–1959 гг.)

Москва
2014

УДК 94 (571.1)(=512.37)

ББК 63.3(2)6-36

И 20

Рецензенты:

Гончаров Георгий Александрович,

заведующий кафедрой истории России

Челябинского государственного университета, доктор исторических наук, профессор;

Земсков Виктор Николаевич,

ведущий научный сотрудник Центра военной истории России

Института российской истории РАН, доктор исторических наук, доцент

Иванов А. С.

И 20

"Изъять, как антисоветский элемент...": Калмыки в государственной политике (1943–1959 гг.) / А. С. Иванов ; под ред. Б. У. Серазетдинова; Научный совет при президиуме РАН по проблемам военной истории. – М., 2014. – 294 с. : ил.

ISBN 978-5-9905265-1-8

В представляемой вниманию читателя монографии на материалах двух западносибирских (Омской и Тюменской) областей изучается комплекс проблем, порожденных принудительным переселением калмыцкого народа в 1943 году. На страницах книги раскрывается содержание политики властей, санкционировавших депортацию и особый административный надзор за целым народом, а в середине 1950-х гг. – репатриацию калмыков. Показано влияние репрессий на этническое сознание граждан.

Исследование базируется на широком круге разнообразных источников. Основу составляют впервые вводимые в научный оборот неопубликованные документы, выявленные в федеральных, региональных и муниципальных архивах, а также устные источники, собранные автором в ходе экспедиций по районам бывшего спецпоселения.

Издание рассчитано на специалистов-историков, студентов и всех интересующихся историей России.

УДК 94 (571.1)(=512.37)

ББК 63.3(2)6-36

ISBN 978-5-9905265-1-8

© Иванов А. С., 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю...	5
Введение	9
Глава 1. Депортация калмыцкого народа в научной литературе	18
1.1. Зарубежная историография проблем депортации	18
1.2. Отечественные исследования принудительного переселения калмыков	28
Глава 2. "Невольные сибиряки": принудительное переселение калмыков в Западную Сибирь	41
2.1. Прием и размещение депортированных на юге Омской области	41
2.2. "По весне "на рыбу"": вторичное переселение на север области	57
Глава 3. "Обеспечение переселенцев возложить на местных...": обустройство калмыков на чужбине	72
3.1. "Общественно полезный" труд на спецпоселении	72
3.2. "Закрепление жилищем": жилищная политика в отношении депортантов	94
3.3. "Фонды реализованы, но получены калмыками не полностью...": снабжение спецпереселенцев продовольствием и промтоварами	103
Глава 4. Влияние режима на спецпоселенческий социум	121
4.1. Административный надзор и "внутринациональные" группы на спецпоселении	121

4.2. Влияние режима спецпоселения на процесс социализации личности	140
4.3. Возвращение калмыков на родину: взгляд из Сибири	160
Заключение	180
Список использованных источников	189
Приложения	197

К читателю...

В ваших руках добротная книга, логично структурированная, подготовленная автором на широкой документальной основе. Ее автор – кандидат исторических наук, преподаватель истории отделения среднего профессионального образования, доцент кафедры гуманитарно-экономических дисциплин Сургутского института нефти и газа А. С. Иванов сконцентрировал свое внимание на поиске новых документов в областных архивах – Омском и Тюменском, хотя это не исключает привлечение им и большого корпуса документов, и материалов центральных архивохранилищ, итогов разработок этой сложной научной проблемы исторической науки российскими историками, а, вернее, предшественниками исследователя.

Все в совокупности позволило А. С. Иванову представить обстоятельное и детализированное изложение о принудительных переселениях одной из этнических общностей в 40-е гг. прошлого века – калмыках. Им пришлось в сложных условиях на своем жизненном пути пережить многие лишения, преодолеть трудности бытия, обустройства. И это все происходило на совершенно непривычных для них территориях обитания.

Калмыкам пришлось изменить свой установленный порядок хозяйствования, заниматься многим разнообразным трудом и рыбацким, и быть лесорубами (жители степей), трудиться в аграрной сфере, на производстве. Однако, как замечает и сам автор, в условиях спецпереселения все же это был по своему характеру подневольный труд, и он приносил на первых порах мало радостей, удовлетворения. А с учетом тех трудностей – сложные жизненные условия, обустройство с жильем, нехватка продовольствия, одежды, обуви, тяжелая работа на рыбных промыслах Севера, лесоразработках, этот труд принимал постылый, изнурительный характер.

Калмыки численностью более 94 тыс. человек, будучи переселенными из республики в декабре 1944 г., кстати, претерпевшие еще и вторичное переселение в рамках областей, были расселены по многим весям России, а также республик Средней Азии, где условия проживания, ни чем не отличались от мест поселения в Сибири.

В связи с теми трансформациями, которые претерпело Советское государство конца 1980-х – начала 1990-х гг., принятием Закона РСФСР "О реабилитации репрессированных народов" (26 апреля 1991 г.) появилась возможность верификации реабилитации этнической общности в условиях Российской Федерации.

Благодаря раскрытию многих архивов была и возможность по-новому осветить не только государственную национальную политику прошлого, полную испытаний на выносливость, но и разобратся в причинах случившегося с народами, в том числе калмыками. Кстати, в годы Великой Отечественной войны, проявлявшими мужество и героизм на ее фронтах. Из всех призывавшихся на фронт борьбы с фашизмом и возвратившихся в республику было 23 Героя Советского Союза, из них 10 калмыков. Многие из калмыков награждены другими орденами и медалями. Они истинно прославляли республику, исполняя свой гражданский долг.

По разным причинам в период войны 1941–1945 гг. в республике сформировалось своеобразное бифуркационное состояние общества. И это вполне объяснимо при глубоком анализе этнополитической ситуации, расклада сил в условиях оккупированной части территории, отсутствия должной информации, низкого уровня осведомленности, а зачастую и просто безграмотности самого населения, которому трудно было разобратся в истинном положении дел. Поэтому были и те, кто оказался по ту сторону баррикад...

Однако вряд ли можно согласиться с той установкой, что повинен в этой ситуации весь народ. Тогда функционировавшим лидерам партии и органов советской власти казалось, что их меры, носившие принудительный характер, вполне приемлемы и оправданы. Именно принудительным способом все калмыцкое население было переселено в столь отдаленные места.

А. С. Иванов обратился к истории той, другой, жизни калмыков, оторванных от родных мест. И надо отметить, что автор сконцентрировал свое внимание на анализе главным образом социализации калмыцкого населения в новых условиях, реализации социальной государственной политики в отношении калмыков. Такой подход в определенной мере отличается новизной постановки самой проблемы. В данном случае автором опускаются все детали развития процесса переселения, перипетий с самими переселенцами, роль

в этом деле партийных организаций и органов советской власти, военного командования, отношении калмыков, теперь уже спецпереселенцев, к этим действиям. Автора больше волнует и привлекает вопросы, как будут жить в новых условиях калмыки, каким будет их быт, работа, обустройство на новых местах, воссоединение семей с теми, кто находился на фронтах войны, постепенное привлечение калмыков к общественной жизни, улучшение своего материального положения все через тот же труд. Труд не был легким, осуществлялся под надзором спецкомендатур, как и весь жизненный путь калмыка – спецпереселенца.

В разделах книги по крупницам раскрыты и восстановлены дни жизни калмыков на спецпоселении в Тюменской, Омской областях, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском национальных округах. И сам автор влюблен в свою тему, живет ею.

А. С. Иванов в предпосланном историографическом обзоре к книге, верно подмечает "необходимость говорить о происходящей в научной среде концептуализации авторских позиций, появлении новых исследовательских подходов и парадигм, расширяющих поле научного поиска", отсюда он выстраивает и логичную концепцию своей книги, развивая в ее разделах свое видение проблемы, суть происходившего, отмечает стремление, и мысли тех, кто проходил эти испытания, а также их конечную цель – возвращение домой.

У калмыков, как и у других этнических общностей, находившихся в подобной ситуации, была ярко выраженной приверженность к историческому месту проживания, к тому, где был их дом, степные просторы, голубое небо над головою с бескрайним горизонтом, поле в красных маках весной. В природе красные маки – цветок страсти, благородства и умиротворения. Вот в таком окружении, в общении с природой, проживали калмыки до принудительного выселения в Сибирь.

Несомненно, поворот автора книги к освещению процессов принудительного переселения этнической общности как бы с обратной стороны, заслуживает признания, позволяет воспринимать проблему всесторонне, с учетом ментальности этнической общности, уровня самосознания и национального сознания, отношения к окружающему миру, к тому, кто проживает рядом. Привлекают разделы, в которых много внимания уделено появлению контактов

калмыков с местным населением, находившихся в рамках от боязни общения до дружеских отношений, взаимной помощи, взаимопонимания.

И еще не менее важная сторона настоящего исследования – это отношение калмыков к детям. Их на переселении было много. Особый труд в заботе о них выпадал на плечи матерей, старших сестер и братьев.

В то же время решалась задача, как бы незаметно, чисто психологического свойства, необходимости доказательства, что ты – "не зверь", что ты – "благонадежен".

Выводы автора книги аргументированы. Раскрыты многие вопросы пребывания в условиях принудительного переселения этнической общности, ее адаптации и интеграции в местный социум, формирования самосознания и национального сознания. Протекали эти процессы в новых трудных жизненных условиях, непривычной во всех отношениях окружающей обстановке, в повседневных буднях сложного бытия.

Несмотря на трудное прошлое, в дружбе с другими народами общество калмыков должно продвигаться вперед, проявляя заботу о своем народе, приумножая экономический потенциал государства и Калмыцкой Республики, а также свое духовное богатство.

Н. Ф. Бугай,
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института
российской истории РАН, действительный
государственный советник
Российской Федерации III класса

Введение

Семьдесят лет минуло со времени трагических событий декабря 1943 г. – одной из наиболее драматических страниц в истории калмыцкого народа – насильственного переселения калмыков в Сибирь. Изгнанию из родных мест подвергся народ, который в начале XVII в. добровольно принял русское подданство и на протяжении более чем трех столетий доблестно сражался в войнах России с внешними врагами¹.

Историко-культурный облик калмыцкой этнической общности сформировался на современной территории западной части Монголии и северо-западных областей Китая (Джунгария). Калмыки перекочевали в пределы Российского государства первоначально на территорию Сибири, а к середине XVIII в. обосновались в междуречье Волги и Урала. Позднее большая часть калмыков переселилась на земли в низовья Волги и Прикаспия, которые стали называться Калмыцкая степь. Традиционное калмыцкое хозяйство было основано на экстенсивном скотоводстве и связанным с ним кочевом образе жизни. Исторически калмыки исповедуют буддизм².

Административно-политическая автономия калмыцкого народа в составе Российской Федерации была образована после установления Советской власти в 1920 г. в форме Калмыцкой автономной области. В 1935 г. область была преобразована в государственную-политическую автономию – Калмыцкую автономную советскую социалистическую республику (Калмыцкую АССР)³. К началу Великой Отечественной войны (по переписи 1939 г.) население республики, в которой проживало 107 315 калмыков (по СССР – 134 402 чел.), специализировалось на животноводстве, а калмыки почти полностью перешли на оседлый образ жизни⁴.

¹ См. об этом: *Беликов Т. И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – начало XIX вв.). – Элиста, 1965.

² *Гучинова Э.-Б. М.* Помнить нельзя забыть. Антропология депортационной травмы калмыков. – Штутгарт, 2005. – С. 7–8.

³ *Максимов К. Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. – М., 2007. – С. 38.

⁴ Там же. – С. 24–25, 31, 37, 39.

Калмыкию и калмыков не минули волны репрессий (антирелигиозная кампания, "раскулачивание", "Большой террор" и др.), проходившие в СССР в 1920–1940-е гг.⁵, но депортация занимает особое место в этом ряду, поскольку затронула каждого индивида.

В данной книге на примере двух западносибирских (Омской и Тюменской) областей изучается комплекс проблем, порожденных принудительным переселением калмыцкого народа. С 1934 по 1944 г. Тюменская область находилась в составе Омской области, а 14 августа 1944 г. получила статус самостоятельной административной территории⁶. Именно на эту территорию депортировали самую большую группу калмыцкого населения – более четверти от общего числа спецпереселенцев. Здесь имели место различные виды репрессий, аналогичные тем, которые предпринимались властью в других сибирских краях и областях, поэтому данная территория являлась типичной с точки зрения использования репрессивного механизма в отношении переселенных калмыков.

Принудительное переселение, спецпоселение и репатриация калмыцкого населения имеют свои особенности, поэтому именно выделение характерных черт государственных мероприятий в отношении данной группы населения приблизит нас к пониманию функционирования механизма власти в Советском Союзе, даст представление о практике решения национальных проблем в стране.

Трагический опыт калмыцкого народа помогает определить влияние репрессии на специфику этнического развития социальной общности, дает возможность установить факторы, влияющие на его адаптацию к новым внешним условиям и обстоятельствам. Кроме того, изучение заявленной темы является необходимым, поскольку дополняет наши представления о влиянии предписываемых государством статусных характеристик на поведение личности.

Для постсоветской России одной из важнейших задач является выработка внятной национальной политики, обеспечивающей гражданское межнациональное согласие и равноправие всех народов, ее населяющих. Ее конфигурирование невозможно без учета

⁵ Максимов К. Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е гг. – М., 2004.

⁶ Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.). – Тюмень, 2003. – С. 213–214.

исторического опыта регулирования национальных проблем в нашей стране, поскольку межнациональная напряженность в значительной мере уходит корнями в сталинский период, когда необоснованным репрессиям были подвергнуты целые народы, грубо нарушены их права, поставлено под вопрос само существование этносов.

Объективное и всестороннее изучение заявленной темы необходимо также ввиду существующих в современном российском обществе прямо противоположных оценок репрессий в отношении народов СССР – от "геноцида" народов в результате депортации до их "спасения" этой акцией, а также ввиду использования темы в целях разжигания межнациональной вражды. Непредвзятое изучение темы не только дает возможность отдать дань уважения и памяти бесчисленным жертвам сталинского режима, но и объективно содействует снижению конфликтности в межнациональных отношениях в стране – путем упрочения общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации)⁷.

Чтобы понять суть государственной политики в отношении депортированных калмыков, мы постараемся ответить на два взаимосвязанных вопроса: во-первых, чего добивалась советская власть, не просто единовременно наказывая целый народ (выселяя с родных мест), но помещая его в условия особого административного режима (спецкомендатуры); во-вторых, в чем заключалась эта репрессия как с точки зрения государства, так и с точки зрения спецпоселенцев?

Исследование базируется на широком круге разнообразных источников. Основу составляют впервые вводимые в научный оборот неопубликованные источники, выявленные в 32 фондах 10 федеральных, региональных, муниципальных архивов и фондах Омского государственного историко-краеведческого музея. Ряд использован-

---

⁷ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666) [Электронный ресурс] / Режим доступа: (15 июля 2013 г.): <http://graph.document.kremlin.ru/DownloadZip.ashx?realfile=1/644/1644521.zip&shownfile=1644521.zip>. – Загл. с экрана. – С. 5.

ных в исследовании документов был опубликован в сборниках документов и материалов и в специальных изданиях документов⁸.

Весь массив источников можно разделить на пять видов.

1. В работе использованы законодательные и нормативно-правовые акты (указы, постановления, распоряжения, решения, приказы, инструкции, положения) государственных, хозяйственных органов и структурных подразделений их аппаратов, которые по уровню принятия властных решений подразделялись на центральные и местные.

2. Материалы делопроизводства государственных учреждений, партийных организаций ВКП(б)/КПСС и производственных организаций составили следующий вид источников. Они включают организационно-распорядительную документацию (приказы, протоколы), плановые документы, деловую переписку (письма, телеграммы), информационно-отчетные документы (отчеты, информации, сведения, справки, доклады, докладные записки, акты обследования, балансовые ведомости) и документы кадрового делопроизводства (трудовые книжки, приказы по личному составу).

Делопроизводственные документы представлены документами местных органов власти и управления⁹, а также отчетами, докладными записками и перепиской по переселению калмыков; документами

---

⁸ 40–50-е гг.: последствия депортации народов (Свидетельствуют архивы НКВД-МВД СССР) / Сост. Н.Ф. Бугай // История СССР. – 1992. – № 1; Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: "Их надо депортировать..." Документы, факты, комментарии. – М., 1992; Спецпереселенцы в СССР в 1944 г., или Год большого переселения // Отечественные архивы. – 1993. – № 5; Ссылка калмыков: как это было: Сб. док. и мат-лов. Т. I. Кн. 1. – Элиста, 1993; Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. I. Ссылка калмыков: как это было: Сб. док. и мат-лов. Кн. 2. – Элиста, 2001; Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. Восстановление автономии (1956–1963 гг.). – Элиста, 2004; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. – Новосибирск, 1996; Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и др. мат-лы: в 3 т. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956. – М., 2000; "По решению правительства СССР..." (Депортация народов: документы и материалы). – Нальчик, 2003; История сталинского ГУлага, конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собр. док.: в 7 т. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. – М., 2004; Сталинские депортации. 1928–1953. – М., 2005.

⁹ Омского, Тюменского обкомов, Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого окружкомов, Тобольского, Тюменского горкомов, Иселькульского райкома партии, Омского, Тюменского (областных), Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого (окружных), Сургутского и Березовского (районных) исполкомов.

по основной деятельности (годовыми отчетами, балансовыми ведомостями, приказами по личному составу) хозяйственных организаций (госрыбтрестов, рыбзаводов, леспромхозов); документами окружных и районных рыболовпотребкоопераций. При этом наиболее информативными источниками по исследуемой теме являются докладные записки УНКВД/УМВД.

Нами использованы также ранее недоступные для исследователей отчеты о работе прокурора Тюменской области и отчеты тюменской областной прокуратуры по спецделам (за 1944–1956 гг.), что позволило проанализировать прокурорский надзор за спецпоселениями. Для изучения практики трудовых отношений нами привлечены трудовые книжки калмыков-работников Сургутского рыбозавода.

3. Значительное количество статистических источников содержится в "Выборочных сведениях из отчетов" УНКВД/УМВД краев и областей (1944–1949 гг.) и информациях отдела спецпоселений "о количестве ссыльно-поселенцев, ссыльных, высланных и спецпоселенцев" (1953–1955 гг.). Они позволили восстановить погодную численность калмыков на протяжении всего периода депортации, установить уровень рождаемости и смертности (в начальный период), число побегов с мест поселения и др. Количественные данные (об использовании калмыков в различных отраслях хозяйства, степени их трудоспособности, наличии в парторганизациях), содержащиеся в статотчетах различных заинтересованных ведомств и партийных организаций – годовых и квартальных, дают возможность реконструировать картину использования труда репрессированных, степень их участия в работе партийных органов.

4. В исследовании мы привлекали также источники личного происхождения, в частности рукописи воспоминаний депортированных калмыков А. И. Манджиева, П. М. Первеева и С. У. Эрдниева, личную переписку Э. М. Павлова и В. Б. Чимбеева. Большое количество мемуаров содержится в сборниках воспоминаний¹⁰. Были выявлены

¹⁰ Боль памяти. Элиста, 1999; Мы – из выселенных навечно. Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.). Элиста, 2003.

воспоминания участников и очевидцев спецпереселения, опубликованные в периодической печати¹¹.

5. Мы привлекали и устные источники – это полевые материалы автора. Автором в ходе экспедиций 2009–2012 гг. по районам Ханты-Мансийского (Березовский, Кондинский, Сургутский районы) и Ямало-Ненецкого (Шурьшкарский район) округов были записаны уникальные воспоминания как самих репрессированных калмыков (Т. А. Зуева, С. Г. Мучиряев, Г. У. Степанова, П. И. Хурюмова), так и людей, имевших опыт общения и взаимодействия с ними в период нахождения на спецпоселении (Л. Е. Пачганова, А. М. Соколова и др.). Сведения, почерпнутые из данного вида источников, позволили лучше понять состояние спецпоселенческого социума.

В качестве методологической основы в монографии использована концепция "политики населения", представленная в работах П. Холквиста¹². При таком подходе масштабное применение Советским государством насилия к различным социальным и этническим группам рассматривается как политика, направленная на формирование состава населения посредством интервенций в социальную среду с целью "отсечения злостных элементов", мешающих построению социалистического общества, и вживления "полезных", способствующих его развитию¹³.

Эмпирический материал для исследования был собран в должном объеме благодаря максимальному содействию и профессиональной компетенции сотрудников архивных и музейных учреждений: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Исторического архива Омской области (ИсА ОО)¹⁴, Омского государственного историко-краеведческого (ОГИК) музея, Государственного архива Тюменской

¹¹ "Комсомолец Калмыкии", "Омская правда", "Крестьянское слово" (Омск), "Нива" (Кормиловка).

¹² Холквист П. Вычислить, изъять и истребить: Статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. – М., 2011. – С. 139–179.

¹³ Там же. – С. 161–165.

¹⁴ В состав ИсА ОО вошли существовавшие ранее Государственный архив Омской области (ГАОО) и Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДНИОО). Фонды бывшего ЦДНИОО указываются с прибавлением к номеру фонда литеры "П" (например, П-17).

области (ГАТО), Государственного архива социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО), Государственного архива в г. Тобольске (ГА в Тобольске), Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа (ГАХМАО), архивного отдела Администрации Березовского района (АОАБР), Березовского районного краеведческого музея (БРКМ), Сургутского городского архива (СГА), Сургутского краеведческого музея (СКМ), архивного отдела Администрации Шурышкарского района (АОАШР), музея истории политических репрессий "Кладезь".

Автор благодарит рецензентов: главного научного сотрудника Института российской истории (ИРИ) РАН, д. и. н., профессора Бугая Николая Федоровича; заведующего кафедрой истории России Челябинского государственного университета, д. и. н., профессора Гончарова Георгия Александровича; ведущего научного сотрудника Центра военной истории России ИРИ РАН, д. и. н., доцента Земскова Виктора Николаевича – за критический анализ нашей работы.

Особая благодарность за неоценимую помощь, советы и консультации – моему наставнику и научному редактору данной книги – ведущему научному сотруднику Центра военной истории России ИРИ РАН, к. и. н., доценту Серазетдинову Борису Уразбековичу. Вместе с ним мы начинали разработку этой темы, без участия Бориса Уразбековича данная книга не смогла бы увидеть свет.

Данное исследование не могло бы состояться на должном уровне без обоснованных и аргументированных замечаний к его рукописи, постоянного участия и поддержки преподавателей кафедр истории России и Всеобщей истории и археологии Сургутского государственного университета – д. и. н., профессора Прищепы Александра Ивановича, заведующей кафедрой Всеобщей истории, к. и. н., доцента Авимской Марины Аскольдовны, заведующей кафедрой истории России, к. и. н., доцента Труфановой Жанны Николаевны, к. и. н., доцента Задорожной Ольги Анатольевны, к. и. н., доцента Кирилюка Дениса Валерьевича, к. и. н., доцента Ташлыковой Марины Ивановны.

Настоящая работа во многом является плодом осмысления автором тех замечаний, аргументированной критики, советов и идей, высказанных друзьями и коллегами на научных форумах, в ходе реализации совместных творческих проектов и работы над текстом

монографии, за что хотелось бы выразить благодарность профессору кафедры истории, теории и методики обучения Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, д. и. н. Кириллову Виктору Михайловичу, заведующему кафедрой истории России Уральского государственного педагогического университета, д. и. н., профессору заслуженному деятелю науки РФ Корнилову Геннадию Егоровичу, ученому секретарю Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (ИИиА УрО РАН), старшему научному сотруднику сектора экономической истории, к. и. н. Михалеву Николаю Анатольевичу, старшему научному сотруднику отдела истории и этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, к. и. н. Игнатовой Надежде Максимовне.

Глубокую признательность хотелось бы выразить старшему научному сотруднику сектора локальной истории и истории повседневности ИИиА УрО РАН, к. и. н., Суржиковой Наталье Викторовне, обратившей наше внимание на работы П. Холквиста, и старшему научному сотруднику лаборатории истории освоения Сибири Тобольской комплексной научной станции УрО РАН, к. и. н. Загороднюк Надежде Ивановне – за критический взгляд на проделанную нами работу, важные замечания и комментарии относительно содержания понятия "внутринациональные группы".

Большое значение для осмысления исследуемой проблематики имели отзывы о проделанной работе, полученные от заместителя директора по научной работе Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН д. и. н. Кринко Евгения Федоровича, заведующего кафедрой отечественной истории Тюменского государственного университета д. и. н., профессора Пашина Сергея Станиславовича, доцента кафедры евразийских исследований департамента международных отношений Уральского федерального университета, к. и. н. Быковой Светланы Ивановны, старшего научного сотрудника лаборатории антропологии и этнографии Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН, к. и. н. Лискевич Нины Александровны.

Заведующая отделом краеведения историко-культурного центра "Старый Сургут" Пастухова Валентина Федоровна оказала нам неоценимую помощь и предоставила возможность работы с уни-

кальными документами, собранными кропотливым трудом сотрудников "Дома краеведа".

За радушный прием, возможность ознакомиться с неопубликованными материалами личного архива, неоценимую помощь при сборе полевых материалов сердечно благодарим руководителя музея истории политических репрессий "Кладезь" – Карагаева Владимира Ивановича.

Глава 1

ДЕПОРТАЦИЯ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

1.1. Зарубежная историография проблем депортации

К исследованию темы депортации народов в СССР и, в частности, калмыков первыми обратились зарубежные историки.

Роберт Конквест рассматривал депортации народов как естественное продолжение русской колониальной экспансии. Ликвидация автономий депортированных народов являлась "предупреждением нерусским народам", чья лояльность могла быть поставлена под сомнение при наступлении внешнего врага. Изгнанные из родных мест народы хотя и не были уничтожены, но были обречены на постепенное забвение¹.

В монографии И. Хоффмана исследуется проблема калмыцкого военного коллаборационизма. Автор доказывает, что сотрудничество калмыков с немцами было добровольным и массовым, причиной чего был "крах советской национальной политики в кризисном 1942 г.", а "ответом Советского правительства на массовый переход подданных на сторону врага стали депортации и уничтожение целых народов..."². Восстановление же национальной автономии народа он связывает с влиянием зарубежной калмыцкой диаспоры, а также с тем, что "уничтожение малых восточных народов" повредило бы репутации СССР в глазах "у быстро выходявших на мировую политическую арену азиатских стран"³.

А. Некрич в книге "Наказанные народы"⁴, которая была издана в России в 1993 г.⁵, на основе анализа советской научной литературы и рукописей диссертаций говорит о том, что подавляющее большинство калмыков остались верными советской власти⁶, а обвинения,

¹ *Conquest R. W. The Nation Killers.* – L., 1972 (1-е изд. – 1960 г.). – P. 7-10.

² *Hoffman J. Deutsche und Kalmyken. 1942–1945.* – Freiburg, 1974. – S. 142, 188, 190.

³ *Ibid.* – P. 191.

⁴ *Nekrich A. M. Punished peoples.* – NY, 1978.

⁵ *Некрич А. Наказанные народы // Нева.* – 1993. – № 9, 10.

⁶ Там же. – № 9. – С. 260.

выдвинутые против народа, несостоятельны⁷. Депортация калмыков во время войны рассматривалась государством как мера карательная, а также как мера военно-стратегического характера, имевшая целью создание более "надежного" слоя пограничного населения⁸. Автор отмечал, что в местах выселения спецпоселенцев "подвергли не то что экспроприации, а, скорее, пауперизации. Они были сведены в первые годы спецпоселения на уровень бесправных и преследуемых нищих"⁹. Исследователь обращает внимание на особое значение стихийного возвращения (начиная с 1954 г.) в места высылки, которое подталкивало советское руководство к принятию решений, направленных на разрешение назревшего кризиса в сфере межнациональных отношений¹⁰.

В 1990-е открывается возможность для изучения советской национальной политики в архивах¹¹, и во второй половине десятилетия за рубежом появляются серьезные исследования, базирующиеся на архивных материалах.

Т. Мартин полагает, что этнические чистки 1930-х гг. не сопроваждались действиями, способствовавшими ассимиляции, наоборот, они усиливали примордиальную сущность национальностей в Советском Союзе. Причину же депортации народов Северного Кавказа исследователь видит в "стихийном этническом конфликте 20–30-х гг.", который привел к "стихийной этнической вражде", распространению этнических чисток за пределы диаспор и переселению некоторых национальностей в годы войны¹². Вместе с тем американский историк признает, что калмыки были депортированы несмотря на то, что Калмыкия не являлась местом "многочисленных этнических конфликтов"¹³. В авторской трактовке этнические чистки

⁷ Некрич А. Наказанные народы // Нева. – 1993. – № 9. – С. 258–261.

⁸ Там же. – С. 255.

⁹ Там же. – № 10. – С. 264.

¹⁰ Там же. – С. 268–270.

¹¹ See: *Blitstein P.* Researching nationality policy in the archives // *Chiers du Monde russe.* – V. 40. – № 1–2 (janvier-juin 1999). – P. 125–128.

¹² *Мартин Т.* Империя "положительной деятельности". Нации и национализм в СССР, 1923–1939. – М., 2011. – С. 463–464.

¹³ *Martin T.* The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // *The Journal of Modern History.* – V. 70. – 1998. – № 4. – P. 859.

в отношении целых народов были проявлением "этнизации советской ксенофобии"¹⁴.

Концепция "политики населения", активно разрабатываемая П. Холквистом¹⁵, позволяет видеть в "кулацкой ссылке" не "войну против крестьянства"¹⁶, а "упреждающую антибандитскую кампанию в общесоюзном масштабе, попытку отсечь "вредный" элемент"¹⁷. Проводимые же десятилетием позднее операции по принудительному переселению (депортации) народов – это реализация "политики населения", позволяющее идентифицировать и изъять казавшееся властям неблагонадежным население ("вредоносные элементы"), заражающее социальное тело советского общества, и тем самым вылепить (с помощью военной статистики) необходимое государству население. Вместе с тем Питер Холквист ограничивает политику, направленную на формирование состава населения, высылкой с мест традиционного проживания неблагонадежного населения, "пораженного бандитизмом". Поэтому спецпоселение и репатриация народов фактически выпадают из проблемного поля работ данного специалиста¹⁸.

Уолтер Кэмп увидел в депортациях народов попытку решения национального вопроса в СССР. Исследователь пришел к выводу о том, что принудительные переселения нанесли народам глубокие обиды, которые заняли главное место в политической культуре этих национальных групп. В то же время угроза, созданная сталинской политикой, привела к сплочению этносов для защиты их образа жизни и физического выживания¹⁹.

¹⁴ Мартин Т. Империя "положительной деятельности"... – С. 465.

¹⁵ См: Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа в европейском контексте (1914–1921) // Россия и Первая мировая война. – СПб., 1999; Его же. "Осведомление – это альфа и омега нашей работы". Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. – Самара, 2001; Его же. Россия в эпоху насилия // Опыт мировых войн в истории России: сб. статей. – Челябинск, 2007.

¹⁶ См., напр.: Грациози А. Великая крестьянская война в СССР: Большевики и крестьяне. 1917–1933 гг. – М., 2001.

¹⁷ Холквист П. Вычислить, изъять и истребить... – С. 166.

¹⁸ Там же. – С. 158.

¹⁹ Kemp Walter A. Nationalism and Communism in Eastern Europe and the Soviet Union. A Basic Contradiction. – L., 1999. – P. 92–93.

Н. Неймарк изучает проблему депортаций чеченцев, ингушей и крымских татар в контексте "этнических чисток" в европейской истории XX в. По мнению историка, "геноцид <...> в намерения сталинского режима явно не входил. Вместо этого предпринимались усилия по перевоспитанию чеченцев, ингушей и крымских татар с тем, чтобы заставить их забыть свою родину и свою культуру. "Человеческий материал" подлежал сохранению, исчезнуть должны были только нации – как нации – путем ассимиляции и отрыва от корней"²⁰.

Оригинальный взгляд на чистки национальных меньшинств развил Эрик Вайц, назвав их "расовой политикой без концепта расы". Автор полагает, что Советский Союз при Сталине в своей национальной политике систематически использовал социальную инженерию, руководствуясь при этом "расовой логикой" в отношении тех национальных групп населения, которые: 1) не подверглись социалистическим преобразованиям; 2) обладали связями с соплеменниками за рубежом (диаспорные национальности); 3) имели традиционный уклад – слишком сельский, кочевой, "коммерческий", индивидуалистический, религиозный или представляющий собой комбинацию этих свойств.

Каждый член данной группы населения идентифицировался как носитель одних и тех же подозрительных черт, которые передавал следующему поколению. Это, по мнению исследователя, и была расовая логика в действии²¹.

"Следы" расовой политики Э. Вайц видит, в частности, в депортациях народов²² в манере, которая "имела все характеристики других этнических чисток двадцатого века, в том числе Холокоста"²³. Пожалуй, основным аргументом, доказывающим наличие "расовой логики" и осуществление практики "расовой политики" в действиях советского руководства, служит издание Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. В интерпретации

²⁰ Неймарк Н. Пламя ненависти: этнические чистки в Европе XX века. – М.; СПб., 2005. – С. 162–163.

²¹ Weitz E. Racial Politics without the Concept of Race: Reevaluating Soviet Ethnic and National Purges // *Slavic Review*. – Vol. 61. – № 1 (Spring 2002). – P. 18.

²² Ibid. – P. 3.

²³ Ibid. – P. 14.

Э. Вайца это означает, что представители данных этносов на протяжении нескольких поколений должны были нести "расовые клейма"²⁴. Тем самым эти национальные группы, обозначенные властью как "враги социализма", подверглись "расиализации". Все это составляло "практику расовой политики", несмотря на отсутствие ясно сформулированной расовой идеологии²⁵. Отсутствие последней для советского режима, проводящего "политику населения", служило барьером, "предотвращавшим разворачивание полномасштабной, направленной на геноцид программы вроде той, которая осуществлялась в нацистской Германии"²⁶.

Оппонентами Э. Вайца выступили три эксперта по советской этнополитике – Ф. Хирш, А. Вайнер и А. Лемон. Хирш и Вайнер, как и Вайц, являются сторонниками концепции "политики населения", предложенной П. Холквистом. Несмотря на это, они высказали серьезные замечания к исследованию своего коллеги.

Наиболее веские и обоснованные возражения концепция Э. Вайца встретила со стороны Фрэнсин Хирш, чьи основные аргументы касались трех аспектов:

1) Депортация определенных национальностей основывалась на убеждении, что национальности (как и классы) были общественно-историческими группами с общим сознанием, а не расово-биологическими группами (как утверждает Э. Вайц). "Отсталые" или "выродившиеся" народы (племена или нации) были результатом не "естественного положения вещей" или "расовых черт", а "социально-экономического влияния других групп населения"²⁷;

2) Национальность не была биологической или расовой (не было и "расовой иерархии"). Для НКВД и партии большевиков проблемой был не индивид биологический (генетика или кровь), его членство в одной или другой группе – их беспокоил культурный багаж человека и возможные его связи с другими государствами. Эти факторы рассматривались властью в качестве указателей на индивидуальную лояльность человека, его индивидуальное "советское" сознание²⁸;

²⁴ Weitz E. Racial Politics without the Concept of Race... // Slavic Review. – Vol. 61 – No 1 (Spring 2002). – P. 15.

²⁵ Ibid. – P. 6, 24.

²⁶ Ibid. – P. 28.

²⁷ Hirsch F. Race without the Practice of Racial Politics // Ibid. – P. 30.

²⁸ Ibid. – P. 39.

3) Советский режим не стремился устранить расы, генотипы или расовые черты, как это делали нацисты. Его цель состояла в том, чтобы контролировать или вырвать с корнем все формы национализма и стереть национальные территории, языки, культуры и истории тех национальностей, в которых он видел угрозу. Советская национальная политика (с ее вниманием к сознанию группы, переданному через культуру), в отличие от нацистской расовой политики (с ее вниманием к расовым чертам, передаваемым биологически), не требовала убийства народа. Обращение советского режима с определенными национальностями было формой этноисторического изъятия²⁹.

По мнению Амира Вайнера, несмотря на то что советская политика была сформирована беспокойством по поводу публичного заигрывания Германии с советскими этническими немцами и представителями национальностей Кавказа во время войны, особую важность приобретает преследование большинства этих групп исходя из их предполагаемого поведения, а не предумышленного расового взгляда на данные коллективы³⁰.

А. Вайнер утверждает, что, депортируя народы, режим стремился не к физическому уничтожению, устранению их "отличительной этнической идентичности", а к искоренению их территориальной идентичности³¹. Более того, по словам Вайнера, каждой советской национальности напоминали о необходимости искать своих предков и происхождение, в особенности репрессированным крымским татарам³².

Исследователь считает, что этнические чистки (депортации) сталинского времени были частью советской "политики населения", которая покоилась на двойном основании: применении государственного насилия и одновременном культивировании этнонационального партикуляризма³³.

Третий рецензент, Алэйна Лемон, в своем ответе акцентирует внимание на недостаточности теоретических схем, к которым

²⁹ Hirsch F. Race without the Practice of Racial Politics // *Slavic Review*. – Vol. 61 – No 1 (Spring 2002). – P. 40.

³⁰ Weiner A. Nothing but Certainty // *Ibid.* – P. 46.

³¹ *Ibid.* – P. 47.

³² *Ibid.* – P. 51.

³³ *Ibid.* – P. 45–46.

прибегает Э. Вайц³⁴. Отмечается, что расовая логика "живет" не только "в условиях, которые относятся к вещам", но и в различных способах, которыми люди используют язык, чтобы ввести указание на отношения в определенных контекстах³⁵. Поэтому "расовую логику" необходимо искать в первичном материале, на микроуровне, отвечая на конкретные вопросы, например: каким образом войска (отдельные красноармейцы) идентифицировали тех, кого следовало депортировать?³⁶ Другой оппонент (А. Вайнер) задал еще один важный вопрос: от имени какой расы осуществлялась эта "расовая политика"?³⁷

Подводя итоги данной дискуссии, можно заключить, что оппоненты Эрика Вайца указали на основные "слабые места" его концепции, показали недопустимость грубых прямолинейных аналогий советской практики "этнических и национальных чисток" с расовой политикой нацистов.

Проблематика, оживленно обсуждавшаяся на страницах журнала *Slavic Review*, получила развитие в новейших исследованиях известного французского специалиста Николя Верта, который вслед за Ф. Хирш говорит об "этно-историческом изъятии" целых национальностей, объявленных "врагами советской системы". Продолжая мысль, автор заключает: "одним словом, национальность, окончательно исключенная из "большой семьи советских народов", прекращала существование"³⁸. В статье, посвященной процессу демонтажа ГУЛАГа и системы спецпоселений, Н. Верт указывает, что "...система начала распадаться со второй половины 1953 г."³⁹, но только борьба депортированных за право на возвращение заставила правительство удовлетворить это требование⁴⁰.

³⁴ *Lemon A. Without a "Concept"? Race as Discursive Practice // Ibid. – P. 58.*

³⁵ *Ibid. – P. 58.*

³⁶ *Ibid. – P. 56.*

³⁷ *Weiner A. Nothing but Certainty // Ibid. – P. 50–51.*

³⁸ *Vert N. Депортации населения на российском и советском пространстве (1914 – конец 40-х гг.): военное насилие, социальная инженерия, этно-историческое "изъятие" // Террор и беспорядок. Сталинизм как система / Верт Н. – М., 2010. – С. 218.*

³⁹ *Vert N. Массовые освобождения заключенных Гулага и конец "спецпоселений": социально-политические ставки оттепели (1953–1957 гг.) // Там же. – С. 401–402.*

⁴⁰ Там же. – С. 406.

Непосредственное отношение к изучению темы тотальных депортаций этнических групп в Советском Союзе имеет призыв Н. Верта и К. Герлаха к отказу от использования понятия "геноцид" в научных исследованиях, ввиду того что не существует, как они полагают, его строго научного определения. В ходе проведения сравнительного анализа различных типов и уровней насилия, которые практиковали сталинизм и нацизм, они пришли к мысли о том, что альтернативой термину "геноцид" может служить понятие "массовое насилие", поскольку оно "является более общим и включает насильственное переселение, намеренно недостаточное снабжение, стерилизацию, принудительный труд и непомерные сроки лишения свободы"⁴¹.

В работе американского исследователя Э. Эпплбаум высказывается мнение, что "репрессии уничтожали в СССР общественные структуры, которые он [Сталин – А. И.] считал "вражескими" – буржуазию, религиозные, национальные институты, способные ему противодействовать <...> в то же время "трудовые единицы" Сталин считал нужным сохранять"⁴². У исследователя не вызывает сомнений тот факт, что депортированные народы "должны были, по мысли руководства, исчезнуть как нации, влиться в русскоязычную советскую среду"⁴³.

Спецпоселения изучаются как составная часть системы ГУЛАГа в книге Виолы Линн. Переселения "подозрительных" национальностей Советского Союза, произошедшие в годы войны, она рассматривает, прежде всего, как источник, обеспечивающий спецпоселки рабочей силой⁴⁴.

В качестве отступления заметим, что основу для восприятия сети режимных поселений, как периферии ГУЛАГа, заложил еще А.И. Солженицын. В своем самом известном произведении он писал о "районах ссылки", которые "составляли какую-то еще отдельную

⁴¹ Герлах К., Верт Н. Государственное насилие – общество насилия // За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. – М., 2011. – С. 173.

⁴² Эпплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. – М., 2006. – С. 401.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. – М., 2010. – С. 216.

(хоть и в переслойку) страну между СССР и Архипелагом – не чистилище, а скорее грязнулище, из которого можно было переходить на Архипелаг, но не в метрополию⁴⁵.

В новейшей зарубежной историографии последние годы отмечены появлением работ, раскрывающих отдельные аспекты истории депортации, спецпоселения, репатриации и реабилитации "наказанных народов". К примеру, В. Хердт на основе анализа реализации ведомственных приказов НКВД пришел к выводу о неудаче попыток обуздать всевластие комендантов, так как "более сильное включение местных органов НКВД и прокуратуры в процессы принятия управленческих решений объективно вело к усилению режима спецпоселения, за соблюдением которого наблюдали теперь большее количество глаз"⁴⁶. Автор проводит мысль о том, что на спецпоселении отсутствовали механизмы контроля за всевластием не только спецкомендантов, райотделений НКВД, но и органов прокуратуры⁴⁷. Сам Указ от 26 ноября 1948 г., по мысли автора, служил средством закрепления результатов проведенных этнических чисток, обеспечения регионов вселения дешевыми рабочими руками⁴⁸.

Виктор Кригер приводит примеры "особого" отношения властей к спецпереселенцам-немцам – партийным и советским работникам, указывает на их неполноправность⁴⁹. Н. Адлер считает, что демонстрация партийности репрессированными была важна "для нормальной социальной функции, а иногда даже для физического выживания"⁵⁰.

⁴⁵ *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ, 1917–1956. [В 3 кн.], Ч. V–VII: опыт художественного исследования. – Екатеринбург, 2008. – С. 332.

⁴⁶ *Herd V.* Die Neuordnung des Sondersiedlungsregimes und das Dekret vom 26. November 1948 // Von der Autonomiegründung zur Verbannung und Entrechtung. Die Jahre 1918 und 1941 bis 1948 in der Geschichte der Deutschen in Russland. – Stuttgart, 2008. – S. 209.

⁴⁷ *Ibid.* – S. 209.

⁴⁸ *Ibid.* – S. 214.

⁴⁹ *Krieger V.* Personen minderen Rechts: Rußlanddeutsche in den Jahren 1941–46 // Heimatbuch der Deutschen aus Rußland. – Stuttgart, 2004. – S. 102.

⁵⁰ *Адлер Н.* "Коммунизм изнутри": о верности партии до, во время и после ГУЛАГА // История сталинизма: репрессированная российская провинция: мат-лы междунауч. конф. – М., 2011. – С. 411–412.

В книге Кэти А. Фрирсон и Семена С. Виленского предпринята попытка описать судьбы детей – узников ГУЛАГа. К таковым в монографии отнесены также и дети "наказанных народов". Приведены сведения о том, что среди депортированных калмыков насчитывалось 40 000 детей⁵¹.

Японский исследователь Ханья Сиро, на основе документов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), реконструирует процесс восстановления упраздненных в годы войны автономий как стадию реабилитационного процесса⁵². В работе доказывается, что XX съезд КПСС не повлек за собой автоматическую территориальную реабилитацию и репатриацию репрессированных. Последовавшие за ним события стали осуществлением лишь одного из вариантов развития исторической ситуации, случайного поворота хода истории и, наконец, переплетения интересов трех сторон – центра, регионов и самих "наказанных народов"⁵³.

На сегодняшний день наибольшее влияние за рубежом на изучение проблематики депортаций народов СССР оказывают две концепции: система взглядов Т. Мартина, представляющая переход к террору, объектом которого становились целые народы ("народы-враги"), как конец империи "положительной деятельности"; и точка зрения П. Холквиста, следуя которой группа исследователей (Э. Вайц, А. Вайнер, Ф. Хирш) рассматривает репрессии в отношении "наказанных народов" как составную часть проводимой советским государством "политики населения". При этом Эриком Вайцом было заявлено о проведении сталинским режимом "расовой политики", однако столь радикальная трактовка концепции П. Холквиста подверглась аргументированной критике.

Таким образом, тема депортации, спецпоселения и репатриации народов вызывает оживленные дискуссии. Можно выделить ряд подходов, характеризующих западную историографию. Первым исследованиям было свойственно восприятие депортации как уничтожения (И. Хоффман), "обречения на забвение" (Р. Конквест) или наказания и пауперизации (А. Некрич) депортированных. Сегодня

⁵¹ *Frierson Cathy A., Vilensky Semyon S. Children of the Gulag. – New Haven and L., 2010. – P. 293–294.*

⁵² *Ханья С. Секретный доклад Н. С. Хрущева и восстановление автономных территорий в 1957 г. // Acta Slavica Iaponica. – 2005. – V. 22. – P. 143.*

⁵³ *Ibid. – P. 164.*

преобладает ее оценка как этнической чистки с целью ликвидации территориальной (А. Вайнер, К. Браунинг, Л. Сигельбаум⁵⁴) и/или этнокультурной идентичности путем ассимиляции (Н. Неймарк, Ф. Хирш, Э. Эпплбаум, Н. Верт⁵⁵). Авторы акцентируют внимание на выселении и возвращении (как результате борьбы народов за свои права) репрессированных. Нужно полагать, что такое видение проблемы привело Ф. Хирш и Н. Верта к мысли о "этно-историческом "изъятии"" депортантов. Работ по истории спецпоселения меньше, и посвящены они ссыльным крестьянам (Л. Виола) и немцам (В. Кригер, В. Хердт).

Но, пожалуй, главное, о чем можно говорить, исходя из анализа теоретического содержания публикаций рубежа XX–XXI вв., – это переход в данный период авторов на новый уровень осмысления проблематики репрессий в отношении народов СССР.

1.2. Отечественные исследования принудительного переселения калмыков

За последние 20 лет был опубликован внушительный массив исследований, посвященных проблематике политических репрессий в отношении народов СССР. Их содержание позволяет выделить несколько существенно различающихся авторских позиций:

Одним из первых обратился к теме репрессий в отношении народов СССР Н. Ф. Бугай. Николай Федорович считает, что усиление тоталитарного режима обусловило в национальной политике появление таких жестких мер, как депортация целых народов и групп населения. Эта репрессия рассматривалась в качестве одной из мер по ослаблению конфликтности, во-первых, между властью и народами, а во-вторых – между разными народами. По мнению историка, власти считали ее эффективным средством для улучшения криминальной обстановки⁵⁶.

⁵⁴ Браунинг К. Р., Сигельбаум Л. Х. Социальная инженерия. Сталинский план создания "нового человека" и нацистское "народное общество" // За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. – М., 2011. – С. 341.

⁵⁵ См. также: Герлах К., Верт Н. Указ. соч. – С. 206–207.

⁵⁶ Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: "Согласно Вашему указанию...". – М., 1995. – С. 5.

Ведущий специалист по истории спецпоселения В. Н. Земсков пишет о том, что депортация на спецпоселение являлась целенаправленной государственной политикой освоения необжитых и малообжитых районов страны посредством насильственных переселений, средством выравнивания трудовых и демографических ресурсов между западными и восточными регионами СССР⁵⁷. Причем при проведении депортации преследовались, в первую очередь, политические цели⁵⁸. В частности, депортация народов служила как "цели ускорения ассимиляционных процессов в советском обществе, так и ликвидации в перспективе этих народов в основном за счет ассимиляции в более крупных этнических массивах и, частично, за счет завуалированного геноцида и ослабления биологического потенциала, что достигалось многократным превышением смертности над рождаемостью при насильственном переселении и в первые годы жизни на спецпоселении"⁵⁹.

П. М. Полян полагает, что депортации мыслились насущным и эффективным орудием социальной инженерии, причем орудием "гуманным", поскольку тем или иным социально неблагонадежным контингентам отказывалось не в праве на жизнь (тогда бы это был геноцид), а "всего-навсего" в праве на свободу⁶⁰.

Исследуя политику государства в отношении спецпереселенцев в 1930–1950-е гг. на материалах региона вселения (Коми АССР), Н. М. Игнатова приходит к выводу о том, что "именно экономические потребности государства играли приоритетную роль в осуществлении массовых принудительных переселений", а "спецпереселенцы стали в своем роде "заложниками" экономических потребностей государства, приписными рабочими на лесозаготовках, шахтах, рудниках и фабриках"⁶¹. Автор заключает, что "политика спецпереселения строилась исходя из потребностей регионов" в рабсиле⁶².

Взяв за основу нормативно-правовые документы "карательного" ведомства, Л. П. Белковец пришла к мысли о том, что "переселения

⁵⁷ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. – М., 2005. – С. 281.

⁵⁸ Там же. – С. 282.

⁵⁹ Там же. – С. 284.

⁶⁰ Полян П. М. Депортации и этничность // Сталинские депортации. 1928–1953. – М., 2005. – С. 10.

⁶¹ Игнатова Н. М. Спецпереселенцы в республике Коми в 1930–1950-е гг. – Сыктывкар, 2009. – С. 41.

⁶² Там же. – С. 41.

народов в годы Великой Отечественной войны, введенные государством ограничения некоторых прав части советских граждан, режим спецпоселения и нарушения "законных прав" переселенных народов не представляли собой репрессивного механизма"⁶³, а "политика СССР в отношении депортированных народов в 1940–1950-х гг. не может быть квалифицирована как преступление, по причине отсутствия всех элементов такого преступления, как геноцид". Спецпоселение, по мнению автора, являлось "...своеобразным способом использования трудовых ресурсов в целях восстановления разрушенного войной хозяйства и освоения малонаселенных территорий Зауралья"⁶⁴.

С. А. Красильников, исследуя действия власти в отношении ссыльных крестьян, показал, что государственная политика на протяжении 1930-х гг. формировалась и эволюционировала под воздействием императивов социального ("ликвидация кулачества как класса"), экономического ("утилизация трудового потенциала репрессированных") и геополитического ("зачистка" приграничных районов от "неблагонадежных" "социально опасных элементов") характера⁶⁵. Именно комплексный анализ и внимание к изменениям в политике сталинского режима позволили автору обратиться к проблеме вторичных компенсаторных репрессий⁶⁶. Отметим, что механизм проведения подобной акции в отношении калмыков остается неизученным⁶⁷. В работах А. И. Вольхина и С. А. Папкова мы можем

⁶³ Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении. 1941–1955 гг.: Историко-правовое исследование. – Новосибирск, 2003. – С. 298.

⁶⁴ Там же. – С. 301.

⁶⁵ Красильников С. А. Спецпереселенцы // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е гг.). – Новосибирск, 2007. – С. 361–362.

⁶⁶ Принудительные миграции, которые имели своей целью форсированное замещение трудоспособного населения на тех территориях, где в силу действия экстраординарных факторов (в данном случае войны) возникал острейший дефицит трудовых ресурсов (Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. – М., 2003. – С. 135).

⁶⁷ В исследованиях Л. Ф. Гизатуллиной и Е. В. Борковой фиксируется лишь сам факт расселения и прибытия калмыков в северных округах (Гизатуллина Л. Ф. Депортация народов в Северо-Западную Сибирь в 1939–1956 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Тобольск, 2005. – С. 84–88; Боркова Е. В. Депортация калмыков в Тюменскую область (1944–1956 гг.) // Вестник ТГПИ. – 2004. – № 3. – С. 136–143).

найти отдельные сведения о последующих вторичных репрессиях в отношении калмыков⁶⁸.

Под редакцией С. А. Красильникова и А. А. Шадта вышло несколько сборников "Маргиналы в советском обществе"⁶⁹. По этой проблематике были опубликованы две коллективные монографии⁷⁰. В них спецпереселенцы (в т. ч. калмыки) рассматриваются как маргинальная группа, порожденная целенаправленной репрессивной и дискриминационной политикой сталинского режима⁷¹. Шадт полагает, что "депортировав и поместив в систему этнической ссылки десятки народов и народностей СССР, государство создало этнических маргиналов, лишенных естественной среды обитания и традиционных механизмов самовоспроизводства"⁷². Из логики построений авторов следует, что действия государства определяются ими как "политика принудительной маргинализации" депортированных этнических групп⁷³.

Чтобы охватить весь спектр позиций относительно действий власти в отношении калмыков, необходимо обратиться к работам, специально исследующим вопросы депортации, спецпоселения и репатриации калмыцкого народа.

Калмыцкие авторы (К. Н. Максимов, К. В. Убушаев, В. Н. Авлиев, Е. А. Бембеева и др.) в своих исследованиях обосновывают тезис

⁶⁸ Вольхин А. И. О характере арестов, осуществленных органами НКГБ Урала и Сибири в годы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке. 1997 г. Российские спецслужбы: история и современность. – М., 1999. – С. 88–90; Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. – М., 2012. – С. 314–315.

⁶⁹ Маргиналы в советском обществе 1920–1930-х гг.: историография, источники. – Новосибирск, 2001.; Маргиналы в советском обществе: механизмы и практика статусного регулирования в 1930–1950-е гг.: Сб. науч. ст. – Новосибирск, 2006; Маргиналы в советском обществе: институциональные и структурные характеристики в 1930–1950-е гг.: Сб. науч. тр. – Новосибирск, 2007.

⁷⁰ Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е гг.). – Новосибирск, 2007; Маргиналы в советском социуме. 1930-е – середина 1950-х гг. – Новосибирск, 2010.

⁷¹ Красильников С. А., Шадт А. А. Введение // Маргиналы в советском социуме... – С. 3.

⁷² Шадт А. А. Этническая ссылка советских немцев // Маргиналы в советском социуме... – С. 414.

⁷³ Маргиналы в советском социуме... – С. 6, 366.

о депортации и спецпоселении как о "политике геноцида" в отношении народа⁷⁴. По мнению К. В. Убушаева, депортация "значительно эволюционировала в условиях тоталитарного режима Сталина. Из средства "разгрузки" этнической напряженности она постепенно превращается в рычаг "решения" национального вопроса"⁷⁵. Доказательством при этом служит указание на огромные общие демографические потери калмыцкого народа ("не менее 40 % исходного населения")⁷⁶.

Особняком стоит позиция этнолога Э.-Б. М. Гучиновой, которая призывает "не мериться геноцидами"⁷⁷, вводит в научный оборот понятие "депортационная травма"⁷⁸ и приходит к заключению, что в период депортации этничность приобрела стигматизированный характер, показывая инструменталистское усвоение народом травмы, а также механизмы и пути сохранения целостности и культурной самобытности группы в экстремальных условиях⁷⁹.

На основании описанных позиций можно констатировать существенную поляризацию взглядов на проблемы депортации и спецпоселения в современной историографии. Сопоставление различных точек зрения на политику советской власти дает основания говорить о происходящем в современной историографии переходе от обособленного рассмотрения депортации и спецпоселения в рамках репрессивной, национальной или экономической политики

⁷⁴ Максимов К. Н. Репрессии против калмыцкого народа и его реабилитация (1943–1950-е гг.) // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. – Элиста, 2009. – Т. 2. – С. 583.; Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959 гг. – Элиста, 2007. – С. 315; Бембева Е. А. Деятельность женщин Калмыкии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Элиста, 2008. – С. 253.

⁷⁵ Убушаев К. В. Депортация и правовая реабилитация калмыцкого народа: историко-правовые аспекты (1943–1991 гг.): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Ставрополь, 2003. – С. 56.

⁷⁶ Авлиев В. Н. Калмыцкое народонаселение в конце XIX–XX в.: историко-демографическое исследование: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Элиста, 2004. – С. 116.

⁷⁷ Гучинова Э.-Б. М. Помнить нельзя забыть. Антропология депортационной травмы калмыков. – Штутгарт, 2005. – С. 263.

⁷⁸ Депортационная травма – это "переживание, сохранение и трансляция в народной памяти вынужденных переселений, которые по политико-идеологическим и культурным причинам долго замалчивались в официальной истории и часто табуировались в массовом сознании" (Гучинова Э.-Б. М. Помнить нельзя забыть... – С. 11–12).

⁷⁹ Там же. – С. 13, 268–270.

советского государства к многоаспектному анализу формирования и эволюции политики сталинского режима, реконструкции способов и последствий ее осуществления в отношении этнических депортантов. Особенно выделяются в этом плане новейшие исследования С. А. Красильникова, А. А. Шадта и В. В. Сарновой.

Вместе с тем обозначенные подходы вскрывают наличие существенных исследовательских проблем. Так, В. В. Сарнова пишет о том, что для первых лет ссылки этнических депортантов был "характерен процесс скоротечной маргинализации", которому способствовала жилищная неустроенность⁸⁰. Хотя очевидно, что неустроенность была характерна и для эвакуированного населения, которое не являлось маргинальной группой. Сама же Сарнова указывает, что "для скорейшего "обустройства" спецпереселенцев централизованно выделялись значительные ресурсы всех видов"⁸¹. Это, на наш взгляд, противоречит тезису о "маргинализации" этнических групп со стороны власти.

А. А. Шадт связывает переход к дисперсному принципу расселения (в противоположность "кулакам", изолированно размещенным в спецпоселках) депортированных народов с изменением приоритетов спецпоселения. По его мнению, "этнические депортации не ставили задачу изоляции существующих или потенциальных коллаборационистов". Он полагает, что "дисперсное расселение этнических депортантов среди инокультурного окружения должно было, по мнению организаторов данных акций, привести к постепенной ликвидации этнического сознания переселенных народов...", оно "... сыграло основную роль в этнической маргинализации депортированных в Сибири, спровоцировав их ассимиляцию"⁸². Нам подобное заключение представляется спорным в части целенаправленной деятельности органов власти в этом вопросе. Отметим, что Н. Ф. Бугай считает сомнительными "различного рода суждения <...> о создании режима распыления народов на территории, в 100–200 раз превышающей исходную"⁸³.

⁸⁰ Сарнова В. В. Этническая ссылка // Маргиналы в советском социуме... – С. 348.

⁸¹ Там же. – С. 351.

⁸² Шадт А. А. Этническая ссылка советских немцев. – С. 364.

⁸³ Бугай Н. Ф. Народы Украины в "Особой папке Сталина". – М., 2006. – С. 5.

В. Б. Убушаев и К. В. Убушаев, придерживаясь мнения о "геноциде народа" в местах поселения, ставят под сомнение сам факт выдачи государством спецпереселенцам-калмыкам скота на спецпоселении⁸⁴. В то же время К. Н. Максимов, разделяющий тезис о "геноциде", говорит о фактах изъятия у калмыков полученного скота за неуплату налогов⁸⁵. В. В. Сарнова, приводя данные ОСП УМВД Томской области, где упоминается о факте полного расчета с калмыками "за скот и зерно, оставленные на месте прежнего жительства", сетует на то, что "нельзя <...> точно сказать, производился ли этот расчет за все оставленные продукты или только за те, которые подтверждались квитанциями, выданными по всем правилам"⁸⁶. Точно так же А. А. Шадт говорит о том, что "благие намерения" руководства не были выполнены, об этом косвенно говорит отсутствие каких-либо архивных материалов о выполнении подобных просьб о выделении ссуд, стройматериалов и скота немцам в послевоенный период⁸⁷.

Большой вклад в изучение калмыцкого спецпереселения внес Б. У. Серазетдинов⁸⁸, который впервые обратился к вопросу роли труда спецпереселенцев в обеспечении продовольственной безопасности, установил факты халатного отношения местных руководителей к использованию целевых долгосрочных кредитов, предназначенных калмыкам в Сургутском районе, обратил внимание на отсутствие достаточной информации о государственной программе кредитования у ее адресатов – отдельных депортантов⁸⁹.

Применительно к исследуемой территории Е. В. Боркова, справедливо указывая на то, что отпускаемые государством кредиты

⁸⁴ Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Указ. соч. – С. 154.

⁸⁵ Максимов К. Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е гг. – С. 278–279.

⁸⁶ Сарнова В. В. Депортация калмыков в Западную Сибирь в 1943–1944 гг. // Гуманитарный ежегодник. Вып. IV: сб. науч. тр. аспирантов и соискателей. – Новосибирск, 2003. – С. 68.

⁸⁷ Шадт А. А. Этническая ссылка советских немцев. – С. 413.

⁸⁸ Серазетдинов Б. У. Ссылка // Югра. – 2003. – № 9–10; Его же. Югра в годы войны. 1941–1945. – Екатеринбург, 2005; Его же. Рыбный фронт и его роль в смягчении продовольственной проблемы в СССР. 1941–1945 гг. – М., 2010.

⁸⁹ Серазетдинов Б. У. Югра в годы войны. 1941–1945. – Екатеринбург, 2005. – С. 160–170.

на строительство индивидуального жилья "местными органами не использовались в полной мере"⁹⁰, не дает ответа на главный вопрос – о причине такого положения с кредитованием. Автор констатирует, что продовольственная помощь, а также скот, выделявшиеся калмыкам областными организациями, распределялись "несвоевременно и бесконтрольно", хотя и не приводит данных, позволяющих проследить процесс в динамике⁹¹. Г. Г. Реммель ошибочно полагает, что продукты по постановлению СНК СССР от 28 января 1945 г. калмыкам "выдавались"⁹², хотя на самом деле они спецпереселенцам продавались⁹³.

Е. Л. Зберовская по результатам исследования режима спецпоселений в годы войны приходит к выводу о выделении внутри национальных спецконтингентов "отдельных групп, имевших некоторую правовую специфику", в частности, называет калмыков – бывших сотрудников НКВД⁹⁴. Исследователи говорят также о "неопределенности статуса" коммунистов на поселении⁹⁵.

К сожалению, в дальнейшем авторы не предпринимали попыток специального исследования положения "внутринациональных групп"⁹⁶, что порождает противоположные мнения и не позволяет сформировать четкого представления о политике властей в отношении всех депортированных⁹⁷. К примеру, распространена точка зрения,

⁹⁰ Боркова Е. В. Указ. соч. – С. 138.

⁹¹ Там же. – С. 140.

⁹² Реммель Г. Г. Депортация калмыков в Омскую область // Известия ОГИК музея. – 2000. – № 8. – С. 182.

⁹³ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 153. Л. 8.

⁹⁴ Зберовская Е. Л. Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940–1950-е гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Красноярск, 2006. – С. 74.

⁹⁵ Сарнова В. В. Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь в период Второй мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Новосибирск, 2005. – С. 103.

⁹⁶ Термин "внутринациональные группы" используется нами для обозначения групп внутри национального спецконтингента "калмыки", имеющих определенную правовую специфику по отношению к основной массе депортантов.

⁹⁷ Не является исключением в этом смысле и публикация Ф. Л. Синицына, раскрывающая обстоятельства деятельности отдельной группы калмыков-коммунистов в Сибири, но не затрагивающая проблему их статуса и причин сохранения партийности на поселении (Синицын Ф. Л. Инициативная группа бывших руководящих

согласно которой спецпереселенцы в целом⁹⁸ и калмыки, в частности⁹⁹, на спецпоселении не принимались в ряды ВКП(б)/КПСС. Напротив, А. С. Пиманов придерживается мнения о том, что калмыки не желали вступить в партию, хотя имели такую возможность¹⁰⁰.

Отдельно необходимо сказать о теме репатриации калмыцкого населения. Принципиально важным представляется вывод В. Н. Земскова о том, что период (1954–1960 гг.) массового освобождения спецпереселенцев был не отрицанием предшествующих, а их логическим продолжением¹⁰¹. Сегодня эта тема рассматривается в общем контексте процесса реабилитации граждан России¹⁰².

Калмыцкими авторами процесс репатриации народа неразрывно связывается с вопросом административно-государственной и территориальной реабилитации, при этом отмечается роль самовольного возвращения граждан в ускорении этого процесса¹⁰³. Процесс выезда населения из Сибири изучается с точки зрения хозяйственного и политического возрождения Калмыкии и роли репатриантов в нем¹⁰⁴. Именно вниманием к возрождению автономии можно объяснить тот факт, что В. Б. Убушаев и К. В. Убушаев пишут о том, что "XX съезд партии поручил всем партийным и государственным органам ликвидировать последствия репрессий во всех сферах государственной, политической и общественной жизни СССР"¹⁰⁵, в то время как И. В. Лиджиева говорит о половинчатости мер власти, т. к. в текстах указов, регламентирующих снятие

работников Калмыцкой АССР и ее усилия по освобождению калмыцкого народа из спецпоселения (1944–1956 гг.) // *Российская история*. – 2011. – № 2. – С. 125–141).

⁹⁸ Сазанова Л. П. Спецпереселенцы-немцы в Бурятии (1941–1956 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Улан-Удэ, 2001. – С. 125.

⁹⁹ Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Указ. соч. – С. 85.

¹⁰⁰ Пиманов А. С. Калмыцкая ссылка в Тюменской области (1943–1957 гг.) // *Тюменский ист. сб. Вып. V*. – Тюмень, 2002. – С. 133.

¹⁰¹ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. – М., 2005. – С. 283.

¹⁰² Бугай Н. Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI вв.): Книга-мониторинг. – М., 2006. – С. 120–125.

¹⁰³ Запариванный Р. И. Восстановление национальной автономии калмыцкого народа (1953–1958 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Элиста, 2008. – С. 47–83; Лиджиева И. В. Основные этапы реабилитации репрессированных народов (на материалах Калмыкии): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Элиста, 2007. – С. 81–106.

¹⁰⁴ Лиджиева И. В. Указ. соч. – С. 355–419.

¹⁰⁵ Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Указ. соч. – С. 333.

калмыков со спецпоселения, речь шла о том, что люди были высланы в связи с обстоятельствами военного времени, а теперь их пребывание на спецпоселении не вызывается необходимостью¹⁰⁶. Подобные неувязки, на наш взгляд, свидетельствуют об отсутствии целостного видения проблемы.

Вышеизложенное требует от нас тщательного изучения политики властей по репатриации калмыков с точки зрения региона бывшего спецпоселения, т. к. специалисты, занимающиеся "калмыцкой ссылкой" на территории сибирских областей, не проводили таких исследований.

Анализ исторической литературы показывает, что исследователями создана солидная база для системного изучения проблем заявленной темы. Специалистами введено в научный оборот большое количество источников. Это позволило выявить общие для "спецконтингента" проблемы (численность депортантов¹⁰⁷, "скупенность" расселения, нестабильность снабжения, "охват" обучением детей, адаптация к новым условиям и др.)¹⁰⁸, дать определение ключевым дефинициям, таким как "депортация"¹⁰⁹, "спецпоселение"¹¹⁰ и др.

¹⁰⁶ Лиджиева И. В. Указ. соч. – С. 80.

¹⁰⁷ Вопрос численности спецпоселенцев-калмыков является одним из дискуссионных. В Приложении № 1 нами обобщены статистические данные о численности спецпереселенцев-калмыков.

¹⁰⁸ Загороднюк Н. И. Операция "Улусы" // Югра. – 1998. – № 1. – С. 29–30; Боркова Е. В. Указ. соч. – С. 137–139; Гизатуллина Л. Ф. К вопросу о депортации населения в Омскую область в 1939–1944 гг. // Вестник ТГПИ. – 2003. – № 2. – С. 148.

¹⁰⁹ Депортация – процесс принудительного переселения отдельных социальных и этнических групп, осуществляемый специально уполномоченными органами государства с целью предупреждения политических преступлений в их среде (Шадт А. А. Этническая ссылка советских немцев. – С. 360).

¹¹⁰ В современной исторической науке понятие "спецпоселение" понимается по-разному. Спецпоселение – ограничение прав граждан по месту жительства (в т. ч. депортированных – по новому месту жительства), прежде всего права на свободное передвижение (Бугай Н. Ф. Предисловие // "Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин": Сб. док. (1940-е гг.). – М., 1998. – С. 8); Л. П. Белковец видит в спецпоселении методы социальной изоляции целых групп населения, народностей с их насильственным переселением в отдаленные регионы страны, лишением имущества "с поражением в правах" или введением политических ограничений (Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев... – С. 28). Наиболее точное определение этого термина, по нашему мнению, дал А. А. Шадт. Спецпоселение, в его трактовке, это "система принудитель-

Изучение историографии позволяет говорить о плюрализме мнений относительно феноменов депортации и спецпоселения. Отечественные исследователи видят в государственных мероприятиях стремление улучшить криминогенную обстановку (Н. Ф. Бугай), средство ускорения ассимиляции (В. Н. Земсков) и удовлетворения экономических потребностей государства (Н. М. Игнатова), орудие социальной инженерии (П. М. Полян) и маргинализации (С. А. Красильников, А. А. Шадт, В. В. Сарнова) или инструмент "ограничения некоторых прав" граждан, не имеющий репрессивного механизма (Л.П. Белковец). Авторы пишут о различных политиках: спецпереселения (Н.М. Игнатова), геноцида (В. Б. Убушаев, К. В. Убушаев), депортационной (П. М. Полян). Нужно отметить, что основные идеи, высказываемые российскими исследователями, в значительной мере пересекаются с позициями их зарубежных коллег, что отражает постепенное сближение в видении научных проблем.

В заключение отметим, что в некоторых работах последних лет отчетливо прослеживается отход от духа и буквы, а иногда и фактическое отрицание ныне действующих Постановления Верховного Совета СССР "Об отмене законодательных актов в связи с Декларацией Верховного Совета ССР от 14 ноября 1989 г. "О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав"" от 7 марта 1991 г., Законов РСФСР "О реабилитации репрессированных народов" от 26 апреля 1991 г., "О реабилитации жертв политических репрессий" от 18 октября 1991 г.¹¹¹

ного расселения депортированных лиц на определенной территории, с последующим установлением административного надзора за ними со стороны специально уполномоченных органов", а также "комплекс мер административно-принудительного характера, направленный на размещение и установление контроля за депортированными и экономическое использование их рабочей силы" (Шадт А. А. Нормативно-правовая база этнической ссылки (регламентация политико-правового статуса российских немцев) (1940–1950-е гг.) // Маргиналы в советском обществе: механизмы и практика статусного регулирования в 1930–1950-е гг.: сб. науч. ст. – Новосибирск, 2006. – С. 72).

¹¹¹ Характеристику этих документов см.: Бугай Н. Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI в.): Книга-мониторинг. – М., 2006. – С. 138–182.

Данное направление неоднородно и включает в себя как публицистику¹¹², содержащую достаточно прямолинейную апологику сталинизма, зачастую опирающуюся на тенденциозно интерпретируемые или напрямую фальсифицированные источники, так и специально-научные методы исследования, отличительной чертой которых является стремление оправдать органы госбезопасности советского государства, доказав, что эти структуры имели "право на репрессии" граждан, поскольку спецоперации по выселению этносов из мест исконного проживания являлись "разновидностью внесудебных полномочий" органов ГБ¹¹³. По мысли авторов, карательные функции спецслужбам делегировали партия и правительство, а подручные Л. П. Берии являлись лишь инструментом в руках ВКП(б)/КПСС¹¹⁴. При этом главным и "беспорным аргументом" обоснованности выселения целых народов служит оправдание этого акта "интересами государственной безопасности", что позволяет, в частности, Д. В. Гаврилову вовсе отрицать преступность тотальных депортаций народов¹¹⁵. В этой связи неудивительно, что ответом на подобные просталинские публикации становится появление книг, вновь рассказывающих о геноциде народов в сталинские времена¹¹⁶.

Начало 2000-х гг. можно определить как новый этап развития историографии репрессий в отношении народов СССР и калмыцкого народа в частности. Рубеж первого десятилетия XXI в. отмечен появлением ряда историографических исследований проблем

¹¹² *Мартиросян А. Б.* Сталин и репрессии 1920–1930-х гг. – М., 2008; *Пыхалов И. В.* За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие? – М., 2008.

¹¹³ *Мозохин О. Б.* Право на репрессии. Внезудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ СССР (1918–1953): Монография. – М., 2011. – С. 275.

¹¹⁴ *Вольхин А. И.* Роль органов госбезопасности в реализации спецпоселенческой политики советского государства в 1930–1940-х гг. // Урал в прошлом и настоящем. – Екатеринбург, 1998. – Ч. 1. – С. 403.

¹¹⁵ *Гаврилов Д. В.* Двойные стандарты в оценке внутренней политики стран антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. – 2012. – № 1. – С. 8–9.

¹¹⁶ *Нухажиев Н. С., Умхаев Х. С.* Депортация народов: ностальгия по тоталитаризму. – Элиста, 2009.

депортации¹¹⁷, что позволяет сегодня в теме этнических репрессий не только видеть отдельное исследовательское направление, имеющее собственную проблематику¹¹⁸, но и говорить о происходящей в научной среде концептуализации авторских позиций, появлении новых исследовательских подходов и парадигм, расширяющих поле научного поиска.

---

¹¹⁷ Бугай Н. Ф. Проблемы репрессий и реабилитации граждан: история и историография (XX в. – начало XXI в.). – М., 2012; Депортации народов СССР в отечественной историографии // Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография / Кропачев С. А., Кричко Е. Ф. – М., 2012. – С. 153–219; Степанов М. Г. Репрессивная политика советского государства в 1928–1953 гг.: проблемы российской историографии: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Улан-Удэ, 2009; Его же. Депортация калмыков и северокавказских народов СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): краткие историографические заметки // Вестник челябинского гос. ун-та. – 2009. – № 38 (176). – История. Вып. 37. – С. 166–170; Кропачев С. А. Современная российская историография депортаций народов в годы Великой Отечественной войны // Вестник челябинского гос. ун-та. – 2011. – № 23 (238). – История. Вып. 47. – С. 100–103.

¹¹⁸ Бугай Н. Ф. Депортация народов в СССР – новое направление в отечественной историографии: проблемы изучения // Россия в XX в. Судьбы исторической науки. – М., 1996.

Глава 2

"НЕВОЛЬНЫЕ СИБИРЯКИ": ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КАЛМЫКОВ В ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ

2.1. Прием и размещение депортированных на юге Омской области

В 1940–1950-е гг. в СССР был проведен целый ряд крупномасштабных этнических депортаций. Калмыки были выселены за-за обвинений в пособничестве фашистам. С точки зрения "политики населения" для понимания сути депортации важное значение имеет то, что принудительному переселению предшествовало формирование у власти определенного стереотипа в отношении калмыцкого населения.

Первым видимым шагом, говорящим о начале формирования негативного образа народа, как нам представляется, стала приостановка распоряжением ГКО в марте 1942 г. комплектования 111-й калмыцкой дивизии, в то время как сформированная в республике 110-я дивизия приступила к выполнению боевых задач¹. К этому же времени относится докладная записка первого секретаря Калмыцкого обкома П. В. Лаврентьева в ЦК ВКП(б), где основной причиной большого падежа скота была названа потеря бдительности, в результате чего в колхозы и совхозы пробрались "враждебные элементы", погубившие скот².

С августа 1942 по январь 1943 г. часть территории Калмыкии (из 13 улусов (районов) 5 – полностью, 3 – частично) была занята немцами³. На оккупированной территории осталось 670 тыс. голов скота, из них сохранилось к освобождению республики 139 тыс.⁴

---

¹ Алексеева П. Э. Обзор литературы по истории 110-й отдельной калмыцкой кавалерийской дивизии // Великая Отечественная война: события, люди, история: Сб. науч. ст. – Элиста, 2001. – С. 231

² Максимов К. Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е гг. – С. 257.

³ Бугай Н. Ф. Операция "Улусы" – Элиста, 1991. – С. 15.

⁴ Максимов К. Н. Указ. соч. – С. 268.

18 октября 1942 г., отчитываясь перед центром о причинах провала эвакуации скота с территории республики, П. В. Лаврентьев сообщал, что "кулацкие и другие контрреволюционные элементы организуют банды и нападают на перегоняемые стада"⁵. В то же время, характеризуя ситуацию на оккупированной части Калмыцкой АССР, он информировал ЦК, что попытки немцев мобилизовать калмыцкое население на оккупированной территории "имеют очень слабые результаты. Большинство населения в оккупированных улусах сопротивляется этим мероприятиям немцев <...> вопрос о бандитизме в Калмыкии сильно раздувается <...> кто-то упорно стал распространять слух, что якобы дивизия ушла в банды. Это провокация..."⁶.

29 января 1943 г. секретарь калмыцкого обкома П. Ф. Касаткин направляет в Москву записку, в которой сообщает: "...фашисты в первую очередь натравливали калмыков на русских, всячески задабривали калмыков, развязывали среди них кочевые инстинкты, сквозь пальцы смотрели на то, что уголовные элементы из калмыков грабили русское население"⁷. 5 февраля 1943 г. ЦК ВКП(б) освободил П. В. Лаврентьева от должности с объявлением выговора за необеспечение эвакуации, бездеятельность и растерянность во время немецкой оккупации⁸.

На пленуме обкома 26–27 февраля 1943 г. вместо П. В. Лаврентьева первым секретарем избран А. Ф. Ликомидов⁹, в том же месяце 110-я отдельная калмыцкая кавалерийская дивизия была расформирована, а более 2000 чел. личного состава вошли в состав 4-го Кубанского и 5-го Донского казачьих гвардейских кавалерийских корпусов¹⁰. В конце февраля состоялось заседание ГКО под председательством

⁵ Цит. по: *Максимов К. Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. – С. 130.

⁶ Цит. по: *Бакаев П. Д.* Об обвинениях, выдвинутых против калмыцкого народа в 1943 г. // Национальная политика Советского государства: репрессии против народов и проблемы их возрождения: мат-лы межд. науч. конф. – Элиста, 2003. – С. 15.

⁷ *Бакаев П. Д.* Указ. соч. – С. 15.

⁸ *Максимов К. Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. – С. 131.

⁹ *Максимов К. Н.* Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е гг. – С. 263.

¹⁰ *Алексеева П. Э.* Обзор литературы по истории 110-й отдельной калмыцкой... – С. 229.

И. В. Сталина, на котором г. К. Жуков, опираясь на донесения командований 37-й и 51-й армий, информировал членов комитета о том, что калмыцкая дивизия разбежалась и в основном дезертировала с фронта¹¹. По результатам чистки освобожденных от немцев районов от "антисоветского элемента" на территории Калмыцкой АССР (на 18 марта 1943 г.) было выявлено и арестовано 312 чел. В сравнении с сопредельными Ставрополем (5216 чел.) и Ростовской областью (2804 чел.) количество враждебных советской власти лиц было не столь значительным¹².

По данным Ф. Л. Сеницына, за весь 1943 г. в республике было зафиксировано 16 "бандпроявлений" (160 – в Ставропольском крае; 120 – в Дагестанской АССР)¹³. Несмотря на это, 2 апреля 1943 г. А. Ф. Ликомидов и П. Ф. Касаткин направляют сообщение в ЦК, где пишут о "разгуле бандитов", занимающихся грабежом и нападениями на сельских активистов и передачей немцам эвакуированного скота¹⁴.

Летом 1943 г. А. Ф. Ликомидов и председатель СНК Калмыцкой АССР Н. Л. Горяев прибыли в Москву для обсуждения вопроса о завершении разгрома имевшихся в степи бандгрупп. Горяев попросил помощи для борьбы с этими бандитскими формированиями, тем самым фактически признав, что руководство республики не может справиться с "враждебными элементами" среди калмыцкого населения. Ликомидов был вызван той же ночью в ЦК, где ему объявили решение о ликвидации республики и депортации калмыков, однако для калмыцкого народа это решение осталось тайной¹⁵.

В результате в первой половине 1943 г. у советского руководства сложился стереотип о калмыках как о народе, "пораженном вирусом бандитизма", что подтолкнуло к принятию решения о высылении. Можно предполагать, что малое количество выявленных НКВД предателей могло только укрепить подозрения в адрес всего народа. Возможно также, что, будучи осведомленными о наличии

¹¹ Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Указ. соч. – С. 152.

¹² Дюков А. Р. Милость к падшим: Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. – М., 2009. – С. 23.

¹³ Сеницын Ф. Л. За русский народ! Национальный вопрос в Великой Отечественной войне. – М., 2010. – С. 217.

¹⁴ Бакаев П. Д. Указ. соч. – С. 15.

¹⁵ Там же. – С. 16.

у калмыков сложной бифуркатно-коллатеральной системы родства¹⁶, спецслужбы и советское руководство были не уверены в эффективности мероприятий против бандгрупп непосредственно в Калмыкии и поэтому распространили подозрения в бандитизме на весь народ, посчитав всех калмыков возможными пособниками приспешников фашистов¹⁷. Показательно, что накануне выселения по подозрению в принадлежности к "антисоветским элементам" было арестовано 750 чел.¹⁸

Тем самым калмыки стали не "народом-предателем", а "больным" народонаселением, чья социальная среда "поражена бандитизмом". При этом "бандитизм" трактовался властью не как преступное действие отдельных лиц, а как общественное явление¹⁹, поэтому все калмыцкое население нуждалось в "лечении" путем изъятия "вредных элементов". В свою очередь выселение калмыцкого населения с последующим помещением в чуждую среду под особый надзор, т. е. депортация в Сибирь на спецпоселение, избавляло все советское общество от угрозы распространения бандитизма.

Нашу гипотезу подтверждает инструкция НКВД от 1 декабря 1943 г. о проведении операции по депортации калмыков "Улусы". В ней, в частности, говорилось о том, что "после обыска оперативный работник [НКВД-НКГБ. – А. И.] предлагает выселяемой семье выдать властям участников созданных немцами отрядов, а также лиц, которые в период немецкой оккупации помогали этим отрядам в борьбе с советской властью.

Независимо от поведения членов выселяемой семьи, оперативный работник объявляет, что, так как в период немецко-фашистской оккупации Калмыкии калмыки активно помогали немецким захватчикам, выдавали немцам честных советских граждан и после изгнания оккупантов продолжают укрывать созданные немцами

¹⁶ Гучинова Э.-Б. М. Помнить нельзя забыть... – С. 210.

¹⁷ На тесную связь "бандповстанческого движения" и депортации обращает внимание также Н. Ф. Бугай // Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: "Согласно Вашему указанию...". – С. 6.

¹⁸ Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Указ. соч. – С. 169.

¹⁹ Холквист П. Вычислить, изъять и истребить: Статистика и политика населения... – С. 163.

бандитские отряды, Советское правительство решило в отношении их провести специальные мероприятия..."²⁰.

В появившемся 27 декабря 1943 г. Указе Президиума Верховного Совета СССР "О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР" было объявлено, что "многие калмыки" изменили Родине, вступали в банды, передавали немцам скот, противодействовали органам Советской власти²¹. На следующий день вышло Постановление СНК СССР "О выселении калмыков в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области"²². На основании этих актов НКВД была проведена операция "Улусы"²³.

Уже 2 января 1944 г. Л. П. Берия составил доклад на имя И. В. Сталина и В. М. Молотова о результатах чекистско-войсковой операции "Улусы", из которого следует, что с 28 по 31 декабря 1943 г. в Сибирь были отправлены 93 139 калмыков в 46 эшелонах²⁴. Значительную часть данного "спецконтингента" приняла Омская область: к 18 января 1944 г. число калмыков нового поселения составило 27 158 человек²⁵. 20 марта прибыли еще 89 калмыков из Астрахани²⁶.

Существует мнение о том, что в марте 1944 г. в данный регион прибыли калмыки также и из Ростовской области²⁷. Однако, как показывает переписка заместителя наркома внутренних дел В. В. Чернышева с руководителями Новосибирского, Омского

²⁰ Инструкция НКВД СССР о порядке проведения мероприятий по делу "Улусы" (1 декабря 1943 г.) // Ссылка калмыков: как это было : сб. док. и мат-лов. Т. I. Кн. 1. – Элиста, 1993. – С. 27.

²¹ Там же. – С. 18–19.

²² Там же. – С. 19–21.

²³ Подготовка и проведение операции "Улусы" детальным образом изучены в монографии калмыцких историков: *Убушаев В. Б., Убушаев К. В.* Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959 гг. – Элиста, 2007. – С. 143–197.

²⁴ Докладная записка Л. П. Берия на имя И. В. Сталина и В. М. Молотова // Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: "Их надо депортировать...". – С. 85.

²⁵ Доклад уполномоченного НКВД СССР подполковника госбезопасности Щекина и заместителя начальника УНКВД Омской области подполковника Шеварова о приеме и расселении спецпереселенцев-калмыков в Омской области // Ссылка калмыков: как это было. Т. I. Кн. 1. – С. 138.

²⁶ *Бугай Н. Ф.* Л. Берия – И. Сталину: "Согласно Вашему указанию..." – С. 75.

²⁷ Там же. – С. 74–75.

УНКВД и другими ответственными лицами, 23 марта 1944 г. был утвержден план расселения калмыков в Новосибирской области²⁸, согласно которому эшелон № СК 445 с 1166 спецпереселенцами-калмыками 8 апреля прибыл в Новосибирск²⁹.

Таким образом, число депортированных на территорию Омской области в январе – марте 1944 г. составило 27 247 человек.

У местных властей было немногим более полутора месяцев для создания условий прибывающим на поселение людям. 14 октября 1943 г. появилось постановление СНК СССР, которое обязывало исполкомы краев и областей вселения незамедлительно заняться вопросами подготовки приема и расселения по районам прибывающих спецпереселенцев-калмыков³⁰. В краях и областях поселения калмыков создавались краевые и областные тройки по приему и размещению, в состав которых должны были входить: председатель край(обл)исполкома, секретарь край(об)кома и начальник УНКВД³¹.

Следуя постановлению, Омский обком ВКП(б) и облисполком 9 декабря приняли совместное решение о порядке приема и размещения спецпереселенцев. В Омской области калмыков предполагалось расселить в 22 районах, находящихся на расстоянии от 10 до 110 км от ближайшей станции. Для обеспечения приема и размещения была создана областная тройка, председателем которой был назначен заместитель председателя исполкома областного Совета депутатов трудящихся К. Ф. Кошелев. В ее состав вошли также заместитель начальника УНКВД Н. Ф. Шеваров и секретарь обкома ВКП(б) Колтышев. В свою очередь в каждом районе, где предполагалось разместить калмыков, создавались районные тройки в составе председателя райисполкома, секретаря райкома партии и начальника РО НКВД³².

13 декабря было принято решение облисполкома, обязывающее провести санитарную обработку всех прибывающих. 15 декабря в райкомы и райисполкомы поступила директива о необходимости

²⁸ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 115, 133.

²⁹ Там же. Л. 133.

³⁰ Убушаев В. Калмыки: выселение и возвращение. – С. 8.

³¹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 176. Л. 229–230.

³² Там же. Д. 136. Л. 33–34.

отправки уполномоченных в каждый колхоз и совхоз, где предполагалось разместить калмыков, а также для осмотра помещений. Перед местными властями поставили задачу заготовки дров на 10–12 дней и "заимствования" теплой одежды у местных жителей для детей спецпереселенцев³³. Одновременно работники РО НКВД приступили к организации 21 новой спецкомендатуры со штатом в 50 человек³⁴.

Начали работу районные тройки. Например, 11 декабря – тройка в Ульяновском районе³⁵, 16 декабря – Исилькульская районная тройка³⁶. 18 декабря состоялось заседание областной тройки. Был сформирован аппарат комендатур в 18 районах. Районы были обязаны к 25 декабря сообщить о готовности к приему спецпереселенцев³⁷.

Главным критерием готовности к приему являлось наличие жилой площади. Размещать калмыков предполагалось в пустующих зданиях, а также за счет освобождения части зданий в немецких поселках и "на уплотнение"³⁸ (на 85 % в колхозах; 15 % – в совхозах, подсобных хозяйствах и на промышленных предприятиях)³⁹. На заседании 18 декабря был также заслушан доклад председателя исполкома Любинского района, который сообщал, что в районе возможно разместить 400 семей в свободных помещениях, однако при этом отсутствовали продуктовые фонды. Обеспечить переселенцев хлебом район мог лишь на 5 дней⁴⁰.

В день проведения заседания областной тройки по переселению было принято решение облисполкома, определявшее порядок обеспечения переселенцев питанием. Исходя из минимальных норм обеспечения питания на "основных членов семьи" полагалось выдать хлеба из расчета 500 г на трудоспособного человека в день и 300 г на иждивенца. Были определены нормы выделения крупы и мяса-рыбы. При этом облисполком просил у СНК СССР выделить

³³ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 33–34, 50.

³⁴ Там же. Л. 34.

³⁵ ИСА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 28.

³⁶ Там же. Л. 30.

³⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 37.

³⁸ Т. е. подселение в дома местных жителей и прибывших ранее спецпереселенцев.

³⁹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 35, 49.

⁴⁰ ИСА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 12 об.

необходимые фонды, мотивируя это исчерпанностью областных ресурсов⁴¹. 19 декабря руководство областной тройки признало, что вопрос выделения правительством продовольственных фондов переселенцам оставался нерешенным⁴².

На местах происходила подготовка жилого фонда. Из докладных, представленных тройками, можно сделать вывод о том, что районы располагали достаточным объемом подготовленной жилой площади, исходя из плана расселения в 25 000 переселенцев⁴³. Это стало возможным потому, что практиковалось расселение "на уплотнение": в Полтавском районе 51 семью (из 109) планировалось подселить к местным жителям, в Ульяновском районе – 894 человека (из 2042-х)⁴⁴. По сведениям, полученным властями "о готовности квартир" перед прибытием калмыков в Омутинском районе, в свободных квартирах должно было быть размещено 60 семей, в то время как на уплотнение расселялось 290⁴⁵. В Марьяновском и Щербакульском районах был произведен ремонт помещений, предназначенных для переселенцев, а также "уплотнение в жилых домах колхозов, колхозников и совхозах..."⁴⁶. Возникали и серьезные трудности. Председатель исполкома Ульяновского района информировал К. Ф. Кошелева о том, что в районе нет фанеры и стекла для ремонта и застекления домов, в которых предполагается разместить калмыков⁴⁷. О проблемах с остеклением выделяемых помещений сообщали и из Любинского района⁴⁸.

Мы полагаем, что именно на основании данных о достаточном объеме жилого фонда для размещения людей 26 декабря уполномоченный НКВД СССР по Омской области Щекин и заместитель начальника УНКВД Н. Ф. Шеваров сообщили заместителю наркома внутренних дел В. В. Чернышеву о том, что "большинство районов области в основном готово к приему с[пец]переселенцев"⁴⁹.

⁴¹ ИСА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 15.

⁴² ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 35–36.

⁴³ Убушаев В. Калмыки: выселение и возвращение. – С. 54.

⁴⁴ ИСА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 17, 28.

⁴⁵ Там же. Л. 10.

⁴⁶ Там же. Л. 22.

⁴⁷ Там же. Л. 28.

⁴⁸ Там же. Л. 12 об.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 45.

При этом руководство НКВД отмечало, что правительством так и не было выделено продовольственных фондов, поэтому областные власти выделили из резерва региона 25 т муки, 60 т картофеля и "некоторое количество" мяса, рыбы и жиров. Это привело к тому, что обеспечение сухим пайком, предусмотренным к выдаче в "обогревательных" пунктах, производилось на два-три дня вместо предусмотренных решением исполкома пяти⁵⁰. Так, к моменту прибытия калмыков в Марьяновском районе смогли заготовить хлеба только на два дня ввиду отсутствия нарядов на муку⁵¹. Фактически снабжение депортированных ложилось полностью на плечи региона, что ставило под вопрос возможность обеспечения переселенцев продуктами в полном объеме.

В то же время, несмотря на все трудности, связанные с приемом переселенцев, руководство области было заинтересовано в их прибытии ввиду острой нужды хозяйственных организаций в рабочей силе, дефицит которой начался еще до прибытия калмыков в область⁵². Неслучайно К. Ф. Кошелев на датированном 26 декабря запросе о выделении местной промышленности 970 человек из числа прибывающих спецпереселенцев наложил резолюцию: "Надо дать и особенно на предприятия, расположенные в сельской местности"⁵³. А 30 декабря он же сообщил о том, что еще два района – Исилькульский и Полтавский – "к приему и расселению спецпереселенцев в основном готовы..."⁵⁴. Заместитель председателя облисполкома знал, что для получения рабочей силы НКВД СССР поставил главным условием – обеспечение жилищно-бытовых условий для прибывающего спецконтингента. Соответственно тот, кто первый доносил о своей готовности к приему, тот и имел наибольшие шансы на получение необходимого количества дармовой рабочей силы⁵⁵.

В итоге принимающая сторона выделила необходимый жилой фонд для приема переселенцев и по формальным признакам была готова к приему. Однако остался нерешенным вопрос снабжения

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 46.

⁵¹ Там же. Л. 22.

⁵² ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 10, 19.

⁵³ ИСА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 14.

⁵⁴ Там же. Л. 17, 31–31 об.

⁵⁵ Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: "Согласно Вашему указанию..." – С. 71.

мигрантов, и должные условия для приема и размещения большого количества переселенцев не были созданы, что и подтвердили следующие события.

Всего с 9 по 18 января 1944 г. Омская область приняла 13 железнодорожных эшелонов, в которых прибыло 8468 семей (27 158 человек), из них: мужчин – 4701, женщин – 9559, детей (до 16 лет) – 12 898 человек⁵⁶.

Калмыков доставили в область в 13 поездах, которые должны были прибыть к месту назначения с 5 по 9 января 1944 г., но многие прибывали с задержкой. Так, в Марьяновский район по плану должны были прибыть два эшелона: 426-й – 5 января и 425-й – 6 января⁵⁷, но в результате 426-й прибыл на пять суток позже срока (10-го), а 425-й опоздал на два дня и причем доставил на станцию Марьяновка "контингент", предназначенный для Шербакульского района⁵⁸. Примерно такая же ситуация повторилась с эшелонами 429 и 430, следовавшими на станцию Исилькуль с калмыками для Исилькульского и Полтавского районов, – задержка составила три и четыре дня соответственно. Путь в Сибирь составлял более 10 дней, а задержка в пути следования усугубляла и без того тяжелые условия транспортировки.

В вагонах вместо 40 ехало по 60–80 человек. На всех была одна печка-буржуйка, на которой готовили еду. При этом многие люди не имели с собой посуды, так что раздобытые банки из-под консервов служили и чашкой, и кружкой, и кастрюлей. Если посуда и была, то на печи готовили, держа кастрюлю в руках, "на ходу-то ведь не отпустишь – упадет"⁵⁹. Туалетом в вагонах служило либо ведро, либо дыра в полу⁶⁰. Элементарные гигиенические нормы не соблюдались. Дощатые стенки вагонов продувались ветрами. Все это способствовало распространению среди переселенцев антисанитарии, завшивленности, заболеваемости и смертности.

При повагонной проверке эшелонов выяснилось, что не все калмыки пережили столь трудный путь. Местный житель Франц Надь,

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 176. Л. 174.

⁵⁷ Иса ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 39–39 об.

⁵⁸ Там же. Л. 23.

⁵⁹ Гучинова Э.-Б. М. Помнить нельзя забыть... – С. 74.

⁶⁰ Там же. – С. 77–78.

который был очевидцем прибытия на станцию Исилькуль одного из эшелонов с калмыками, вспоминал, что "на полу вагона остались лежать мертвые..."⁶¹. Количество погибших разнилось по эшелонам, например, в 426-м был "всего лишь" один⁶², в то время как с 398-го, прибывшего в Омск 15 января, в общей сложности сняли 59 трупов, а в 402-м, прибывшем 16 января, погибли при транспортировке 76 человек, и 7 трупов было снято уже в Омске⁶³.

Всего при транспортировке в область умерли в пути следования 309 человек (по другим данным – 312⁶⁴), из них: мужчин – 10, женщин – 28, стариков – 125, детей (до 16 лет) – 146. Официальные причины смерти: "по старости – 124 чел.; от туберкулеза – 6 человек; желудочно-кишечных заболеваний – 65 человек; воспаление легких – 70 чел., дистрофия – 24 чел.; сердечных заболеваний – 15 чел.; и другим болезням – 5 чел."⁶⁵. Кроме этого, сразу по приезде было госпитализировано 256 человек только неинфекционных больных.

Неслучайно в песенный фольклор вагоны-товарняки вошли как "красные вагоны". Они были окрашены красно-коричневой краской и в контексте депортации символизировали кровь (смерть) и советскую (красную) власть, которая отправила народ в Сибирь⁶⁶.

Встречавшие "спецконтингент" на железнодорожных станциях представители райкомов, райисполкомов, колхозов и совхозов отмечали: прибывшие люди были "очень грязными"⁶⁷ вследствие антисанитарных условий перевозки людей. Поэтому сразу по прибытии произвели медосмотр по вагонам и санобработку в заранее подготовленных пропускниках. Провели дезинфекцию, правда, далеко не везде⁶⁸.

Среди прибывших было выявлено большое количество больных с разнообразными заболеваниями: грипп, туберкулез, брюшной тиф. Некоторые из таких больных умирали в больницах сразу

⁶¹ *Надь Ф.* Помнит земля сибирская... // Комсомолец Калмыкии. – 1989. – 13 августа. – С. 8.

⁶² *Убушаев В.* Калмыки: выселение и возвращение. – С. 59.

⁶³ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 8.

⁶⁴ *Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: "Согласно Вашему указанию..."*. – М., 1995. – С. 80.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 176. Л. 174.

⁶⁶ *Гучинова Э.-Б. М.* Помнить нельзя забыть... – С. 74.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 45; ИСА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 33.

⁶⁸ ИСА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 42.

по прибытии⁶⁹. Так случилось с семьей Н. Л. Намруевой, которая впоследствии вспоминала: "Примерно через две недели ночью выгрузились на станции в городе Омске. Отца и сестру Бадьму прямо из вагона увезли в больницу. Потом мы узнали, что отец вскоре умер. Бадьма через некоторое время выписалась и приехала к нам в деревню. Но долго она не продержалась, умерла"⁷⁰. С 9 по 25 января в местах поселений умерли 83 человека⁷¹.

Об отношении к больным свидетельствуют слова уполномоченного облисполкома Называевского района Егоровой: "Госпитализировано 31 человек, из них 3 умерло, остальные не госпитализированы потому, что это ничего не даст (старость, ревматизм)"⁷².

Очевидцы отмечали, что у калмыков "почти не было багажа"⁷³. Происходило это потому, что выселяемым людям дали считанные минуты на сборы⁷⁴. В довершение всего по прибытии к месту назначения были отмечены случаи присвоения личных вещей спецпереселенцев лицами, осуществлявшими депортацию. 10 января 1944 г. при разгрузке эшелона № 426 на разъезде Пикетном Марьяновского района один из спецпереселенцев подал заявление о возмещении ему патефона с 15 пластинками, взятого начальником эшелона и так и не возвращенного...⁷⁵

Прибывших доставили в приемные (переселенческие) пункты. Одним из таких пунктов в г. Омске был барак № 40 эвакуопункта на площади Серова⁷⁶. Для перевозки тех, кто выжил, к местам спецпоселения мобилизовали машины и подводы (из расчета 1½ подводы

⁶⁹ Иса ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 23, 33.

⁷⁰ Намруева Н. Л. Дети в ссылке росли быстро // Боль памяти. – Элиста, 1999. – С. 190–191.

⁷¹ Помимо всего прочего росту смертности способствовало отсутствие санитарной обработки как при погрузке в эшелоны, так и на некоторых станциях назначения (ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 16).

⁷² Иса ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 5.

⁷³ Надь Ф. Указ. соч. – С. 8.

⁷⁴ Бадьминова А. С. Мне не дали работать учителем // Мы – из выселенных навечно. Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.). – Элиста, 2003. – С. 193; Болдырева (Эрдниева) Б. Я. За что и куда нас выселяют, мы не могли понять // Там же. – С. 203.

⁷⁵ Иса ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 24.

⁷⁶ Там же. Л. 18.

на семью), на которых их доставили к местам назначения⁷⁷. На время транспортировки с железнодорожных станций до места проживания депортированных сопровождали представители организаций – получателей рабочей силы.

Во время расселения депортированные были обеспечены горячим питанием (на ст. Марьяновка выдавали даже мясной суп) и хлебом (по 500 г на человека в день). Калмык Б. Пахомкин, прибывший в Омск 11 января, вспоминал, что в одном из вагонов 425-го эшелона "ночью получили горячую пищу"⁷⁸. При этом необходимо отметить, что по прибытии на железнодорожные станции Омской области "основным членам семей", количество которых определили в 1/3 прибывающего контингента, полагалось выдавать по 500 г хлеба, а на иждивенцев было отведено 300 г, и паек выдавался "минимум на 5 дней" (3 дня в пути и 2 – в пунктах разгрузки)⁷⁹.

В Называевском районе, где размещение на постоянное место жительства было произведено за два дня, питание в стационарных пунктах производилось один раз в сутки, в то время как положенный на время транспортировки сухой паек выдавался не полностью⁸⁰. В Марьяновском районе калмыки жаловались в райисполком на то, что хлеб из расчета по 500 г на человека выдавался лишь на два дня, и вообще не были "получены наряды на продукты месячного питания по сельским нормам", вследствие чего процесс расселения завершился тем, что переселенцы на новом месте жительства остались без питания⁸¹.

Первоначально калмыков планировалось расселить в 22 районах, затем план сократили до 20-ти⁸², а в итоге к началу февраля 1944 г. спецпереселенцы были распределены следующим образом⁸³: Калачинский – 813 человек, Кормиловский – 1999, Ульяновский – 2173, Кагановичский – 782, Азовский – 524, Любинский – 2081, Называевский – 812, Ишимский – 1357, Голышмановский – 1181,

⁷⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 45.

⁷⁸ Пахомкин Б. Боялись нас не только вначале // Омская правда. – 1994. – 2 марта. – С. 2.

⁷⁹ ИСА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 15.

⁸⁰ Там же. Л. 5.

⁸¹ Там же. Л. 24.

⁸² ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 35.

⁸³ ИСА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 46.

Омутинский – 1466, Щербакульский – 510, Марьяновский – 1430, Москаленский – 2135, Исилькульский – 2524, Полтавский – 946, Новозаимский – 973, Тюменский – 2712, Велижанский – 385, Ялуторовский – 2120 человек. Местами поселения депортантов стали 19 районов области.

В целом по области калмыцкие семьи были расселены следующим образом: в колхозах – 6668 семей, в совхозах – 802, в райцентрах и поселках – 798 семей. Из них в пустующие дома вселились 1857 семей, а "на уплотнение" заселены 6611 семей⁸⁴. В итоге около 78 % депортантов были поселены в дома местных жителей, которых "уплотнили". Такая практика, естественно, порождала конфликтные ситуации. В поселке Исилькуль возникли проблемы с расселением двух семейств и к противившимся расселению домохозяевам "были приняты меры принудительного порядка"⁸⁵. В Калачинском районе в отдельных колхозах сельчане отказались вселять к себе спецперселенцев⁸⁶.

Причину же неприятия мигрантов частью местных жителей можно также объяснить расовыми различиями. Калмыки – монголоиды, местные жители – европеоиды. Непохожесть калмыков в данном случае рассматривалась как враждебность, чуждость по отношению к местному населению. Показательно, что отмечались случаи, когда сибиряки сначала не возражали против "уплотнения" и передачи части свободной жилой площади до тех пор, пока не узнавали, что придут калмыки⁸⁷. В целом же эти конфликты не переросли в системное противостояние и, как отмечали уполномоченные исполкома, расселение прошло "организованно и спокойно"⁸⁸.

Интересны размышления бывшего поселенца Н. К. Болдырева о реакции спецкоменданта на прибытие калмыков: "У коменданта у самого, видно, что-то не стыковалось, особенно с бандитами, которых столько времени готовились принимать и настраивались соответствующим образом. Дети, женщины и престарелые, которые составляли подавляющее большинство ссыльных, никак не подходили под преступный элемент... Все это похоже сбивало его с толку.

⁸⁴ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 176. Л. 173.

⁸⁵ ИСА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 33 об.

⁸⁶ Там же. Л. 42.

⁸⁷ Сарнова В. В. Депортация калмыков в Западную Сибирь в 1943–1944 гг. – С. 65

⁸⁸ ИСА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 42.

Но подозрение: "А вдруг преступный контингент где-то скрывается?" – как видно, толкало его на наводящие вопросы⁸⁹.

Таким образом, рассмотрение предпосылок и причин депортации приводит нас к убеждению в том, что к середине 1943 г. у власти сложился стереотип, согласно которому калмыцкое население было "поражено вирусом бандитизма". Принадлежность к "подозрительной" национальности указывала на связь с "бандитскими элементами" и на способность человека, принадлежащего к этой категории населения, совершить преступление⁹⁰. Это послужило причиной поголовного выселения калмыков. Депортация и спецпоселение должны были обеспечить ликвидацию бандитизма как явления, очистив депортированных от "бандэлементов".

Подводя итоги изучения процесса приема и расселения калмыков на территории южных районов Омской области, необходимо отметить, что документы, которые регламентировали прием и размещение калмыков, были менее конкретны, чем документация относительно расселения спецпереселенцев-немцев в 1941 г. По всей видимости, это объясняется тем, что порядок разгрузки, питания и транспортировки прибывших к местам поселения в основном повторял положения принятого в начале сентября 1941 г. решения Омского облисполкома "О приеме семей, переселенных из Поволжья в районы Омской области"⁹¹. В целом процесс приема и расселения⁹² калмыцкого населения был сходен с прибытием немцев в Сибирь и обладал следующими характерными чертами:

1. К моменту прибытия калмыцкого населения в Омскую область так и не был решен вопрос снабжения спецпереселенцев. Область, в отсутствие помощи со стороны правительства СССР, вынуждена была снабжать калмыков только за счет собственных ресурсов, что делало затруднительным снабжение спецпереселенцев хотя бы в минимально достаточном для выживания объеме.

⁸⁹ Болдырев Н. К. Злое пророчество коменданта // Боль памяти – Элиста, 1999. – С. 94.

⁹⁰ См.: Блюм А., Маспуле М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. – М., 2006. – С. 219–223.

⁹¹ ИСА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 87. Л. 149–150.

⁹² Характеристика особенностей приема и расселения немцев дана в работе: Шадт А. А. Прием и расселение спецпереселенцев-немцев в Западной Сибири (1941–1942 гг.) // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: мат-лы межд. науч. конф. – М., 1998. – С. 320–321.

2. Расселение производилось в основном "на уплотнение" ввиду ограниченности объема свободного жилого фонда⁹³. С точки зрения системы спецпоселений подселение к местным жителям означало отход от принципа прикрепления спецпереселенцев к определенным поселкам и даже домам⁹⁴ и переход к дисперсному расселению в среде "правового" населения⁹⁵. Отсутствие ресурсов для расширения существующей сети спецпоселков лишило систему возможности производить расселение больших масс людей, вновь прибывающих на поселение, по старому принципу. В результате депортированные были расселены дисперсно в 590 населенных пунктах южной части области⁹⁶.

3. Заинтересованность руководства областей вселения в приеме спецпереселенцев ввиду острой нехватки рабочей силы на местах.

В то же время были и различия: во-первых, депортация калмыков проводилась в разгар зимы, в то время как немцев депортировали осенью. Это повлекло более высокую, в сравнении с немцами, смертность в пути. По дороге в Сибирь погибло более 1640 калмыков (около 1,6 % от численности депортированных)⁹⁷, в том числе из следовавших в Омскую область – 309 человек⁹⁸. Во-вторых, калмыков, в отличие от немцев, не причисляли к эвакуированному населению или плановым переселенцам. Неопределенность статуса калмыцкого контингента касалась "внутринациональных" групп – коммунистов, комсомольцев, сотрудников НКВД-НКГБ, депортированных вместе с семьями красноармейцев (см. гл. 4, п. 4.2).

Расселение на юге области было по своему характеру первичной (основной) репрессией. Как показали дальнейшие события, для части калмыцкого этноса юг области стал лишь "перевалочным пунктом" для переброски на Обь-Иртышский Север в ходе вторичной репрессии.

⁹³ ИСА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 5.

⁹⁴ Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и административных правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев (25 октября 1931 г.) // Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. Кн. 2. – М., 2006. – С. 537.

⁹⁵ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 171.

⁹⁶ Там же. Л. 18.

⁹⁷ Сарнова В. В. Депортация калмыков в Западную Сибирь в 1943–1944 гг. – С. 64.

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 16.

2.2. "По весне "на рыбу": вторичное переселение на север области

Рассматривая репрессивную политику Советского государства по отношению к калмыцкому народу, мы сталкиваемся и с так называемыми вторичными компенсаторными репрессиями, которые имели место и по отношению к "раскулаченным" крестьянам и спецпереселенцам-немцам⁹⁹. Эти принудительные миграции имели своей целью форсированное замещение трудоспособного населения на тех территориях, где в силу действия экстраординарных факторов (в данном случае войны) возникал острейший дефицит трудовых ресурсов. Так и калмыки были переселены вторично, попав на территорию Обского Севера не из Калмыкии, а из южных районов Омской области.

Переселенцы стали постепенно обживать на новых местах, трудиться в условиях спецпоселения, а власти, зная, что предстоит новое переселение, призывали их обустраиваться. Одной из причин отказа вступать в колхозы и обустраиваться на новом месте в Называевском районе явились слухи о том, что "якобы 5 мая увезут их в другое место". Уполномоченные райкомов, призванные разоблачать "ложные" вредительские домыслы, направленные на срыв посевной, проводили разъяснительную работу среди калмыков. В результате почти повсеместно переселенцы обещали вступать в члены колхозов и участвовать в их работе, обзаводиться индивидуальными огородами¹⁰⁰. Как выяснилось чуть позже, эти "ложные измышления" фактически оказались правдой ("злопыхатели" ошиблись на 10 дней), а "правдивые" рассказы партийных функционеров – ложью.

30 апреля 1944 г. было принято совместное постановление обкома ВКП(б) и исполкома облсовета "О переселении спецпереселенцев-калмыков в рыбопромышленные районы области"¹⁰¹. Оно принималось в соответствии с постановлением ГКО от 18 января 1944 г. "О подготовке к весенней путине и увеличении добычи

⁹⁹ Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. – М., 2003. – С. 135.

¹⁰⁰ ИСА ОО. Ф. П-415. Оп. 2. Д. 179. Л. 50–50 об.

¹⁰¹ ИСА ОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3833. Л. 17–18.

рыбы в 1944 г. по Наркомрыбпрому СССР" и санкционировало переселение конкретной группы спецпереселенцев¹⁰². Основанием же для постановления ГКО послужило совместное постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. № 19 "О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке"¹⁰³, которым предусматривалось выделение значительного количества рабочей силы для рыбных промыслов и санкционировалось переселение спецпереселенцев для нужд рыбной промышленности в 1942 г.

Так постановлением обкома и исполкома от 30 апреля было санкционировано вторичное переселение калмыков¹⁰⁴. Отpravку на Север начали 15 мая, закончить должны были к 15 июня¹⁰⁵. Фактически переселение затянулось до конца октября. Расселение вторично переселенных было произведено в трех северных округах, в системе трех рыбопромышленных трестов: Тобольского – 1879¹⁰⁶; Ханты-Мансийского – 5999¹⁰⁷; Ямало-Ненецкого – 1467 человек¹⁰⁸.

Главной особенностью, которая отличала переселение в северные округа от принудительной миграции на юг Омской области, стало возложение ответственности в первую очередь на представителей рыбопромышленных трестов (Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого и Тобольского). Тройки по приему и расселению спецпереселенцев не создавались, а на областное управление НКВД возлагались "подъем спецпереселенцев в установленные сроки

¹⁰² ИСА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 144. Л. 142–143.

¹⁰³ Из постановления Совета народных комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП(б) о развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. – Новосибирск, 1996. – С. 110–112.

¹⁰⁴ Отметим, что в соответствии с постановлением СНК СССР № 15233 рс от 25 июня 1944 г. должно было пройти вторичное переселение 300 семей калмыков из Омской области в Якутскую АССР для работы на Алданских слюдяных рудниках. Однако ввиду неподготовленности принимающей стороны оно не состоялось // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 152. Л. 30, 52; ИСА ОО. Ф. 235. Оп. 11. Д. 2. Л. 112; Там же. Д. 3. Л. 113.

¹⁰⁵ ИСА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 51.

¹⁰⁶ ГАТО. Ф. 1821. Оп. 1. Д. 31. Л. 4.

¹⁰⁷ Сведения приводятся по состоянию на ноябрь 1944 г. (ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 262. Л. 1). По данным на 22 июня 1944 г., численность составляла 6191 человека (ИСА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 143. Л. 43–44 об.).

¹⁰⁸ ГАТО. Ф. 1787. Оп. 1. Д. 4а. Л. 161.

к местам концентрации и их сопровождение к местам вселения"¹⁰⁹. Так, Тюменский горком ВКП(б) 9 мая 1944 г. принял постановление "О подъеме спецпереселенцев-калмыков в рыбную промышленность Тобольского округа", предполагая переселить 224 семьи (491 человека), а "подъем семей обеспечить силами оперсостава НКВД"¹¹⁰.

Поскольку основная часть калмыков (6000 человек) оказалась расселена на территории Ханты-Мансийского округа, то рассмотрим особенности их вторичного переселения на материалах Югры. Подготовка к приему новых переселенцев началась задолго до указанной даты, еще 11 февраля 1944 г., когда управляющий Ханты-Мансийским госрыбтрестом В. П. Боганов телеграфировал в Москву (Союзнаркомрыбпрому) данные об ориентировочной стоимости переселения 1944 г. По его подсчетам, она должна была составить 5 млн руб. Прежде всего, В. П. Боганова интересовало, из каких источников предполагается финансирование¹¹¹. В апреле тресту были даны указания: расходы на переселение оформлять как производственные затраты по статье "Расходы на набор рабочей силы"¹¹².

Под контролем треста производились все мероприятия по приему, расселению и распределению по объектам работы; составлялись такие важнейшие документы, предвзвешивавшие миграцию, как "Сводный расчет потребности завоза переселенцев, для промышленности и колхозов Ханты-Мансийского округа / без местной промышленности/ в 1944 г." (21 февраля)¹¹³ и "Распределение спецпереселенцев-калмыков по предприятиям и колхозам Ханты-Мансийского округа" (15 апреля)¹¹⁴. Эти документы среди прочего отражают абсолютно неверные сведения властей о количестве прибывающих переселенцев. Предполагалось, что в округ придут 2347 семей переселенцев-калмыков, а фактически было расселено 1759 семей¹¹⁵.

¹⁰⁹ Иса ОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3833. Л. 17 об.; Там же. Ф. 437. Оп. 21. Д. 144. Л. 142.

¹¹⁰ ГАСПИТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 648. Л. 272–272 об.

¹¹¹ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 178. Л. 187.

¹¹² Там же. Л. 142.

¹¹³ Там же. Л. 156.

¹¹⁴ Там же. Л. 105.

¹¹⁵ Там же. Д. 329. Л. 9.

Были произведены детальные расчеты по финансированию переселения. Они исходили из предположения, что придут 16 000 человек (8000 трудоспособных и 8000 иждивенцев). Стоимость провоза одного трудоспособного переселенца (суточные) составила 9 руб. в сутки, на иждивенца полагалось 4,5 руб. Операцию полностью финансировал трест, как ему и было указано, за счет расходов по набору рабочей силы¹¹⁶.

Определены 11 мест "наиболее массовой высадки" и "размещения на постоянное место жительства": в Березовском районе – Березово, Малый Атлым; в Микояновском – Кондинское, Реполово, Полноват; в Ларьякском – Ларьяк, Нижневартовск; в Кондинском – Нахрачи; в Самаровском – Самарово; в Сургутском – Сургут, Сытомино¹¹⁷.

16 февраля 1944 г. руководителям советских органов и директорам рыбозаводов для выяснения реальных возможностей округа по приему рабочей силы было дано указание: выявить всю свободную жилую наличную площадь в подведомственных организациях к 1 марта, "форсировать ускоренными темпами строительство новой жилплощади, особенно по линии рыбозаводов и рыболовецких колхозов", а также "с расчетом к 1 июля с.г. обеспечить рыбозаводу, колхозу подготовку жилфонда для приема переселенцев в размерах, обеспечивающих покрытие недостатка рабочей силы"¹¹⁸.

По предприятиям треста было учтено свободной жилплощади в объеме 7294 кв. м, но к 5 мая 1944 г. количество свободного жилья "по неизвестным [для руководства треста – А. И.] причинам" уменьшилось на 500 кв. м. Жилплощади, как выяснилось позднее, совершенно не доставало для размещения калмыков в соответствии с установленными нормами. По колхозам районов первоначально было учтено 18 046 кв. м, но на 5 мая свободными оказались лишь 16 893 кв. м¹¹⁹. Тем не менее количество свободного жилья в колхозах значительно превосходило размеры площади, имевшейся у рыбтреста, что можно считать причиной, побудившей производственных начальников к передаче части контингента в колхозы в июле – августе 1944 г.

¹¹⁶ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 178. Л. 142–143.

¹¹⁷ Там же. Д. 259. Л. 185.

¹¹⁸ СГА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Л. 62 об.

¹¹⁹ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 259. Л. 184 об.

А тем временем подготовка перешла от этапа планирования к этапу практической реализации. В Самаровском районе 19 апреля 1944 г. от Самаровского консервного комбината (предприятия, подчиненного госрыбтресту) по сельсоветам были разосланы телеграммы с уведомлением о том, что с открытием навигации в течение мая туда придут переселенцы. Спецпереселенцы-калмыки должны были быть распределены по указанным в телеграмме колхозам, а хозяйственные органы – "приступить [к] ремонту жилфонда [с] расчетом обеспечить три квадратных метра [на] одного переселенца". О ходе работ председатели сельсоветов обязывались отчитываться еженедельно¹²⁰.

Вопросами приема и учета с некоторым опозданием занялись и советские органы. Сургутский исполком начал принимать действенные меры лишь к середине мая. 15 мая на его заседании заслушали вопрос "О санитарных мероприятиях по приему переселенцев, прибывающих в район". Было решено обязать председателей сельсоветов и директоров рыбзаводов: Сургутского, Сытоминского, Локосовского – выделить временные помещения (приемные пункты) для переселенцев, где они содержались бы до проведения санитарной обработки, и организовать работу бань и дезокамер¹²¹.

Параллельно шла подготовка и на промышленных предприятиях. 21 апреля появился приказ № 47 по Самаровскому консервному комбинату, направленный на "обеспечение своевременной подготовки к принятию прибывающих в первых числах мая с.г. переселенцев". В приказе содержались указания начальникам различных отделов. Приказ охватывал достаточно широкий круг работ – от подготовки помещений для переселенцев до организации работы бань и продовольственного снабжения¹²².

Этим документом на период приема и расселения переселенцев предусматривалось подчинение отделу рабочих кадров треста организационно-строительного отдела, отдела кадров и строительной конторы. За учет и распределение переселенцев ответственным назначался начальник отдела рабочих кадров Вахрушев¹²³. Таким

¹²⁰ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 178. Л. 90.

¹²¹ СГА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Л. 125.

¹²² ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 178. Л. 98–98 об.

¹²³ Там же. Л. 32–32 об.

образом, были мобилизованы управленческие структуры треста, которые осуществляли управление переселением.

За прием в сборных пунктах, сопровождение и распределение переселенцев ответственными были назначены две группы лиц:

1) "сильные работники", находившиеся в тот момент в Омске и Тюмени, которые отвечали за прием и сопровождение депортантов в пути следования (перевозку на речном транспорте и сопровождение по суше до пунктов постоянного расселения);

2) сотрудники Ханты-Мансийского госрыбтреста, "посаженные" на пароходы в Самарово и ответственные за распределение переселенцев по предприятиям треста¹²⁴.

Ответственность работников первой категории оформлялась специальным приказом по госрыбтресту. На работников, распределявших калмыков, оформлялась специальная доверенность¹²⁵.

Особенностью документов, касающихся транспортировки калмыков, являлась приблизительность содержащихся в них количественных показателей и расплывчатость формулировок, что давало возможность ответственным лицам действовать по своему усмотрению, исходя из конкретной ситуации. Типичной в этом смысле была доверенность "...в случае необходимости передать в пределах до 350 человек" Березовскому стекло- и рыбозаводам.

В Омске в качестве главного распределителя рабочей силы по рыбопромышленным предприятиям выступал заместитель управляющего трестом Максютенко. Он регулярно телеграфировал из Омска о направлении все новых и новых пароходов¹²⁶ с указанием количества направленных лиц, а также количества переселенцев, полагавшегося каждой организации¹²⁷.

Переброску на Север начали с концентрации калмыков в специальных переселенческих пунктах в Омске, Тюмени и еще на двух, более мелких станциях – пристани Тура и Карлушке¹²⁸. "Поездом в товарных вагонах привезли в областной центр – Омск. Там же находились калмыки с других районов. С Омска отправлялись

¹²⁴ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 178. Л. 51 об.–52.

¹²⁵ Там же. Л. 45, 52, 101.

¹²⁶ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 178. Л. 52, 55 об.

¹²⁷ Там же. Л. 55.

¹²⁸ ИСА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 144. Л. 145, 149.

калмыцкие семьи пароходом на Север", – повествует А. И. Манджиев¹²⁹. В Омске их размещали в пристанционных районах города, а затем транспортировали с вокзалов на пристань¹³⁰. По воспоминаниям Р. К. Урхаевой, существовало правило: на одного работающего – один иждивенец в семье¹³¹. А. И. Манджиев писал о том, что на Север отбирали те семьи, в которых просто "было меньше иждивенцев"¹³².

Не прошла отбор на Север, осуществлявшийся представителями рыбрестра, семья В. М. Бадмахалгаева: "Когда наступила весна, часть калмыков стали снова собирать в дорогу, чтобы переселить далеко на Север, в Салехард. В список попала и наша семья <...> Потом нас собрали на речном вокзале Омска. Здесь мама встретила двух своих несовершеннолетних племянниц Домну и Кермен, которые, как оказалось, к этому времени осиротели. Девочек мама сразу забрала с собой. А когда собравшихся стали грузить на пароход им. Ленинского комсомола, нас на него не пустили. Так как теперь из пяти членов семьи четверо были дети, то есть иждивенцы, и нас просто бросили на пристани и никуда не определили"¹³³. Требования к физическому состоянию и возрасту переселяемых на Ямал были более жесткими: С. У. Эрднеева попала не на Ямал, а в Югру, поскольку "одиноких, молодые семьи – в тундру [отправили – А. И.], а у кого рабочих [в семье] нет, нас здесь оставили", в Березовском районе Ханты-Мансийского округа¹³⁴.

Первый пароход, об отправке которого нам известно, это судно "Усиевич", отправившееся из Омска 16 мая¹³⁵. Прием его в Самарово был оформлен приказом по рыбрестру от 21 мая 1944 г.¹³⁶

¹²⁹ Рукопись воспоминаний А. И. Манджиева // Семейный архив Т. А. Михалевой (Манджиевой). Л. 3.

¹³⁰ ИсА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 144. Л. 146.

¹³¹ Рассказ Р. К. Урхаевой // У каждого своя Сибирь: два рассказа о депортации калмыков // Антропологический форум. – 2005. – Вып. 3. – С. 410.

¹³² Рукопись воспоминаний А. И. Манджиева // Семейный архив Т. А. Михалевой (Манджиевой). Л. 2-3.

¹³³ Бадмахалгаев В. М. Терпение мамы вознаградилось // Мы – из выселенных навечно... – С. 191.

¹³⁴ Интервью с С. У. Эрднеевой (1929 г. р.) // ПМА.

¹³⁵ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 178. Л. 53.

¹³⁶ Там же. Л. 108.

Первоначально пароход прибыл 20 мая в Реполово (так как по плану предназначался местному совхозу), но, не разгружаясь, был по указанию заместителя управляющего трестом Окулова, который руководствовался производственными соображениями, направлен в Самарово¹³⁷. Следует обратить внимание на то, что руководители треста, а не представители "троек" занимались распределением рабочей силы.

Прибывали переселенцы и в другие районы округа. 20 мая был отправлен до Нижневартовска пароход им. Третьего Интернационала, с которого передавали переселенцев рыбозаводам и колхозам. Передача происходила порайонно: спецпоселенцев, проживавших ранее в Любинском районе, предписано было передавать только Локосовскому (Сургутский район) и Нижневартовскому рыбозаводам (Ларьякский район), а размещавшихся в Марьяновском районе – Ларьякскому рыбозаводу и колхозам Ларьякского района. Калмыки, следовавшие из Омутинского района пароходом "Жан Жорес", оказались в Сургутском районе¹³⁸.

По прибытии спецпереселенцев-калмыков начальником эшелона (эшелонами именовали пароходы) оформлялся акт передачи определенной организации¹³⁹ и территориальному органу НКВД¹⁴⁰. Главными критериями возможности или невозможности получения предприятием новых рабочих рук служили два фактора: 1) наличие свободной жилплощади; 2) обеспечение возможности проведения санитарной обработки (наличие готовых к использованию бань и дезокамер)¹⁴¹. Отсутствие одного из условий могло послужить основанием для смены места высадки депортантов, как это произошло в Тюлях (Кондинский район), откуда место высадки перенесли в Нахрачи (29 мая 1944 г.) из-за отсутствия помещения для санобработки¹⁴². Помещениями для временного размещения служили

¹³⁷ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 178. Л. 59.

¹³⁸ Рукопись воспоминаний А. И. Манджиева // Семейный архив Т. А. Михалевой (Манджиевой). Л. 3.

¹³⁹ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 262. Л. 20; Там же. Д. 178. Л. 76.

¹⁴⁰ ГА в г. Тобольске. Ф. 1220. Оп. 2. Д. 3. Л. 3.

¹⁴¹ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 178. Л. 68.

¹⁴² Там же. Л. 68, 99.

строения, предоставленные местными жителями, сетепосадочные мастерские, здания вокзалов и др.¹⁴³

Прибывший в Микояновский район М. Борликов со слов старших родственников так рассказывал о перевозке на Север и передаче переселенцев предприятиям: "В конце весны 1944 г., <...> многих калмыков стали переселять далеко на Север области. Везли их по Иртышу и Оби на пароходе "Усиевич". Многих разбрасывали по заимкам, малолюдным местам, где требовалась дешевая рабсила <...>, когда пароход причаливал, с берега начальник с комендантом кричали в рупор, сколько им нужно рабочих. На пароходе прямо по головам отсчитывали людей и высаживали на берегу, естественно, против их воли, повторно разбивая семьи, разлучая родственников. И, таким образом, вновь переселенных калмыков разбросали от Ханты-Мансийска до Салехарда по многочисленным рыболовецким пунктам и рыбозаводам, лесозаготовительным и сплавным участкам"¹⁴⁴. По словам А. И. Манджиева, спецпереселенцев в с. Сытомино Сургутского района "высаживали по спискам", а потом распределяли по организациям¹⁴⁵.

Прием спецпереселенцев-калмыков формально завершился 15 июня 1944 г.¹⁴⁶ К этому времени основная масса переселенцев была размещена на территории Югорской земли. К ноябрю 1944 г. в Ханты-Мансийском округе насчитывалось 5999 калмыков. Нельзя не отметить, что сразу после их завоза в округ начались дальнейшие перемещения депортантов между различными предприятиями и организациями, расположенными как внутри, так и за пределами окружных границ. Этим, в частности, объяснялись различия в сводных данных о количестве переселенцев в ходе учета последних, осуществленного в разное время. Так, по состоянию на 22 июня 1944 г. на территории округа был учтен 6191 калмык¹⁴⁷.

¹⁴³ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 178. Л. 62–62 об., 68.

¹⁴⁴ Борликов М. "Знаки ранищих мгновений" // Мы – из выселенных навечно... – С. 246.

¹⁴⁵ Рукопись воспоминаний А. И. Манджиева // Семейный архив Т. А. Михалевой (Манджиевой). Л. 3.

¹⁴⁶ ИСА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 51.

¹⁴⁷ Там же. Д. 143. Л. 43–44 об.

Имеющиеся сведения показывают, что во второй половине 1944 г. происходило активное перераспределение рабочей силы в округе от основных ее получателей (рыбопромышленных предприятий Ханты-Мансийского рыбтреста и леспромхозов) к организациям и учреждениям, обслуживающим трест (рыболовецким колхозам, рыбкоопам, промартелям). Известно, что в середине июля передача переселенцев от одного предприятия треста другому была незначительной. Лишь Нахрачинский рыбозавод передал своей же моторно-рыболовной станции 36 человек. В то же время рыболовецким колхозам было передано 434 человека, промартелям – 130, рыбкоопам – 48 и "прочим предприятиям" – 76 человек¹⁴⁸.

Активная переброска калмыков продолжалась также в августе – сентябре 1944 г., о чем свидетельствуют сохранившийся именной "Список переселенцев-калмыков Самаровского к[онсервного]/комбината, переданных в другие организации" от 28 июля 1944 г. и "Список спецпереселенцев-калмыков", прибывших пароходом "Коммунист", по состоянию на 12 сентября 1944 г.¹⁴⁹. Последний список характеризует не внутриокружные принудительные миграции, а "доселение" калмыков из районов на тот момент уже самостоятельной Омской области (Кормиловского, Омутинского и собственн. Омска).

Перемещения калмыков, санкционированные властями, проходили и в последующее время (как внутри округа, так и за его пределы). Эти перемещения были единичными. Их исключительность подтверждается санкционированием подобных мероприятий не предприятиями и руководством треста (с последующим уведомлением окружных властей), а постановлениями областных партийных и советских организаций. Так это было в случае с передачей 350 калмыков для работы на предприятиях Тобольского госрыбтреста (24 октября 1944 г.)¹⁵⁰.

Происходили и перемещения переселенцев в обратном направлении – от "второстепенных" получателей рабочей силы к основным предприятиям треста. В летние месяцы 1944 г. по распоряжению управляющего Ханты-Мансийским рыбтрестом Кафитина

¹⁴⁸ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 262. Л. 12, 23, 25, 28.

¹⁴⁹ Там же. Д. 262. Л. 36.

¹⁵⁰ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 4. Л. 204.

спецпереселенцы-калмыки, ранее размещенные в четырех рыболовческих артелях Березовского района, были переданы Сосьвинскому рыбзаводу¹⁵¹.

Анализ внутриокружных перемещений спецпереселенцев объясняет, каким образом они оказались в организациях, не относящихся к ведению госрыбтреста (прежде всего колхозах, перечень же прочих организаций достаточно обширен и включает в себя районные отделы народного образования, земельные отделы, учреждения Спецторга и другие структуры). Сводные данные о количестве трудоспособных лиц, перемещенных внутри Ханты-Мансийского округа, были получены к ноябрю 1944 г. К этому времени окружным колхозам передали 2092 человек (в том числе 1002 трудоспособных), в другие организации – 261 трудоспособного¹⁵².

Эти микромиграции были вызваны и ускорены трудностями, с которыми столкнулись местные власти при расселении вновь прибывших переселенцев, и, прежде всего, нехваткой свободных жилых помещений (ими в значительно большем объеме обладали колхозы). Основной целью перемещений являлись рационализация трудоустройства переселенцев и их хозяйственное обустройство.

В Ямало-Ненецкий округ в навигацию 1944 г. прибыли 1467 калмыков¹⁵³. Основная их масса была сосредоточена и закреплена за предприятиями и организациями Шурышкарского района иг. Салехарда. Если в случае со спецпереселением 1942 г. Салехард, административный центр региона, функционировал как своеобразный "перевалочный пункт", где происходила концентрация и откуда шла дальнейшая отправка переселенцев в другие районы округа¹⁵⁴, то в 1944 г. распределение прибывавших в округ калмыков проводилось по иной схеме. Переселенцы были размещены лишь в южной части округа и окружном центре. Видимо, по этой причине передача калмыков хозяйственным структурам Ямальского рыбтреста осуществлялась по мере движения соответствующих эшелонов (пароходов) по Оби на Север, до Салехарда. В Салехарде и его

¹⁵¹ ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 878. Л. 7.

¹⁵² ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 262. Л. 4; Там же. Д. 329. Л. 12.

¹⁵³ ГАТО. Ф. 1787. Оп. 1. Д. 4а. Л. 161.

¹⁵⁴ *Михалев Н. А.* Население Ямала в первой половине XX в. ... – С. 121.

окрестностях оказались лишь те переселенцы, чье трудоустройство предусматривалось на расположенных здесь предприятиях.

Причем можно полагать, что, как и в соседнем Ханты-Мансийском округе, на Ямале также имели место начавшиеся сразу после завоза калмыков в регион их внутриокружные принудительные трудовые миграции. Так, калмык Ю. С. Болдырев прибыл в Салехард 17 сентября 1944 г., однако на этом его путь не закончился, так как "одну небольшую группу, в которую вошли мы с матерью, тут же перегрузили на плашкоут и прямо в ночь отправили дальше, ниже Салехарда", на рыболовецкие угодья Салехардского рыбокомбината¹⁵⁵.

В итоге в период навигации 1944 г. на территорию Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого и Тобольского округов¹⁵⁶ Омской (с 14 августа Тюменской) области было вторично переселено 8597 человек¹⁵⁷. На этом размещение в системе спецпоселений было в основном завершено.

В дальнейшем переселение калмыков на спецпоселение было связано с процессом воссоединения семей (см. гл. 3, п. 3.1) и прибытием в места поселений отозванных с передовой и направленных на строительство Широковской ГЭС (Молотовская область) калмыков-фронтовиков и фронтовичек (всего в Широклаге трудились 3225 человек, точное количество калмыков среди них неизвестно)¹⁵⁸.

Первые фронтовики (непригодные к труду в лагере) стали прибывать на поселение (по одиночке) после появления директивы начальника ОСП НКВД М. В. Кузнецова (8 апреля 1944 г.)¹⁵⁹, по мере освобождения из лагеря весной-осенью 1945 г.¹⁶⁰. Так, в Широклаге

¹⁵⁵ Болдырев Ю. С. Добрые люди не забываются // Боль памяти. – Элиста, 1999. – С. 184.

¹⁵⁶ Тобольский округ был упразднен 14 августа 1944 г.

¹⁵⁷ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 20. Л. 146.

¹⁵⁸ Калмыки с фронтов были сняты согласно распоряжению VIII управления Красной армии от 8 января 1944 г. (Справка комиссара госбезопасности Добрынина о распоряжении VIII управления Генштаба по демобилизации и передаче органам НКВД военнообязанных калмыков, прибывающих в командировки // Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. I. Кн. 2. – С. 86).

¹⁵⁹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 143.

¹⁶⁰ Заключенные ГУЛАГа по отбытии наказания также направлялись на спецпоселение (Циркуляр НКВД СССР № 155 о порядке направления освобождаемых из

с 14 марта 1944 г. по 26 марта 1945 г. находилась Данара Джумалинова, после освобождения из лагеря она отправилась к семье в с. Логра Щербакульского района Омской области¹⁶¹. Ш. М. Наляев прибыл на поселение в Кондинский район Ханты-Мансийского округа в конце июля 1945 г.¹⁶²

Точное количество калмыков, прибывших на поселение в индивидуальном порядке, можно установить лишь приблизительно. Согласно данным спецпереписи 1949 г. по СССР, среди демобилизованных с фронта спецпоселенцев в 1944–1945 гг. калмыков насчитывалось 4105 человек¹⁶³, на территории Омской области находилось 1714 бывших военнослужащих Красной армии; в Тюменской – 1138 человек (Приложение № 2). Нужно полагать, что большинство из них прошли Широκлаг, но многие не дожили до 1949 г.

Одним из результатов этих двух видов репрессий стало распределение калмыков по обширной сети спецпоселений сибирских областей. К окончанию Великой Отечественной войны калмыки находились на спецучете в 19 комендатурах Омской и 38 комендатурах Тюменской областей (в том числе 15-ти – в Ханты-Мансийском и двух – в Ямало-Ненецком округах) (Приложение № 3, а-г).

При этом необходимо отметить, что эти "специальные мероприятия" (депортация и спецпоселение) самой властью не рассматривались как репрессия со стороны государства, а калмыки соответственно не считались репрессированными. Неслучайно В. В. Чернышев в ответ на запросы с мест разъяснял, что постановлением СНК о выселении калмыков "не предусматривалось лишение или ограничение каких-либо гражданских прав этих спецпереселенцев, за исключением права выезда из мест поселения"¹⁶⁴.

С точки зрения советского национально-государственного строительства депортация народа бросала его на самое дно, к основанию пирамиды национально-территориальных образований

спецлагерей калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев и карачаевцев на поселение от 6 мая 1944 г.) // Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. I. Кн. 2. – С. 39–40.

¹⁶¹ Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Указ. соч. – С. 212.

¹⁶² Наляев Ш. М. Рабская жизнь в Широκлаге // Широκстрой: Широκлаг: Сб. воспоминаний воинов-калмыков, участников строительства Широκовской ГЭС. – Элиста, 1994. – С. 86.

¹⁶³ Бугай Н. Ф., Л. Берия – И. Сталину: "После Ваших указаний проведено следующее...". – М., 2011. – С. 375.

¹⁶⁴ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 152. Л. 17.

Советского Союза. Калмыки превратились из титульной нации автономной республики, занимавшей второе место в иерархии национальностей СССР, в этнодисперсное "нацменьшинство" – некоренное население краев и областей вселения, не имевшее собственной территории¹⁶⁵.

Таким образом, дисперсное расселение в иноэтничной среде с установлением административного режима спецпоселения было достигнуто уже в ходе первичной (базовой) репрессии. При этом в политике государства по отношению к калмыцкому народу мы видим сочетание двух видов репрессий, которые различаются целями переселения. При первичном переселении целью было наказание за "разгул бандитизма" и пособничество врагу (операция "Улусы" являлась чекистско-войсковой операцией НКВД), и местные власти (в формате "троек") решали вопросы, связанные с приемом и расселением депортированных, а трудоустройство спецпереселенцев отходило на второй план, хотя заинтересованность местных хозяйственных организаций в рабочей силе была велика.

При переселении же в северные районы области мы имеем дело с классической вторичной компенсаторной репрессией. В этом случае репрессивная составляющая находится в подчиненном положении по отношению к экономической целесообразности и на первый план выступает хозяйственное освоение территории, поэтому ведущую роль в планировании, организации приема и расселения спецпереселенцев играют производственные организации (госрыбтресты). Механизм проведения этой акции показывает, что важнейшей составляющей политики по отношению к калмыцкому населению являлось приложение труда в определенных государством отраслях хозяйства.

Типологически первичная и вторичная репрессии в отношении калмыцкого народа сходны с депортацией немецкого населения на территорию Омской области в 1941 г. и его вторичным переселением на север Омской области в 1942 г.¹⁶⁶ Однако при типологической схожести репрессий 1941–1942 гг. и 1944 г. депортация

¹⁶⁵ Дённингхаус В. В тени "Большого Брата": Западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.). – М., 2011. – С. 53–55.

¹⁶⁶ См. подробнее: Иванов А. С. Принудительная миграция 1942 г.: планирование и реализация (на материалах Ханты-Мансийского округа Омской области) //

калмыков являлась более "совершенной" акцией в плане функционирования репрессивного механизма, что выразилось в следующем: 1) статусная неопределенность касалась в основном "внутринациональных" групп, а не всего калмыцкого населения; 2) в ходе вторичного переселения на Север в 1944 г. рыбопромышленные организации не проводили завоза домов для спецпереселенцев с территории юга области или из-за ее пределов, и строительство домов было возложено на стройконторы рыбтрестов по месту поселения¹⁶⁷; 3) местная администрация не предпринимала попыток строительства отдельных поселков для спецпереселенцев¹⁶⁸, калмыки по плану расселялись среди "правового" населения.

Катанаевские чтения: мат-лы 7-й всерос. науч.-практ. конф. – Омск, 2008. – С. 333–336.

¹⁶⁷ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 38. Л. 16.

¹⁶⁸ Последняя попытка сохранения "поселковой" системы была предпринята в 1942 г. Ханты-Мансийский окружком 5 марта 1942 г. распорядился начать строительство четырех новых поселков для прибывающих с юга Омской области спецпереселенцев (ГАТО. Ф. 1785. Оп. 1. Д. 1350. Л. 101, 136). Однако в условиях военного времени программа возведения домов для депортированных была сорвана, организовать строительство новых спецпоселков не удалось (ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 2. Л. 6).

Глава 3

"ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ВОЗЛОЖИТЬ НА МЕСТНЫХ...": ОБУСТРОЙСТВО КАЛМЫКОВ НА ЧУЖБИНЕ

3.1. "Общественно полезный" труд на спецпоселении

В соответствии с Постановлением СНК "О выселении калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР" от 27 декабря 1943 г. расселение производилось главным образом на селе (животноводческих хозяйствах) и рыболовецких хозяйствах¹, где спецпереселенцы обязаны были приступить к "общественно полезному труду"². К середине мая 1944 г. они распределялись между организациями следующим образом: в колхозах – 17 908 человек, совхозах – 3538, промартелях – 1085, на промкомбинатах – 334, промпредприятиях – 1086, в наркомлесе – 1229, на торфоразработках – 458, в "разных" организациях – 1352 человека³. По этим данным видно, что 4/5 (79,5 %) были заняты в сельском хозяйстве области.

Завершение в октябре 1944 г. вторичного спецпереселения калмыков в рыбопромышленные районы области существенно изменило их положение. Калмыки были закреплены за предприятиями рыбной промышленности Омской области, после чего наряду с колхозами и совхозами Наркомрыбпром добавился к "профильным" держателям рабсилы⁴. После административно-территориального размежевания и выделения 14 августа 1944 г. из состава Омской области самостоятельной Тюменской все калмыки, переданные в рыбную промышленность, оказались на территории последней.

---

¹ Постановление СНК "О выселении калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР (28 января 1943 г.)" // Сталинские депортации... – С. 413.

² Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и административных правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев (25 октября 1931 г.) // Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. Кн. 2. – С. 536.

³ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 219.

⁴ ИСА ОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3833. Л. 17–18.

В результате к началу 1945 г. (Приложение № 4) основная масса спецпереселенцев-калмыков в границах Омской области трудилась в колхозах и совхозах (85,1 %), а в Тюменской, напротив, доля занятых в аграрном секторе составляла 21 % от общего количества работающих⁵. Среди занятых в промышленности Тюменской области абсолютное большинство трудилось в Наркомрыбпроме (2403 человека – 61 %)⁶. К этому времени в Омской области доля работающих, по сравнению с иждивенцами, была выше во всех отраслях хозяйства, что говорит о крайне негативной роли, которую сыграло в жизни калмыков переселение на территорию северных округов, и о более быстрой адаптации не подвергшихся вторичному переселению.

В годы войны труд калмыков в Тюменской области использовался преимущественно в промышленности, в то время как в Омской они были заняты в основном в сельском хозяйстве. Изменения, произошедшие в послевоенные годы, показаны в табл. 1.

Таблица 1

Трудоиспользование спецпереселенцев-калмыков
в Омской и Тюменской областях (1945–1950 гг.)

	1945 г.		1948 г.		1950 г.	
	Омская	Тюменская	Омская	Тюменская	Омская	Тюменская
Колхозы и совхозы	4370	1307	5122	2239	4752	2069
Промышленность	768	3450	1381	3393	856	2000
Прочие организации		415	87	179	267	1616
Всего:	5138	5172	6590	5811	5875	5685

* Составлено по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 180; Там же. Д. 161. Л. 140; Там же. Д. 366. Л. 243 об.-244, 246 об.-247, 249; Там же. Д. 480. Л. 154 об.-155, 158 об.-159, 162 об.-163.

⁵ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 221 об.

⁶ Из общего количества занятых в 1945 г. в промышленности по предприятиям рыбопромышленных трестов калмыки составляли: в Тобольском – 26 %; Ханты-Мансийском – 17 %; Ямало-Ненецком – около 15 % (подсчитано по: ГАТО. Ф. 1821. Оп. 1. Д. 12. Л. 52; Там же. Ф. 1787. Оп. 1. Д. 4а. Л. 161; ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 329. Л. 12; Прибыльский Ю. П. Рыбное хозяйство Обь-Иртышья в XX в. – М., 2008. – С. 107).

Первое, что обращает на себя внимание, – это резкое падение количества калмыков, используемых на промышленных предприятиях Тюменской области. За 1948–1949 гг. численность калмыков на предприятиях рыбной промышленности Тюменской области сократилась на 726 человек⁷.

Дело в том, что в соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 27 января 1948 г. и распоряжением МВД СССР от 7 февраля 1948 г. работники УМВД Тюменской области совместно с представителями Обьиртышского госрыбтреста и Главсахалинрыбпрома начали отбор 700 спецпереселенцев из числа немцев и калмыков – работников рыбной промышленности – для отправки на Сахалин для работы в рыбном хозяйстве⁸. Среди калмыков, выехавших на Сахалин, был А. И. Манджиев, который вспоминал: "В конце мая месяца 1948 г. представители Главсахалинрыбпрома приехали в Тюменскую область для вербовки рабочих на работу в рыбной промышленности Сахалина и заключали трудовые договоры на 5 лет"⁹. Тюменские обком и исполком выступили против изъятия столь значительного количества рабочей силы¹⁰, однако их протесты не возымели действия, и отправка рабочих-калмыков происходила вместе с семьями в период навигации 1948 г. План по набору был выполнен: всего отобрали 1630 человек¹¹. Это, в первую очередь, объяснялось тем, что в договорах, заключавшихся с калмыками представителями сахалинской организации, были оговорены льготы¹², которые полагались им как работникам, направляемым в порядке оргнабора, и которых они не имели в Сибири (см. ниже).

Из данных табл. 1 виден рост количества трудоиспользуемых по областям. Это связано с ростом доли работающих калмыков: на 1 января 1945 г. в Омской области она составляла 53,6 %;

⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 366. Л. 246 об.; Там же. Д. 480. Л. 158 об.

⁸ Там же. Д. 374. Л. 27.

⁹ Рукопись воспоминаний А.И. Манджиева // Семейный архив Т. А. Михалевой (Манджиевой). Л. 5.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 374. Л. 29.

¹¹ Там же. Д. 416. Л. 161.

¹² Рукопись воспоминаний А. И. Манджиева // Семейный архив Т. А. Михалевой (Манджиевой). Л. 5.

Тюменской – 45,8 %¹³, на 1 января 1950 г. в Омской области – 61,1 %; Тюменской – 59,2 %¹⁴.

Такой результат был достигнут благодаря нескольким составляющим: 1) почти 100%-ному охвату признанных годными к труду (к 1 января 1948 г. в Тюменской области работало 98,8 %¹⁵; в Омской – 100 %¹⁶); 2) компенсации нехватки рабочих рук за счет использования труда "нетрудоспособных" (по Омской области к началу 1948 г. их доля достигла 18,2 %), в связи с чем количество трудящихся постоянно превышало число "трудоспособных" (Приложение № 5); 3) завершению процесса производственной социализации спецпереселенцев-калмыков.

Обращаясь вновь к данным табл. 1, необходимо сказать о неоправданно высокой доле "прочих" организаций среди структур, использующих труд депортированных к началу 1950 г. по Тюменской области. Дело в том, что в состав этих организаций были, по всей видимости, занесены 600–700 человек, работавших в совхозах¹⁷. С учетом этого Тюменская область, после отправки части калмыков на Сахалин с предприятий рыбной промышленности, превратилась из региона индустриального трудоустройства калмыков в область, где калмыки почти в равной степени использовались как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Указанная тенденция продолжилась и в первой половине 1950-х гг.: к 1 января 1956 г. в колхозах и совхозах Тюменской области было трудоустроено 2305 человек, в промышленности – 1969, в прочих организациях – 699 человек¹⁸. Если принять во внимание тот факт, что ввиду начавшегося процесса освобождения со спецпоселения количество трудящихся-калмыков в Тюменской области

¹³ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 169, 221 об.

¹⁴ Подсчитано по: Приложение № 1, 5.

¹⁵ Для сравнения: к 1 октября 1944 г. по Омской области из числа трудоспособных не работали 518 человек (10,3 % от общего числа трудоспособных); по Тюменской – 241 калмык (3,8 % от общего числа трудоспособных) // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 187. Л. 250.

¹⁶ Подсчитано по: Приложение № 5; ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 356. Л. 346, 366 об.

¹⁷ По официальным данным, в совхозах Тюменской области к 1 января 1950 г. не работало не одного калмыка. К 1 января 1956 г. в колхозах работали 797 калмыков // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 366. Л. 246 об.

¹⁸ Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. I. Кн. 3. Ч. 1. – С. 60.

сокращается с 5685 человек (1950 г.), до 4973 человек (1956 г.), то можно говорить о сохранении рабочей силы за совхозами и колхозами, что подтверждают данные по Омской области, где 81 % калмыков к началу 1950-х гг. продолжали трудиться в этих организациях.

Это связано с тем, что колхозы и совхозы изначально являлись главными получателями рабочей силы, для их поддержки государство выделяло скот (см. гл. 2, п. 2.3), поэтому они продолжали аккумулировать основные трудовые ресурсы депортированных. После 1948 г. численность калмыцкого "контингента" оставалась стабильной также на предприятиях рыбной промышленности (на 1 января 1950 г. – 1540 человек, на 1 января 1956 г. – 1362 человека), для которых калмыки были специально переброшены на Север Тюменской области¹⁹. По количеству калмыков отрасль уступала только колхозам.

Другие организации находились в положении временных пользователей рабочей силы. Рассмотрим несколько примеров. В индустриальном секторе Омской области после войны наибольшее количество калмыков использовала местная промышленность: на 1 января 1945 г. закреплено 24 человека (включая иждивенцев); на 1 января 1948 г. работают 1312; на 1 января 1950 г. – 586 человек²⁰. В промышленности Тюменской области в послевоенные годы следом за рыбной отраслью наибольшее количество трудилось в лесной: в 1945 г. – 364 человека; в 1948 г. – 283; в 1956 г. – 607 человек²¹.

Количество министерств, на которых трудились небольшие группы калмыков, изменялось²². Переброска переселенцев производилась

¹⁹ ГАРФ. Ф. 9479. Д. 480. Л. 158 об.; Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. I. Кн. 3. Ч. 1. – С. 60.

²⁰ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 366. Л. 246 об.; Там же. Д. 480. Л. 158 об.

²¹ Там же. Д. 164. Л. 180; Там же. Д. 161. Л. 140; Д. 366. Л. 246 об.; Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. I. Кн. 3. Ч. 1. – С. 60.

²² Так, за период с 1 января 1947 по 1 января 1948 г. в Тюменской области количество министерств, использующих труд калмыцкого населения, увеличилось с 17 до 20, а в Омской области оно сократилось на треть (с 12 до 8). К 1950 г. количество подобных министерств в Омской области вновь возросло до 15-ти // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 316. Л. 128 об.–129, 131 об.– 132, 133 об.–134; Там же. Д. 366. Л. 243 об.–244, 246 об.–247, 249; Там же. Д. 480. Л. 154 об.–155.

небольшими группами по приказам МВД²³. В областях вселения общей тенденцией являлось стремление местных властей к закреплению спецпереселенцев за организациями – основными получателями рабочей силы. В Омской области таковыми были колхозы и совхозы, в Тюменской к ним прибавились рыбопромышленные предприятия.

Закрепление человека за определенной организацией на продолжительный срок автоматически ставило проблему эффективного приложения труда работника. Ярко выраженный детско-женский характер "калмыцкой ссылки" осложнял выполнение этой задачи. Среди депортированных к концу января 1944 г. доля женщин и детей по Омской области составляла 82,7 %²⁴. После разделения областей ситуация не изменилась. К 1 января 1946 г. доля женщин и детей в Тюменской области составляла 80,8 %; в Омской – 82,9 %; к началу 1950 г. в Тюменской области женщины и дети составляли 72,4 %; в Омской – 72,7 % (Приложение № 1).

При переселении калмыков на Север Тюменской области была предпринята попытка произвести их отбор для работы в рыбной промышленности²⁵. Определенного результата достигли среди калмыков, отправленных на Ямал, где доля женщин и детей была на 10,8 % ниже, чем в среднем по области, а процент трудоспособных – на 10,2 % выше²⁶. В среднем же доля трудоспособных в рыбной промышленности (45,8 %) была ниже, чем на промышленных предприятиях области (48,3 %)²⁷.

²³ Механизм перевода спецпереселенцев из одной организации в другую можно описать на следующем примере: согласно приказу № 00685 МВД СССР от 20 июля 1949 г., с территории Омской области был произведен отбор 100 спецпереселенцев-выселенцев (всех категорий) для работы на строительстве предприятий Енисейстроя (Красноярский край). В документе описывается технология подобных перебросок: "снятие указанного количества выселенцев-спецпоселенцев производится мелкими группами с предприятий министерств местной промышленности, торговли, коммунального и сельского хозяйства", причем с тех, где им "до сих пор не созданы нормальные жилищно-бытовые условия" (ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 455. Л. 256). Принимались аналогичные решения об отправке спецпереселенцев на работу и в другие отрасли промышленности (Там же. Д. 457. Л. 123).

²⁴ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 176. Л. 174.

²⁵ Там же. Л. 100–101.

²⁶ ГАТО. Ф. 1787. Оп. 1. Д. 4а. Л. 161.

²⁷ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 221.

Калмыки на Севере Тюменской области попали "в полное распоряжение" директоров рыбозаводов²⁸, что породило многочисленные случаи произвола со стороны последних²⁹ и в то же время заставило людей работать с первых же дней в любых условиях, на любых видах работ. А. И. Манджиев, оказавшийся в конце мая 1944 г. в с. Сытомино Сургутского района Ханты-Мансийского округа на местном рыбзаводе, вспоминал: "На работу устроились с 1/VI – 1944 в качестве рабочих все старше 13 лет <...> Работы было много, под разгрузку стояли несколько барж с рыбой и солью, т. к. только открылась навигация. Приходилось выполнять разнообразные работы: погрузо-разгрузочные рыбопродукции, соли, заготавливать дров, лед (зимой), материалы для бондарного цеха, сена, трелевкой – подтаскивание бревен с плотов на конной тяге к месту складирования и др. работ"³⁰.

Процент невыходов на работу в рыбной промышленности был меньше всего – 3,8 %, притом что в колхозах Тюменской области он превышал 30 %³¹. Причем, как признавало руководство НКВД двух областей, невыход калмыков на работу обуславливался прежде всего не нежеланием трудиться, а отсутствием одежды и обуви³².

Уже на стадии расселения переселенцев уполномоченные организаций пытались выявить и заполучить себе квалифицированных специалистов. В середине января 1944 г. очевидцем отбора, который производили агенты хозяйственных структур и предприятий Исилькульского и Полтавского районов, в Исилькуле стал переселенец Н. М. Натыров: "Представители хозяйств интересовались,

²⁸ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 10. Л. 110.

²⁹ Так, калмыки в своей коллективной жалобе обвиняли заместителя директора Сургутской консервной фабрики в избиениях. Проведенная по изложенным в жалобе сведениям проверка подтвердила лишь факты грубых высказываний руководителя в адрес спецпереселенцев (СГА. Ф. 75. Оп. 1. Д. 3. Л. 16). Фиксировались факты увольнения калмыков с работы без санкции УНКВД (директива начальника Кондинского районного отделения Управления НКВД по Омской области Тонкова директору Нахрачинского рыбозавода Жучкову о недопустимости увольнения ссыльнопоселенцев с работы и о восстановлении уволенных на работе // Ссылка калмыков: как это было. Т. I. Кн. 1. – С. 157).

³⁰ Рукопись воспоминаний А. И. Манджиева // Семейный архив Т. А. Михалевой (Манджиевой). Л. 4.

³¹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 221 об.

³² Там же. Д. 161. Л. 144.

в первую очередь, есть ли зоотехники, ветврачи, агрономы, инженеры, механизаторы, плотники и т.д. Именно такие специальности были в большом спросе и те, кто не обременен престарелыми и больными. Я, моя мать, снохи Сяня и Отхон со своими малолетними детьми никого не интересовали"³³. При вторичном переселении в районы Югры и Ямала ситуация повторилась. С. У. Эрднеева, находившаяся на поселении в Березовском районе Ханты-Мансийского округа, образно описала этот процесс так: "А там в округе [в окружной столице Ханты-Мансийске – А. И.], конечно, лучше! А грамотные-то в Ханты-Мансийске остались. А неграмотные они где лучше понимали [что ли]?! Там оставили грамотных, [а] сюда таких – бестолковых, стариков! Сюда нас"³⁴.

Критерием эффективности использования труда депортированных может служить степень привлечения квалифицированных кадров из их числа. Как показывают данные Приложения № 6, к началу 1946 г. квалифицированные кадры из числа спецпереселенцев были в основном учтены, однако, чтобы распределить всех специалистов в соответствии с их квалификацией, советской плановой системе труда потребовалось более двух лет. В таких условиях проходил процесс производственной социализации спецпереселенцев.

По предприятиям Ханты-Мансийского госрыбтреста в конце 1945 г. только около 43 % калмыков выполняли производственные нормы, причем такой уровень выработки норм превышал показатели 1944 г. на 15–16 %³⁵. В сравнении с показателями местного населения (к 1 октября 1945 г. выполняли нормы 82,6 %) это выглядело скромно, но было существенным достижением³⁶.

Разница в уровне производительности труда находит подтверждение в сведениях о зарплате калмыков, работавших на предприятиях Тобольского треста. Заместитель управляющего рыбтрестом Лазарьков сообщал, что в 1944 г. средний заработок рыбака на лове составлял 142 руб., в первом полугодии 1945 г. – 175; на обработке

³³ Натыров М. Н. Правление колхоза мне доверяло // Мы – из выселенных навечно... – С. 214.

³⁴ Интервью с С. У. Эрднеевой (1929 г. р.) // ПМА.

³⁵ ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 796. Л. 69.

³⁶ ГАТО. Ф. 1786. Оп. 1. Д. 11. Л. 124.

в 1944 г. – 188, в 1945 г. – 220 руб.³⁷ Он подчеркивал зависимость оплаты труда от его производительности. При этом средний заработок калмыка в 1945 г. (по всем видам работ) был равен 112 руб.³⁸ Если строго увязать данные цифры с показателями производительности труда, то получается, что производственные показатели калмыков-рабочих более чем на треть (в 1945 г.) уступали производительности местного населения³⁹.

Нужно полагать, что уже в 1946–1947 гг. средний уровень выработки норм трудящимися-калмыками вплотную приблизился к показателям кадровых рабочих; во всяком случае, такой вывод можно сделать из объяснительной о хозяйственной деятельности Ханты-Мансийского рыбтреста, в которой его руководитель Максютенко связывал рост доли не выполняющих производственные нормы с выездом за пределы области⁴⁰ значительной части "<...> квалифицированных рабочих из числа бывших трудпереселенцев и числа переселенцев-калмыков <...>"⁴¹.

Калмыки после трех-четырёх лет нахождения на поселении в целом овладели необходимыми производственными навыками. В Омской области только за 4-й квартал 1946 г. им выдали в качестве премий за хорошую работу 17 голов скота⁴². В Ялуторовском районе Тюменской области из 343 работающих половина были стахановцами⁴³. Создавались предпосылки для роста числа квалифицированных работников. На Кушеватском рыбзаводе Ямалгосрыбтреста из 54 человек, прошедших в 1946 г. индивидуальное обучение, 20 составляли молодые калмыки⁴⁴, что дает основание говорить о включении калмыков в производственное обучение на общих основаниях. В итоге даже на Севере калмыков воспринимали как кадровых работников.

³⁷ ГАТО. Ф. 1821. Оп. 1. Д. 12. Л. 53.

³⁸ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 4. Д. 229. Л. 40.

³⁹ Если эти цифры сравнить с общеобластными показателями, то получится еще более удручающая картина. Средняя зарплата в промышленности Омской области уже в 1943 г. составляла 267 руб. (Омская область в годы Великой Отечественной войны. – Омск, 2005. – С. 60).

⁴⁰ В документе имеется в виду выезд калмыков на воссоединение с семьями.

⁴¹ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 384. Л. 95.

⁴² ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 297. Л. 98.

⁴³ Там же. Д. 356. Л. 349.

⁴⁴ АОАШР. Ф. 31. Оп. 1. Д. Годовой отчет Кушеватского рыбзавода за 1946 г. Л. 8.

Производственное обучение наряду с другими государственными мероприятиями оказало большое влияние на изменение структуры калмыцкого населения. Возможность убедиться в этом нам дают результаты спецпереписи 1949 г. Усилиями карательного ведомства калмыцкое население было превращено в "контингент "калмыки"" (на исследуемой территории этнических калмыков в этом "контингенте" было 99,5 %). По СССР была выявлена следующая социально-классовая структура данного "спецконтингента": 58,7 % – рабочих, 36 % – колхозников; 5,3 % – служащих⁴⁵. По Омской области: рабочих – 37,5 %; колхозников – 41,5 %; единоличников – 0,02 %; служащих – 4,8 %; учащихся – 1,7 %; прочих – 14,4 %. По Тюменской: рабочих – 53,7 %; колхозников – 25,5 %; единоличников – 0,06 %; служащих – 4,1 %; учащихся – 0,9 %; прочих – 15,8 %⁴⁶ (Приложение № 7).

Показательно сравнение полученных результатов с итогами последней предвоенной Всесоюзной переписи населения 1939 г., когда в Калмыцкой АССР насчитывалось: рабочих – 23,8 %; колхозников – 46,2 %; служащих города и села – 14,8 %; кооперативных кустарей – 13,7 %; некооперативных кустарей – 0,5 %; крестьян-единоличников – 1 %⁴⁷ (Приложение № 8).

Бросается в глаза резкий рост рядов рабочего класса (в 2,5 раза по СССР). В то же время существенное расхождение в доле рабочих-калмыков по областям в 1949 г. напрямую указывает на деформацию социально-классовой структуры калмыцкого населения в результате государственных мероприятий.

Чтобы понять специфику принудительного труда в условиях спецпоселения и установить различия между положением рабочих-спецпереселенцев и работников из числа полноправных граждан, мы должны обратиться к практике использования труда калмыков на конкретных предприятиях (Березовском и Кушеватском рыбозаводах, Березовском стекольном заводе).

В соответствии с Постановлением СНК СССР от 24 августа 1944 г. на территории Северо-Западной Сибири с 1 декабря 1944 г. были отменены 5%-ные отчисления с заработка спецпереселенцев

⁴⁵ Максимов К. Н. Репрессии против калмыцкого... – С. 608.

⁴⁶ Подсчитано по: Приложение № 2.

⁴⁷ Максимов К. Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. – С. 31.

и дальнейшее заключение договоров. Это освободило органы НКВД от работы по заключению договоров с предприятиями и контролю за их исполнением⁴⁸. Постановление от 8 января 1945 г. "О правовом положении спецпереселенцев" фактически подтвердило трудовое "равноправие", провозгласив, что "спецпереселенцы пользуются всеми правами граждан СССР..."⁴⁹, а за "нарушение трудовой дисциплины спецпереселенцы привлекаются к ответственности в соответствии с существующими законами"⁵⁰.

Фактически же вышеупомянутое постановление от 24 августа 1944 г. в части заключения договоров о трудоустройстве узаконило существующую к моменту прибытия калмыков на поселение практику. Уже в отношении спецпереселенцев, депортированных на территорию северных округов Омской области в 1942 г., подобных договоров не заключалось. Директора предприятий руководствовались указаниями управляющего рыбтрестом, которые гласили, что "<...> весь контингент, завезенный Вам в порядке переселения, поступает в полное распоряжение завода (комбината) и должен быть использован в первую очередь на лове и, во вторую очередь, на всех остальных работах, связанных с рыбной промышленностью, в основном на обработке рыбы"⁵¹. Не было и речи об индивидуальных трудовых договорах.

Кроме того, на основании ведомственных инструкций был ограничен спектр работ, до которых допускались спецпереселенцы. Директивой руководства НКВД и НКГБ от 18 октября 1944 г. "о возможности использования спецпереселенцев на работах

⁴⁸ ГАХМАО. Ф. 58. Оп. 4. Д. 40. Л. 34; Сулов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). – Екатеринбург, 2003. – С. 208.

⁴⁹ "Разъяснение" начальника секретно-мобилизационного отдела треста "Тюменьлес" Кривополеновой показывает, что спецпереселенцы до принятия этого постановления правительства не были включены в существующую систему государственного социального страхования: случаи производственного травматизма не оформлялись, выплат по нетрудоспособности репрессированные не получали // ГА в г. Тобольске. Ф. 855. Оп. 2. Д. 45. Л. 28.

⁵⁰ Постановление СНК № 35 "О правовом положении спецпереселенцев" // 40–50-е гг.: последствия депортации народов (Свидетельствуют архивы НКВД-МВД СССР) // История СССР. – 1992. – № 1. – С. 125–126.

⁵¹ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 10. Л. 110.

в промышленных предприятиях⁵² запрещалось допускать к производству лиц, "разрабатываемых" спецслужбами по подозрению в принадлежности к "антисоветским группам", а при их выявлении на предприятиях – немедленно удалять и арестовывать. Вместе с тем разъяснялось, что "спецпереселенцы в промышленных предприятиях, в том числе на заводах оборонной промышленности, как правило, могут быть использованы на строительных и подсобных работах. Разрешается также использование спецпереселенцев в механических цехах предприятий (за исключением взрывоопасных), решая вопрос об их допуске в каждом отдельном случае, исходя из местных условий и обеспечивая за ними тщательное агентурное наблюдение"⁵³. Так обеспечивалось очищение производства от "антисоветских элементов".

В воспоминаниях калмыков мы можем прочесть о порожденной таким положением дискриминации. Оказавшийся в 1944 г. в Салехарде на консервном комбинате Юрий Салтыкович Болдырев вспоминал: "Все вольнонаемные работники, кроме двухсотпроцентной оплаты по ставке или за выполненную работу, получали еще и различные надбавки, которые предусматривались соответствующим положением и оговаривались договором. Что же касается нас, калмыков, то мы не были завезенными по договору. И никаких процентов и надбавок нам не платили... Вот и получалось, что за одинаковый труд калмыки получали гораздо меньшую плату"⁵⁴. В этническом сознании "наказанных народов" подобная практика воспринималась как ущемление в правах по национальному признаку.

В действительности это была отработанная режимом на ссыльных крестьянах практика. Еще в 1939 г. прокурор СССР А. Я. Вышинский указал, что спецпереселенцы, "как не прибывшие на Крайний Север в порядке перевода или найма из других местностей, а также как не прибывшие на Крайний Север по собственной инициативе, льготами не пользуются"⁵⁵. В заводских документах

⁵² ГРАФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 172. Л. 113.

⁵³ Там же. Л. 113.

⁵⁴ Болдырев Ю. С. Хорошие люди не забываются. – С. 183.

⁵⁵ Цит по: Ответ Прокурора СССР Вышинского депутату Верховного совета РСФСР Болотову о льготах для работников Крайнего Севера (8 апреля 1939 г.) // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. – Новосибирск, 1996. – С. 41;

депортированных называли "прибывшими по распоряжению Треста"⁵⁶. Поэтому на спецпереселенцев-калмыков, проживающих в северных округах Тюменской области, не было распространено действие Постановления СНК СССР от 18 ноября 1945 г. "О перечне отдаленных местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, на которые распространяется действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1945 г. "О льготах для лиц, работающих в районах Крайнего Севера"⁵⁷ и самого Указа, со следующими изъятиями: а) лицам, работающим в местностях, выплачивается 10%-ная надбавка к ставкам (окладам) по истечении каждого года работы⁵⁸; б) отпуска сверх установленных действующим законодательством предоставляются работникам с нормированным рабочим днем продолжительностью 12 рабочих дней, а работникам с ненормированным рабочим днем – продолжительностью 24 рабочих дня за год работы⁵⁹.

Показательна ситуация с отпусками. Первый очередной отпуск⁶⁰ в две недели был предоставлен группе работников (в т.ч. спецпереселенцев-калмыков), занятых на строительстве стеклозавода в с. Березово Ханты-Мансийского округа 14 декабря 1945 г.⁶¹ На строящемся стеклозаводе две недели (12 рабочих дней) – это был "основной" отпуск, предоставляемый всем работникам предприятий⁶²,

---

См. об этом также: *Красильников С. А.* Ссылные крестьяне // Материалы в советском социуме. 1930-е – середина 1950-х гг. – Новосибирск, 2010. – С. 188.

⁵⁶ См., напр.: Приказ № 141 по Салехардской судорембазе Ямальского госрыбтреста о приеме на работу прибывших спецпереселенцев-калмыков (25 сентября 1944 г.) // Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. I. Кн. 2. – С. 136–137.

⁵⁷ Территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов вошли в список территорий, "приравненных к районам Крайнего Севера".

⁵⁸ При этом общий размер надбавок не должен был превышать 100 % тарифной ставки (оклада).

⁵⁹ *Тараканов М. А.* Об эволюции пространственной локализации понятий "Крайний Север" и "Север" в России // Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации. – Науч.-инф. бюлл. – Вып. 12. – 2010. – Октябрь. – С. 22.

⁶⁰ Отпуска были восстановлены Указом Президиума Верховного Совета СССР "Об отпусках рабочим и служащим" от 30 июня 1945 г. // Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2–3). Приказы Народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг. – М., 1997. – С. 393.

⁶¹ АОАБР. Ф. 3л. Оп. 2. Д. 15. Л. 385 об.

⁶² Правила об очередных и дополнительных отпусках (Утверждены НКТ СССР 30 апреля 1930 г. № 169) [Электронный ресурс]. – Режим доступа (30 ноября 2011 г.):

вторая (дополнительная) часть отпуска предоставлялась лицам, с которыми заключался индивидуальный трудовой договор, и, соответственно, была недоступна спецпереселенцам-калмыкам⁶³.

В результате было восстановлено действие закона от 7 марта 1933 г., в соответствии с которым спецпереселенцы (тогда речь шла о ссыльных крестьянах) имели право только на "основной" отпуск (без права выезда) и лишались возможности получения дополнительного отпуска и его увеличения, так как передавались хозяйственным организациям не в соответствии с индивидуальным трудовым договором, а по договорам, заключаемым между ОТСП ГУЛАГа НКВД и хозяйственным ведомством⁶⁴. Спецпоселенка Кондинской спецкомендатуры П. И. Хурюкова эмоционально говорила об отпусках тех лет: "Выходные были – дома, отпуск был – дома, сидим! После отпуска, ой, как работать не охота! <...> Дома сидим: хозяйство, дети <...> И нигде я не бывала!"⁶⁵

Расшифровка затрат по балансу Кушеватского рыбозавода за 1947 г. показывает, что калмыки наравне с другими работниками получали отпускные выплаты, однако среди трудящихся они были наиболее скромными: двоим из трех отпускников надлежало выплатить по 120 руб. отпускных на 12 дней отпуска, а третьему – 144 руб. ввиду более высокой должности. Этот документ указывает на то, что как отпуск, так и отпускные выплачивались без надбавок, по ставкам занимаемых должностей⁶⁶.

Выплачивались командировочные, размер которых был также невелик. Одному из калмыков полагалось выплатить 11 руб. 97 коп.⁶⁷ Малый объем выплат в данном случае может свидетельствовать скорее о краткосрочности командировок и существовании ограничений в перемещении командированных из числа спецпереселенцев, нежели об ущемлении их прав по этому виду выплат.

Нарушением трудового законодательства являлась и невыдача спецпереселенцам после зачисления в штат предприятия трудовых книжек, которые они должны были получать на общих

---

http://www.consultant.ru/-document/cons_zip_LAW_55119/. – Загл. с экрана.

⁶³ АОАБР. Ф. 3л. Оп. 2. Д. 25. Л. 257.

⁶⁴ Красильников С. А. Ссылные крестьяне. – С. 188.

⁶⁵ Интервью с П. И. Хурюмовой (1928 г. р.) // ПМА.

⁶⁶ АОАШР. Ф. 31. Оп. 1. Д. Годовой отчет Кушеватского рыбозавода за 1947 г. Л. 158.

⁶⁷ Там же. Л. 164.

основаниях⁶⁸. Содержание трудовых книжек калмыков-работников Сургутского рыбозавода показывает, что они оформлялись "задним числом"⁶⁹ без указания номера приказа "о приеме на работу"⁷⁰, сведения о приеме не заверялись печатью организации⁷¹, иногда указывался только год приема на работу⁷². Как показывает "акт на передачу не выданных трудовых книжек" Кушеватского рыбозавода, это было распространенным нарушением прав рабочих рыбной промышленности в целом⁷³.

С принятием 5 июля 1954 г. Постановления Совета Министров "О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев"⁷⁴ калмыкам было разрешено перемещение в пределах областей проживания⁷⁵. Калмыков также стали принимать в члены профсоюзов⁷⁶, однако на выборные (руководящие) должности их, как признал в сентябре 1955 г. Ямало-Ненецкий окружком партии, не выдвигали, а передовиков не представляли к поощрениям и наградам⁷⁷.

11 февраля 1956 г. (за месяц до снятия с калмыков ограничений по спецпоселению) руководство МВД СССР признало ненормальным тот факт, что в "<...>Тюменской области руководители

⁶⁸ Цит. по: Докладная записка отдела трудпоселений руководству ГУЛага НКВД о порядке выдачи трудовых книжек трудпоселенцам (31 марта 1939 г.) // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. – Новосибирск, 1996. – С. 39.

⁶⁹ Трудовая книжка Бадлеевой Б. Б. // ПМ "Дома краеведа" ИКЦ "Старый Сургут". – С. 3; См. Приложение № 9.

⁷⁰ Трудовая книжка Улановой Б. С. // Там же. – С. 3.

⁷¹ Трудовая книжка Бактаева Д. Т. // Там же. – С. 2–3.

⁷² Трудовая книжка Улановой Б. С. // Там же. – С. 2–3.

⁷³ АОАШР. Ф. 31. Оп. 1. Д. Годовой отчет Кушеватского рыбозавода за 1950 г. Л. 293.

⁷⁴ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и др. мат-лы: в 3 т. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956. – М., 2000. – С. 158–159.

⁷⁵ Предоставление этой возможности было средством расширения сферы использования труда спецпереселенцев. В частности, оно позволило более массово использовать труд спецпереселенцев-калмыков на освоении целины (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 542. Л. 129). Так, Борис Мукабенов, работавший токарем на заводе им. Розы Люксембург в г. Омске, смог в 1954 г. беспрепятственно выехать в Полтавский район на освоение целинных земель (*Назарцева Т. М.* "Горькие" страницы. Депортация калмыцкого населения // Омский краевед. – 2007. – № 4. – С. 15).

⁷⁶ До этого, в соответствии с "разъяснением" ВЦСПС 1937 г., такого права спецпереселенцы не имели (*Красильников С. А.* Ссылные крестьяне. – С. 187).

⁷⁷ ГАСПИТО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 791. Л. 9.

предприятий рыбной промышленности, расположенных за полярным кругом, рассматривают работающих там спецпоселенцев как местных жителей, в связи с чем льготы на работу на Дальнем Севере на них не распространены<...>⁷⁸.

Положение репрессированных начало меняться. На Березовском (в 1956–1958 гг. – Усть-Сосьвинском) рыбкомбинате, незадолго до снятия калмыков со спецпоселения, дирекция начала заключать со спецпереселенцами индивидуальные трудовые договоры. Первое двустороннее соглашение было заключено 1 марта 1956 г. с рабочим Полноватского рыбучастка Кукеевым⁷⁹. В массовом порядке трудовые договоры стали заключаться уже после снятия (17 марта 1956 г.⁸⁰) ограничений по спецпоселению. А спустя год работы калмыки в марте-апреле 1957 г. получали первую "северную" надбавку⁸¹.

Поспешность, с которой руководство предприятия принялось заключать трудовые соглашения, легко объяснима. Калмыки, несмотря на снятие со спецпоселения, не получали права выезда до 25 января 1957 г.⁸² Это было время, когда бывшие спецпереселенцы находились в подвешенном положении: не могли уехать, но могли уволиться не только по медицинской справке⁸³ или распоряжению спецкомендатуры⁸⁴, но и "по собственному желанию"⁸⁵. Поэтому отдел кадров рыбокомбината в начале апреля 1956 г. приступил к организованному заключению индивидуальных трудовых договоров⁸⁶.

Договор заключался на три года "с выплатой единовременного пособия в размере 600 рублей"⁸⁷. В этом заключалась своеобразная ловушка, так как человек, разорвавший по собственному желанию такое трудовое соглашение, увольнялся "со взысканием с него неотработанной части денежного вознаграждения, полученного

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 925. Л. 342.

⁷⁹ АОАБР. Ф. 3л. Оп. 2. Д. 25. Л. 232.

⁸⁰ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 567. Л. 297–297 об.

⁸¹ АОАБР. Ф. 3л. Оп. 2. Д. 25. Л. 231–232.

⁸² ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 580. Л. 126 об.

⁸³ АОАБР. Ф. 3л. Оп. 2. Д. 24. Л. 297.

⁸⁴ Там же. Д. 16. Л. 51 об.

⁸⁵ Там же. Д. 25. Л. 128.

⁸⁶ Там же. Д. 25. Л. 232–235.

⁸⁷ Там же. Д. 24. Л. 281.

по трудовому договору"⁸⁸, что превращало калмыков в должников предприятия и в конечном счете вынудило часть спецпереселенцев задержаться на Сибирской земле.

Только с момента снятия ограничений по спецпоселению калмыки в области трудовых отношений на предприятии получили равные права с остальными рабочими. Здесь можно привести характерный пример: 26 марта 1956 г., через девять дней после снятия со спецучета, калмыку Насунову, дизелисту электростанции рыбокомбината, был предоставлен "отпуск за проработанное время с 13.VII.53 г. по 13.VII.1955 г. всего 54 рабочих дня в том числе: основных 24 рабочих дня. За работу моториста во флоте за 12 месяцев – 12 дней, за вредность – 12 дней и за выслугу лет во флоте – 6 рабочих дней"⁸⁹. В то время как, находясь на спецучете, он мог рассчитывать только на 12 "основных" дней, о чем говорит практика предоставления отпусков буквально за считанные дни до снятия ограничений по спецпоселению⁹⁰.

Этот пример не единичен. По отношению к другим бывшим спецпереселенцам у руководства предприятия тоже вдруг "проснулась совесть", и они стали получать все положенные им по закону надбавки: "северные", выплаты за вредность, ненормированный труд и выслугу лет во флоте⁹¹. Калмыкам стали предоставлять "отгулы за проработанные выходные дни и переработку в период навигации..."⁹².

В конце 1956 г. мы встречаем первое упоминание о калмыке-руководителе профсоюзной ячейки на рыбучастке Кушеватского рыбзавода, что может говорить о полномочном участии бывших спецпереселенцев в деятельности профсоюзов⁹³.

Комиссии по трудовым спорам стали рассматривать обращения калмыков. В марте 1957 г. на основании решения этой комиссии рабочей-калмычке впервые была выплачена компенсация "за полагавшийся отпуск за проработанное время с 1.01.55 г. по 1.01.56 г.", т.е.

⁸⁸ АОАБР. Ф. 3л. Оп. 2. Д. 25. Л. 138.

⁸⁹ Там же. Д. 24. Л. 278.

⁹⁰ Там же. Л. 280.

⁹¹ Там же. Д. 25. Л. 228.

⁹² Там же. Л. 231.

⁹³ АОАШР. Ф. 31. Оп. 1. Д. Годовой отчет Кушеватского рыбзавода за 1956 г. Л. 201.

за год, проработанный без отпуска на поселении⁹⁴. В условиях сохранения режимных ограничений такое решение было практически исключено.

После увольнения (в июне 1958 г. одновременно были уволены 72 рабочих-калмыка) и массового отъезда калмыков предприятие вынуждено было искать им замену⁹⁵. На смену им пришли вербованные рабочие из различных областей РСФСР и, как это ни странно, вернулись и некоторые бывшие спецпереселенцы, незадолго до этого покинувшие Сибирь. Так, по вызову рыбокомбината в сентябре 1958 г. в качестве вербованных в р. п. Березово прибыли два калмыка. Им, на основании ст. 82 КЗОТ, был оплачен проезд от места жительства в Калмыкии (села, откуда они были депортированы в 1943 г.) до р. п. Березово (места бывшего спецпоселения), единовременное пособие ("подъемные") и суточные⁹⁶.

Нарушения трудового законодательства по отношению к калмыкам на спецпоселении имели долговременные и достаточно тяжелые последствия для репрессированных: в декабре 1958 – январе 1959 гг. развернулась оживленная переписка между Тюменским обкомом, Яшалтинским (Калмыцкая АССР) и Сургутским райисполкомами, дирекцией Локосовского рыбозавода по вопросу о подтверждении стажа работы калмычке Т., которая в период 1944–1946 гг. работала на Локосовском рыбозаводе. Эта справка была необходима для назначения пенсии ее несовершеннолетнему ребенку, поскольку Т. умерла в 1949 г. на поселении. Руководство предприятия уклонялось от предоставления подобных сведений, вероятно, по причине их отсутствия⁹⁷.

50 лет спустя, в 1998 г., с аналогичным запросом (о подтверждении стажа работы на стеклозаводе за 1944–1947 гг.) в архивный отдел администрации Березовского района обратилась калмычка Л., которая в своем заявлении писала, что стаж "<...>на стеклозаводе – 3 года – у меня нигде не обозначен, так как мы о трудовой книжке понятия не имели и такого права [у нас – А. И.] не было.

⁹⁴ АОАБР. Ф. 3л. Оп. 2. Д. 25. Л. 239.

⁹⁵ Там же. Д. 24. Л. 132.

⁹⁶ Там же. Д. 26. Л. 61.

⁹⁷ ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 3242. Л. 3–5.

Куда пошлет комендант – шли безоговорочно"⁹⁸. Трудовую книжку заявительница получила только в 1947 г., уже работая в Тюмени⁹⁹. Калмычка-колхозница С. У. Эрднеева получила трудовую книжку только в начале 1962 г. после преобразования колхоза "Путь Ленина" в совхоз "Ванзетурский", при этом ей так и не удалось восстановить трудовой стаж за первые два года работы в колхозе (с июня 1944 по июнь 1946 г.)¹⁰⁰. Другие калмыки, оставшиеся в сибирских колхозах после отмены режима спецпоселения, получили трудовые книжки наравне с прочими гражданами только в 1960-х гг.¹⁰¹

Обращение к практике использования труда калмыков на конкретных предприятиях показывает, что во время нахождения на спецучете работники предприятий – спецпереселенцы-калмыки на основании подзаконных актов и ведомственных инструкций были лишены надбавок и льгот, полагавшихся работникам из числа "правового" населения. Только после отмены режима комендатуры калмыков уравнили в правах с работниками, не подвергавшимися репрессиям.

Наши выводы относительно калмыков – работников предприятий Северо-Западной Сибири, по всей видимости, можно с поправкой на трудовые условия той или иной отрасли промышленности распространить и на положение спецпереселенцев-калмыков в других производственных коллективах. К примеру, в соответствии с директивой МВД СССР № 1259, разосланной в ноябре 1951 г. начальникам управлений МВД СССР и начальникам строителств МВД СССР в связи с освобождением со спецпоселения лиц, "служивших в немецкой армии, в специальных и прочих немецких формированиях", бывшим спецпоселенцам предполагалось разъяснить, что, "если они пожелают закрепиться в постоянных кадрах предприятий и строителств МВД, на них будут распространены

⁹⁸ Цит. по: Заявление гражданки Л. с просьбой подтвердить трудовой стаж на Березовском стеклозаводе в 1944–1947 гг. Копия. (март, 1998 г.) // ПМ АОАБР. Л. 1 (Прил.). – Ошибки в орфографии и пунктуации исправлены.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Интервью с С. У. Эрднеевой (1929 г. р.) // ПМА; Трудовая книжка Эрднеевой С. У. // Личный архив С. У. Эрднеевой. – С. 1–3; Предисловие // Опись Ф. 4л. "Совхоз "Ванзетурский" // АОАБР. Л. 1.

¹⁰¹ См., напр.: Трудовая книжка колхозника № 148 Б. С. Мукунова (выдана 25 марта 1966 г.) // ОГИК музей. Ф. Советский. Д. I. Депортация. Экспонат № ОМК 13815/4.

льготы и преимущества, установленные для рабочих и служащих соответствующих предприятий<...>"¹⁰².

Имеющиеся сведения позволяют предполагать наличие других форм дискриминации. Так, Ю. О. Оглаев вспоминал, что его не приняли на исторический факультет омского вуза, поскольку существовало, со слов работника приемной комиссии, "<...>некое указание: калмыков в пединститут не принимать, а тем более – на исторический факультет"¹⁰³. Тем самым пресекалась возможность создания калмыцких кадров специалистов гуманитарного профиля¹⁰⁴. Такое положение дел с обучением обществоведческим специальностям помогает нам понять политику властей в отношении использования по специальности калмыков-педагогов. В источниках различных видов на этот счет можно встретить прямо противоположные примеры: если А. С. Бадьминова говорила, что "в октябре 1944 г. я устроилась работать учителем, но в 1946 году меня уволили, так как калмычка – изменница Родины – не имела права учить и воспитывать детей"¹⁰⁵, то сельская учительница русского языка и литературы Е. И. Мукабинова работала по специальности (по состоянию на 31 декабря 1949 г.), а в 1948 г. была на летней сессии в Омске, являясь студенткой-заочницей литературного факультета Омского пединститута. Этому, вероятно, способствовал ее кандидатский стаж в ВКП(б) (Приложения № 10–12). А вышеупомянутый Ю. О. Оглаев, в 1953/1954 учебном году работал учителем истории в одной из школ Любинского района Омской области, "не имея специального образования"¹⁰⁶.

¹⁰² ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 442. Л. 91.

¹⁰³ Оглаев Ю. О. Через тернии – к свету и знаниям // Мы – из выселенных навечно... – С. 218–219.

¹⁰⁴ Э.-Б. М. Гучинова на основании анализа интервью с информантами пишет, что "даже в период некоторого "ослабления" режима запрещалось принимать калмыков в вузы гуманитарного профиля, особенно на "идеологические" специальности, какими считали историю, философию. Практически все, кому удалось получить высшее образование в те годы, были медики или экономисты. Впоследствии это вызвало кадровую диспропорцию в народном хозяйстве восстановленной республики (Гучинова Э.-Б. М. Помнить нельзя забыть... – С. 141.).

¹⁰⁵ Бадьминова А. С. Мне не дали работать учителем // Мы – из выселенных навечно... – С. 194.

¹⁰⁶ Оглаев Ю. О. Указ. соч. – С. 218.

Вопрос о существовании скрытых органичений и негласных запретов при допуске спецпоселенцев является очень сложным и дискуссионным в современной историографии. Авторы, полагающие, что власть стремилась к маргинализации спецпереселенцев, указывают, в частности, на факт отстранения от работы в 1948 г. всех немцев, находящихся на поселении в Новосибирской области: учителей, преподавателей вузов и артистов, связывая это с ужесточением режима спецкомендатуры¹⁰⁷. Но, к примеру, по данным УМВД Тюменской области на 1 января 1948 г., из 40 калмыков-учителей по специальности работали 26 человек¹⁰⁸; спустя полтора года, по состоянию на 20 июля 1949 г. учителями работали уже 30 калмыков, а четверо даже заведывали образовательными учреждениями, один числился преподавателем "среднеспециальных учебных заведений и ВУЗов"¹⁰⁹; к началу 1950 г. количество заведующих не изменилось, а учителей стало на одного больше¹¹⁰.

В итоге мы не можем говорить о целенаправленной маргинализации спецпереселенцев как группы населения. Практика трудоустройства позволяет говорить, с одной стороны, о наличии ведомственных инструкций, закрывавших этой группе граждан путь к наиболее ответственным участкам работы, а с другой стороны – о решении вопросов с назначением в индивидуальном порядке специалистов, исходя из их опыта, деловых качеств и общественного статуса (партийности).

Амбивалентность в отношении к калмыкам продуцировалась стремлением советской системы сформировать из "подозрительно" населения людей, лояльных власти, работающих там, где укажет государство, и обладающих только необходимыми ему профессиями и навыками. Свою роль играл также волнообразный характер репрессий (чисток), которые власти осуществляли в отношении разного рода "ненадежных элементов" на протяжении сталинской эпохи¹¹¹.

¹⁰⁷ Шадт А. А. Этническая ссылка советских немцев // Маргиналы в советском социуме. 1930-е – середина 1950-х гг. – Новосибирск, 2010. – С. 371.

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 356. Л. 347.

¹⁰⁹ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 40. Д. 143. Л. 71–76.

¹¹⁰ Боркова Е. В. Депортация калмыков в Тюменскую область (1944–1956 гг.) // Вестник ТГПИ. – 2004. – № 3. – С. 139.

¹¹¹ Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. – М., 2012. – С. 388.

Показательна история, связанная с принятием 8 августа 1950 г. Ханты-Мансийским окружкомом постановления "О засоренности аппаратов советских и хозяйственных органов округа социально-чуждыми элементами и лицами, не внушающими политического доверия"¹¹², когда требование окружкома партии снять с руководящих постов в советских и хозяйственных организациях всех спецпереселенцев и административно высланных (ссылнопоселенцев) встретило неожиданный отпор со стороны Тюменского обкома ВКП(б), который 17 октября того же года указал югорским товарищам на "ошибочность" требования "проведения сплошной чистки аппарата советских учреждений и хозяйственных предприятий", после чего в Ханты-Мансийске вынуждены были отменить собственное решение о "массовой чистке"¹¹³.

Таким образом, наше исследование показывает, что на изучаемой территории труд спецпереселенцев-калмыков использовали в основном организации, за которыми они были закреплены сразу после депортации. В Омской области таковыми являлись колхозы и совхозы, а в Тюменской к ним принадлежали также рыбопромышленные предприятия. Общей тенденцией являлось стремление местных властей к закреплению спецпереселенцев за этими организациями.

В изучаемый период Тюменская область превратилась из региона индустриального трудоустройства калмыков в регион, где калмыки почти в равной степени использовались как в промышленности, так и в сельском хозяйстве вследствие отправки части их на Сахалин, несмотря на протесты местных властей. В Омской области спецпереселенцы были заняты в основном в аграрном секторе.

К концу 1940-х гг. калмыки были вписаны в существующую систему принудительного труда, которая позволяла использовать трудовой потенциал максимального количества репрессированных. Во время нахождения на спецпоселении калмыки (и все спецпереселенцы) на основании подзаконных актов и инструкций последовательно подвергались трудовой дискриминации, выражившейся не только в невозможности выбора места работы, но и в лишении льгот и надбавок, полагавшихся "правовому" населению,

¹¹² ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1690. Л. 1417.

¹¹³ Там же. Л. 39.

в отсутствии возможности полноценно участвовать в деятельности профсоюзов. Дискриминационные меры были направлены не на маргинализацию калмыков, а на формирование лояльного, обладающего необходимыми навыками и квалификацией трудового населения.

3.2. "Закрепление жилищем": жилищная политика в отношении депортантов

Система спецпоселений была нацелена на максимальное использование труда депортированных, однако с первых месяцев нахождения калмыков на спецпоселении стало понятно, что эффективно использовать их труд нельзя без организации минимально приемлемых жилищно-бытовых условий. В комплексе проблем по организации быта репрессированных важнейшее место занимал жилищный вопрос. Принцип расселения "на уплотнение" привел естественным образом к "большой скученности" в местах расселения¹¹⁴, следствием чего стали антисанитария и высокий уровень заболеваемости среди спецпереселенцев¹¹⁵.

Оказавшийся в колхозе "Красная Звезда" Омутинского района Алексей Ирюевич Манджиев вспоминал, что пяти калмыцким семьям приходилось ютиться в однокомнатной квартире площадью 24 кв. м¹¹⁶. Получаемые центральными и региональными властями сводки с мест подтверждают это свидетельство. В конце апреля 1944 г., по сведениям УНКВД, в г. Тюмени в бараках кирпичного завода № 6 на каждого спецпереселенца приходилось только 1–2 кв. м жилплощади¹¹⁷. В октябре 1944 г. сообщалось, что в д. Старая Александровка Ярковского района, где была размещена 61 семья, на калмыка также приходилось 1–2 кв. м жилой площади¹¹⁸. На начало 1946 г. обеспеченность жилплощадью калмыцкого населения

¹¹⁴ ГАСПИТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 689. Л. 25; Там же. Ф. 107. Оп. 1. Д. 865. Л. 1 об.

¹¹⁵ ИсА ОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3832. Л. 45; ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 4. Л. 337–338.

¹¹⁶ Рукопись воспоминаний А. И. Манджиева // Семейный архив Т. А. Михалевой (Манджиевой). Л. 2.

¹¹⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 138.

¹¹⁸ Там же. Д. 176. Л. 84 об.

по Ханты-Мансийскому госрыбтресту составила 2,7 кв. м на человека¹¹⁹. Важно отметить, что улучшение жилищных условий находилось в подчиненном положении к трудоустройству калмыков, так как "неблагоприятные бытовые условия" оказывали отрицательное влияние на производительность труда¹²⁰.

Еще в соответствии с постановлением СНК о выселении калмыков от 28 декабря 1943 г. Сельхозбанк был обязан "обеспечить выдачу кредитов для спецпереселенцев на индивидуальное жилищное строительство и хозяйственное обзаведение из расчета до 5 тыс. рублей на семью с рассрочкой на 7 лет под гарантию колхоза или совхоза"¹²¹. Госплану СССР предписывалось выделить "для производства ремонта и приспособлений жилых зданий и других построек спецпереселенцев" в течение декабря 1943 – января 1944 гг. Омской области 6000 куб. м пиломатериалов и 10 т катанки для гвоздей. Примечательно, что Омской области (в отличие от других местностей массового расселения калмыков) стекла не было выделено¹²².

В упомянутых "Правилах хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев" оговаривалось, что финансирование жилищного строительства осуществляется "через сельхозбанки в порядке ссуд"¹²³, однако объем средств и порядок их выделения не оговаривались. Пробелы в нормативной базе было призвано восполнить принятое 22 июня 1944 г. решение исполкома облсовета "О строительстве домов для спецпереселенцев-калмыков, расселенных в районах области". Был утвержден план кредитования по строительству на покупку домов для спецпереселенцев, расселенных в районах Омской области. Сельхозбанк обязался немедленно отпустить кредиты по районам и организовать контроль за правильным их использованием. По плану на строительство одного дома выделялось 5000 руб. Председатели райсоветов должны были

¹¹⁹ ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 895. Л. 131.

¹²⁰ Там же. Д. 878. Л. 2.

¹²¹ Постановление СНК № 1432/425сс "О выселении калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР" // Сталинские депортации... – С. 414.

¹²² Там же. – С. 414.

¹²³ Правила хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев-калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев и немцев, утвержденные ГУЛАГом НКВД СССР (8 марта 1944 г.) // Ссылка калмыков: как это было. Т. I. Кн. 1. – С. 146.

обеспечить завершение строительства и покупки домов к концу лета 1944 г.¹²⁴

Нами реконструирован механизм кредитования спецпереселенцев-калмыков. Сельхозбанк выдавал ссуды только под поручительство колхозов, совхозов и предприятий, за которыми закреплялись спецпереселенцы. Эти структуры гарантировали выделение стройматериалов. На практике же организация-поручитель сама принимала заявки на кредиты в местах поселений¹²⁵, и если стройматериалы отсутствовали, то спецпереселенцам отказывали в поручительстве¹²⁶. После получения поручительства существовало два варианта реализации кредитных средств.

Первый вариант – индивидуальное строительство. В этом случае спецпереселенцу давали возможность строить жилье самому, с зачетом произведенных работ в счет ссуды. Человек получал стройматериалы у организации-поручителя и затем представлял бумаги на полученные материалы в Сельхозбанк, который переводил ссудные средства на счета организации, предоставившей стройматериалы¹²⁷.

Второй вариант – покупка готовых домов в счет ссудных средств. Согласно решению Омского облисполкома от 22 июня 1944 г., покупку домов для спецпереселенцев должны были производить райисполкомы¹²⁸. Купить дома у сибиряков по рыночной цене было достаточно сложно, потому что стоимость их в полтора-два раза превышала размер выдаваемых ссуд (выделялось 5000 рублей на семью)¹²⁹.

К тому же органы внутренних дел противодействовали передаче наличных денег спецпереселенцам. В Шербакульском районе Омской области райотдел НКВД выступил против выдачи калмыкам денег на руки (30 семей получили 150 000 руб.)¹³⁰. Оказалось также, что 70 000 руб., реализованные в Тюменской области, были

¹²⁴ ИСА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 143. Л. 38–39.

¹²⁵ ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 865. Л. 7.

¹²⁶ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 142 об.

¹²⁷ Там же. Д. 297. Л. 8.

¹²⁸ ИСА ОО. Ф. 437. Оп. 21. д. 143. Л. 38.

¹²⁹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 223 об.

¹³⁰ Там же. Д. 176. Л. 91.

переданы калмыкам наличными. Сотрудников спецслужб возмущал тот факт, что средства калмыками расходуются не на покупку домов, а на "другие нужды"¹³¹. Поэтому выкуп домов по государственным ценам производился, как мы полагаем, не у местного населения, а у государственных организаций исполкомами, и такие дома проводились по отчетам как "купленные за наличные средства (ссуды)"¹³².

В итоге, в соответствии с практикой кредитования, спецпереселенцы не имели возможности получить "живые" деньги. Выделяемые средства являлись приводным ремнем бюрократического механизма, дающего санкцию на проведение строительных работ при наличии ресурсов на местах. Когда у организаций была возможность предоставить необходимые ресурсы или жилую площадь, тогда спецпереселенцы могли "получить" ссуды, а структуры, ответственные за строительство и покупку жилплощади, – приступить к работе, освоив поступившие в их распоряжение стройматериалы и финансовые средства¹³³.

Процесс реализации правительственных ассигнований калмыкам по областям выглядел следующим образом.

Таблица 2

Реализация выделенных правительством фондов стройматериалов и кредитных средств (на 1 декабря 1944 г.)

	Омская область		Тюменская область		По Сибири:	
	Выделено	Использовано	Выделено	Использовано	Выделено	Использовано
Кредитов	2225 тыс. руб.	635 тыс. руб.	4000 тыс. руб.	70 тыс. руб.	14 980 тыс. руб.	1844 тыс. руб.
Пиломатериалов	3000 куб. м	–	–	–	19 000 куб. м	–
Катанки	10 т	–	–	–	37 т	–
Стекла	–	–	–	–	7000 кв. м	–

* Составлено по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 176. Л. 126.

¹³¹ Там же. Д. 161. Л. 142 об.

¹³² Там же. Д. 356. Л. 350.

¹³³ Там же. Л. 351–352.

Данные табл. 2 показывают, что правительство выделило в основном не обеспеченные ресурсами деньги, переложив тем самым реализацию своего решения на регионы расселения спецпереселенцев¹³⁴.

В Тюменской области реализация кредитов была отложена до августа, когда в основном закончилось вторичное переселение на Север области, в то же время в условиях зимы осуществление строительных работ осложнялось морозами¹³⁵. В результате на территории Тюменской области реализация ссуд, а как показывают данные Приложения № 13, и жилищное строительство не проводились вообще. Это, среди прочего, говорит о более тяжелом социально-бытовом положении калмыков на тюменской земле, так как не было построено жилья ни переселенцами, ни для переселенцев, а организации отказывались выступать поручителями ввиду отсутствия ресурсов.

По иному сценарию развивались события в Омской области. Уже в 1944 г. здесь началось индивидуальное строительство домов¹³⁶, поэтому в IV квартале 1944 г. ситуация выглядела следующим образом: в октябре-декабре ссуды получили 170 семей в сумме 851 000 руб. В начале 1945 г. воспользовались системой кредитования 263 семьи, получив в сумме 1 317 000 руб.¹³⁷ К этому времени в собственных домах, построенных в порядке индивидуального строительства по Омской области, проживал 991 человек¹³⁸.

Отсюда существенное расхождение в темпах реализации государственной программы кредитования индивидуального жилищного строительства: в Омской области к 1 января 1945 г. кредиты были реализованы на 59,2 %; в Тюменской – на 1,75 %¹³⁹. По областям

¹³⁴ Бюрократический механизм выделения стройматериалов, отражающий их отсутствие на местах, подробно расписан в одной из докладных записок руководства УНКВД Омской области начала 1945 г. (см.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 171).

¹³⁵ Там же. Л. 223.

¹³⁶ Сопоставление данных Приложения № 13 и табл. 2 дает основание полагать, что до осени 1944 г. индивидуальное строительство домов для семей калмыков велось по инициативе и при поддержке отдельных хозяйственных организаций, а в конце года было задним числом вписано в государственную программу кредитования.

¹³⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 170 об.

¹³⁸ См. Приложение № 13.

¹³⁹ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 142 об.; Там же. Д. 164. Л. 170 об., 223–223 об.

вселения в 1944–1945 гг. фактически не проводилось выкупа домов для спецпереселенцев (Приложение № 13).

На 1945 г. Сельхозбанк предполагал выделить Омской области ввиду недоиспользования кредитов только 1 млн руб.¹⁴⁰ По установившейся после войны практике на каждую область в квартал выделялось на кредитование индивидуального строительства по 100 000 руб.¹⁴¹ Это означало переход к практике выделения лишь того объема средств, который регионы вселения могли освоить физически. Из выделенных Тюменской области Постановлением СНК СССР от 29 ноября 1945 г. 3000 куб. м леса на 1 января 1947 г. по области было реализовано 600 куб. м и ассигновано 220 000 руб. на строительство и покупку домов¹⁴².

Не смогли "освоить" лес, так как лесозаготовки находились за 50–100 км от мест проживания калмыков, что затрудняло его транспортировку даже силами предприятий. Кроме того, отсутствовали в должном количестве лесозаводы, способные обработать заготовленный лес и превратить его в строительный материал. Наличие леса также не решало проблемы отсутствия других строительных материалов (гвоздей, стекла и др.)¹⁴³.

Когда строительные материалы стали появляться, спецпереселенцы начали более активно подписываться на ссуды, а организации, в свою очередь, – более активно давать поручительство на ссуды и выделять под эти кредитные средства стройматериалы калмыкам. При этом объемы выделяемых переселенцам материалов находились в зависимости от строительной программы, которую вела та или иная организация для обеспечения служебным жильем всех своих работников¹⁴⁴.

При решении жилищной проблемы в послевоенные годы значительное место отводилось также выкупу домов для калмыков исполкомами. Однако эта процедура имела достаточно ограниченный

¹⁴⁰ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 170 об.

¹⁴¹ Там же. Д. 290. Л. 211 об.; Там же. Д. 294. Л. 64; Там же. Д. 297. Л. 97.

¹⁴² Там же. Л. 7.

¹⁴³ Там же; Там же. Д. 294. Л. 71.

¹⁴⁴ Так, Ханты-Мансийский рыбтрест в 1946 г. планировал ввести в эксплуатацию 100 домов, часть из которых должна была достаться калмыкам-работникам рыбной промышленности // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 290. Л. 221.

эффект. В домах, купленных для депортированных к началу 1948 г., проживали: в Омской области – 167 семей, в Тюменской – 121 семья. В то же время в строениях, построенных в порядке индивидуально-го строительства: в Омской области – 682 семьи, в Тюменской – 152 семьи (Приложение № 13). Оценить результативность программы кредитования строительства и выкупа жилья мы можем исходя из данных следующей таблицы.

Таблица 3

Распределение жилой площади
между спецпереселенцами-калмыками, % (1944–1948 гг.)

Проживают на жилплощади	30 сентября 1944 г.		1 января 1948 г.	
	Омская область	Тюменская область	Омская область	Тюменская область
Построенной в порядке индивидуального строительства	6,2	0	23,1	5,3
Купленной за наличные средства (ссуды)	0,1	0	5,7	3,7
В ранее пустовавших домах	7,8	0	0	2,7
В домах совхозов	12,5	4,3	20,7	7,6
В домах предприятий и строек	9,2	44	21	54,3
В домах колхозов	0	36,5	15,1	0
В домах колхозников "на уплотнение"	45,6	15,2	9,1	3,2
В прочих домах	10	0	5,3	18,8
На жилплощади, требующей капитального ремонта	8,6	0	0	4,4

* Составлено по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 169 об.–170, 223; Там же. Д. 356. Л. 350, 367.

Из данных табл. 3 видно, что индивидуальное строительство и отчасти выкуп домов в основном позволили решить проблему "уплотненности" в Омской области. Данные по Тюменской области нуждаются в уточнении, так как на 1 июля 1946 г. обнаружилось, что в домах колхозников на уплотнение проживают 37 % калмыков¹⁴⁵, а проверкой жилищно-бытовых условий, проведенной в IV квартале 1946 г., было установлено, что 5,4 % переселенцев живут в помещениях, требующих капитального ремонта¹⁴⁶. В целом программа

¹⁴⁵ Подсчитано по данным Приложения № 13.

¹⁴⁶ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 297. Л. 6.

кредитования по Тюменской области не дала должного эффекта ввиду ограниченности собственных ресурсов области.

Существовали и другие способы улучшения бытовых условий. В течение I квартала 1946 г. в Омской области 630 калмыков, проживавших на жилплощади, требующей капитального ремонта, были "размещены на жилплощади, пригодной для жилья, путем устройства на работу в организации, где им создали нормальные жилищные условия"¹⁴⁷. В начале 1948 г. УНКВД Тюменской области санкционировало передачу 38 семей, проживавших в землянках треста столовых г. Тюмени и совхоза дорУРСа Свердловской железной дороги, колхозам, имеющим свободную жилплощадь, и частично разрешило расселить "на уплотнение" среди местного населения¹⁴⁸.

Однако в большинстве случаев в Тюменской области улучшение жилищно-бытовых условий происходило за счет предоставления спецпереселенцам-калмыкам дополнительной жилой площади предприятиями, а также передачи им пустующих домов, ранее занимавшихся семьями спецпереселенцев – "бывших кулаков" и освобожденных из спецпоселения. На Тюменщине только в октябре-декабре 1946 г. калмыкам было передано 76 пустующих домов, а приобретено на ссуженные государством средства всего пять жилищ¹⁴⁹.

В Омской области со второй половины 1946 г. практика передачи свободной жилой площади калмыкам отсутствовала, и жилая площадь, занимаемая депортированными, увеличивалась в основном за счет приобретения и строительства собственных домов и в меньшей степени за счет жилья, предоставленного хозяйственными организациями (Приложение № 13). Мы видим существенную разницу в положении с жилищным строительством в областях. Если в Омской области (в значительной мере за счет областных ресурсов) были созданы относительно благоприятные условия для строительства и приобретения жилого фонда, то в Тюменской области абсолютное большинство централизованных финансовых ассигнований не достигло своей цели, так как не было подкреплено необходимыми материальными ресурсами.

¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 290. Л. 211 об.

¹⁴⁸ Там же. Д. 356. Л. 351.

¹⁴⁹ Там же. Д. 297. Л. 6.

Жилищная проблема постепенно решалась, условия проживания медленно улучшались. Если к началу 1948 г. по Омской области в собственных домах проживали 2896 человек (28,8 % от общей численности)¹⁵⁰, то к октябрю 1949 г. по области в собственных домах проживали 1188 семей (4287 человек), или 44,6 % от общей численности¹⁵¹. В Тюменской области к началу 1948 г. собственные дома имели 10,7 % калмыков.

О том, что материально-бытовые условия калмыков в Омской области были в целом лучше, чем в Тюменской, свидетельствует тот факт, что на 1 января 1948 г. в Тюменской области 150 семей (501 человек) проживали на жилплощади, непригодной для жилья, в то время как в Омской области таковых не числилось уже с первой половины 1946 г. (Приложение № 13). При этом нужно учитывать, что само понятие "нормальные жилищные бытовые условия" в документах карательного ведомства и партийно-советских инстанций определялось весьма специфично, так как нормой жилой площади для спецпереселенцев считались 3 кв. м на человека¹⁵².

О нормализации материально-бытового положения калмыков можно говорить лишь применительно к началу 1950-х гг., когда наблюдается постоянный рост численности калмыцкого населения на территории областей вселения (Приложение № 1). В это время народ перешел из режима выживания к относительно стабильной жизни, предполагавшей развитие и рост.

На 1 января 1956 г. в Омской области из 6211 взрослых калмыков имели собственные дома, приусадебные участки и скот 2598 человек (41,8 %)¹⁵³. В Тюменской области положение было сходным: собственные дома имела 731 семья; ведомственные и частные (т.е. на подселении) – 2075 семей; приусадебные участки – 2219 семей (79 %); домашним скотом обеспечены 1376 семей. Таким образом, даже теоретически обладали домом, участком и скотом в Тюменской

¹⁵⁰ В Тюменской области таковых насчитывалось 1254 человека (10,7 %).

¹⁵¹ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 356. Л. 367; Там же. Д. 366. Л. 235; Там же. Д. 464. Л. 92; Там же. Д. 480. Л. 142.

¹⁵² ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 865. Л. 4.

¹⁵³ Предложение комиссии МВД СССР в ЦК КПСС о снятии с учета спецпоселения калмыков и членов их семей (7 марта 1956 г.) // Ссылка калмыков: как это было. Т. 1. Кн. 1. – С. 235.

области не более чем 1376 семей (49 %) калмыков¹⁵⁴. К этому времени по СССР из 19 710 семей калмыков более 8500 (более 43 %) жили в собственных домах, две трети (66 %) имели в личном пользовании коров и другой домашний скот¹⁵⁵. В результате к моменту снятия ограничений по спецпоселению хозяйственно обустроенными по двум областям могли считаться менее половины калмыков.

Изучение жилищной проблемы и практики ее решения на местах показывает, что власти регионов вселения, не получив необходимых строительных материалов из центра, вынуждены были решать проблему "скученности" переселенцев своими силами.

Система государственного кредитования строительства имела целью не только улучшение жилищных условий калмыков, но и являлась методом целевого использования материальных ресурсов, закрепляющих спецпереселенцев за хозяйственными организациями, содействуя их закреплению в местах поселения в целом. Программа кредитования и жилищного строительства была более успешно реализована в Омской области, которая располагала существенными объемами собственных ресурсов, что позволяло ей обеспечить лучшие жилищные условия для спецпереселенцев-калмыков, чем в Тюменской области. Однако окончательно жилищная проблема на спецпоселении в Западной Сибири решена не была.

3.3. "Фонды реализованы, но получены калмыками не полностью...": снабжение спецпереселенцев продовольствием и промтоварами

В первые дни нахождения на поселении ключевым вопросом хозяйственного обустройства являлось продовольственное снабжение. Омский обком и облисполком своим совместным решением выделили для выдачи калмыкам из областного продовольственного

¹⁵⁴ Сведения о количестве калмыцкого населения, проживающего в Тюменской области (на 1 января 1956 года) // Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. I. Кн. 3. Ч. 1. – С. 61.

¹⁵⁵ Справка о положении населения калмыцкой национальности (14 ноября 1956 г.) // "По решению Правительства Союза ССР..." – Нальчик, 2003. – С. 450.

фонда 66 т хлеба и 300 т картофеля¹⁵⁶. Однако уже в начале марта 1944 г. потребность переселенцев в продовольствии составляла: муки – 554 т, крупы – 155 т, картофеля – 554 т¹⁵⁷.

Единовременные выдачи продуктов не могли исправить общего тяжелого положения: в первые месяцы с мест шли "сигналы" о многочисленных фактах заболеваний дистрофией, опухания, недоедания (Голышмановский, Кагановичский, Калачинский, Тюменский районы)¹⁵⁸, вымирания целых семей (Исилькульский район)¹⁵⁹; были зафиксированы случаи воровства скота у местного населения, так как калмыки не могли себя прокормить (Омутинский район)¹⁶⁰.

А. И. Манджиев, вспоминая о первых месяцах депортации, писал, что "за зиму много людей погибло из-за болейней и голода. Говорили, что умирают ежедневно<...>". Он с горечью отмечал: "Если бы зима еще продлилась на полмесяца, и мы все, наверняка, протянули бы ноги, так как еле-еле выжили"¹⁶¹. Спасаясь от голода, люди собирали на колхозных полях и в личных хозяйствах сибиряков гнилую мерзлую картошку, а по весне – колоски¹⁶². Поэтому в памяти С. У. Эрднеевой Первомай до сих пор вызывает далеко не праздничные ассоциации: "1 мая местные люди маленько гуляли, а мы, приезжие-калмыки, на огородах гнилую картошку собирали"¹⁶³.

На постоянное продовольственное снабжение спецпереселенца должны были принять на снабжение в организацию, за которой его закрепили. Калмыки утверждались на снабжение в составе общего контингента. Утверждение норм снабжения хлебом производилось по четырем категориям населения. Первой категории полагалось 700 г в день, второй – 500, третьей – 300, четвертой – 400 г¹⁶⁴. Большинство же калмыков расселили в сельской местности и закрепили за колхозами, а руководство сельхозартелей не спешило

¹⁵⁶ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 70.

¹⁵⁷ ИСА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 48, 51.

¹⁵⁸ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 19.

¹⁵⁹ Там же. Д. 177. Л. 138.

¹⁶⁰ Там же. Л. 135.

¹⁶¹ Рукопись воспоминаний А. И. Манджиева // Семейный архив Т. А. Михалевой (Манджиевой). Л. 2.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Интервью с С. У. Эрднеевой (1929 г. р.) // ПМА.

¹⁶⁴ СГА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 140. Л. 68.

принимать депортированных в свои ряды, так как новых членов колхозов необходимо было принимать на снабжение, что означало разделение скудного продовольственного фонда колхоза на большее количество едоков.

К концу апреля 1944 г. по Омской области из 12 677 человек, расселенных в колхозах, их членами являлись только 3738 (29,4 %) ¹⁶⁵. Колхозы, которые сами не рассчитались с государством по хлебопоставкам весной-летом 1944 г., могли выдавать на трудодни (т.е. только работающим) лишь авансы в размере 125–400 г на трудодень ¹⁶⁶, поэтому были заинтересованы в сохранении подобного "подвешенного" статуса калмыков ¹⁶⁷. К началу 1945 г. из 913 семей калмыков, расселенных в колхозах Тюменской области, 661 (72,4 %) состояла в членах колхозов, а в Омской области в колхозы вступили 855 семей (84,5 %) ¹⁶⁸. Прием в колхозы был закончен по областям в начале 1946 г. ¹⁶⁹ Только с этого времени можно говорить, что калмыки "продовольствием обеспечиваются наравне с колхозниками, в порядке расчета за заработанные трудодни" ¹⁷⁰.

Калмыки-работники совхозов продовольствием обеспечивались по существующим нормам продовольственного снабжения ¹⁷¹. Большинство калмыков, завезенных в колхозы, относились к 4-й категории снабжения, т.е. получали 400 г хлеба в день ¹⁷². При этом иждивенцы и в колхозах, и в совхозах могли рассчитывать на регулярное получение только хлебного пайка ¹⁷³.

На промышленных предприятиях спецпереселенцы сразу же после приема на работу ставились по приказу на снабжение наравне с другими рабочими и были приравнены к рабочим 1-й категории, а иждивенцы снабжались по нормам, предусмотренным в районах для лиц данной категории, т.е. были приравнены

¹⁶⁵ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 138 об.

¹⁶⁶ Там же. Л. 141.

¹⁶⁷ Там же. Д. 160. Л. 58–58 об.

¹⁶⁸ Там же. Д. 164. Л. 178, 227.

¹⁶⁹ Там же. Д. 290. Л. 211, 223.

¹⁷⁰ Там же. Д. 164. Л. 224.

¹⁷¹ Там же. Л. 224 об.

¹⁷² СГА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 140. Л. 68.

¹⁷³ Там же. Л. 224–224 об.

к обычным иждивенцам¹⁷⁴. Так, рабочий Сытоминского рыбзавода А. И. Манджиев получал в день 700 г хлеба (по 1-й категории) и месячные нормы мяса, сахара и крупы¹⁷⁵. Практика Березовского рыбозавода показывает, что в течение нескольких дней после прибытия на спецпоселение¹⁷⁶ они снабжались через точки общепита, обслуживающие конкретные предприятия¹⁷⁷. Иждивенцы в семьях рабочих промышленности до постановки на снабжение в райисполкомах могли рассчитывать на получение лишь 100–200 г хлеба в день¹⁷⁸.

Приводимые в Приложениях № 14 и 15 таблицы снабжения по Сургутскому району показывают, что процесс постановки на централизованное карточное снабжение происходил в течение первых нескольких месяцев нахождения на поселении. Начиная с апреля 1946 г. калмыки более не выделяются как отдельная целевая группа снабжения, будучи объединены с группами снабжения "правового" населения. Процесс постановки на снабжение завершился. Растянута постановка на централизованное снабжение повлекла высокую смертность среди спецпереселенцев-калмыков в первое время нахождения на поселении (Приложение № 16).

Важно отметить, что сам факт "принятия на снабжение" еще не гарантировал получение продовольствия, поскольку карточки зачастую не отоваривались. Так, по Березовскому району с августа 1944 г. по январь 1945 г. калмыки по карточкам получили лишь 382 кг крупы (28,2 % от положенного), а карточки на "мясо/рыбу" и сахар остались полностью неотоваренными¹⁷⁹.

Справедливости ради нужно сказать, что в конце 1945 г. управляющий Ханты-Мансийским госрыбтрестом Максютенко критиковал систему рыболовпотребкооперации¹⁸⁰. В пример приводился Полноватский рыбзавод, где отпущенный кооперацией лимит не позволил обеспечить карточное снабжение рабочих завода

¹⁷⁴ СГА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Л. 162 об.

¹⁷⁵ Рукопись воспоминаний А. И. Манджиева // Семейный архив Т. А. Михалевой (Манджиевой). Л. 4.

¹⁷⁶ АОАБР. Ф. 3л. Оп. 2. Д. 6а. Л. 38.

¹⁷⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 171.

¹⁷⁸ Там же. Д. 177. Л. 37.

¹⁷⁹ Подсчитано по: ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 878. Л. 11.

¹⁸⁰ ГАТО. Ф. 1786. Оп. 1. Д. 11. Л. 128 об.

в сентябре и декабре 1945 г. Сетовал производственный начальник и на нестабильность снабжения в целом¹⁸¹.

Как реакция на несостоятельность централизованного снабжения, в 1944–1945 гг. наблюдается стремительный рост подсобных хозяйств и децентрализованных заготовок¹⁸². Подобная тенденция прослеживалась по всей стране: государством был взят курс на предоставление возможности самообеспечения отдельных территорий и предприятий¹⁸³. В утвержденных ГУЛАГом НКВД СССР 8 марта 1944 г. "Правилах хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев" говорилось: органы НКВД обязаны "ставить вопросы перед республиканскими, краевыми (областными) организациями о наделении спецпереселенцев приусадебными участками для жилищного строительства и создания огородов..."¹⁸⁴.

Уже к июлю 1944 г. все переселенцы, расселенные в южных районах Тюменской и Омской областей, пожелавшие получить участки под огороды, были землей обеспечены полностью, но проблема заключалась в повсеместном отсутствии семян для посадки¹⁸⁵. В конце 1945 г. по Тюменской области общее количество посева картофеля и овощей спецпереселенцами-калмыками составляло 401 га. 435 семей имели приусадебные участки, 3263 семьи – огороды (фактически все желающие – 82,7 % от общего количества семей)¹⁸⁶. В послевоенные годы в южных районах областей калмыки осуществляли посадки огородов, однако низкие урожаи не позволяли полностью обеспечить себя картофелем и овощами¹⁸⁷. После войны начала возделывать огород бывшая спецпоселенка-калмычка С. У. Эрднеева:

¹⁸¹ ГАТО. Ф. 1786. Оп. 1. Д. 11. Л. 128 об.–129.

¹⁸² Руководство Ханты-Мансийского госрыбтреста сообщало, что 70 % продукции подсобных хозяйств расходовалось на нужды спецпереселенцев-калмыков (всего было собрано: картофеля – 1535 т, овощей – 912 т, лука – 5 т, грибов – 1570 кг, ягод – 5030 кг, птицы – 1350 кг) // ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 796. Л. 90–91.

¹⁸³ Соколов А. К. Принуждение к труду в советской экономике: 1930-е – середина 1950-х гг. // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. – М., 2005. – С. 49.

¹⁸⁴ Правила хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев-калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев и немцев, утвержденные ГУЛАГом НКВД СССР (8 марта 1944 г.) // Ссылка калмыков: как это было. Т. I. Кн. 1. – С. 146.

¹⁸⁵ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 220, 237 об.

¹⁸⁶ Там же. Д. 313. Л. 14, 15 об. –16.

¹⁸⁷ Там же. Д. 356. Л. 352.

"С 1947 года стали картошку садить, в общем помаленьку, так дело пошло. Участок выделили маленько"¹⁸⁸¹⁸⁹.

В кризисной ситуации военных и первых послевоенных лет каналом снабжения, который обеспечил бы калмыкам возможность не только физического выживания, но и обустройства в условиях спецпоселения, должны были стать специальные продовольственные и промтоварные фонды.

Так, в период 1944–1945 гг. СНК было принято 16 постановлений и распоряжений, направленных на улучшение материального положения спецпереселенцев-калмыков и создание предпосылок к их оседанию по месту расселения¹⁹⁰. В соответствии с распоряжением СНК СССР от 7 марта 1944 г. Омской области выделили: муки – 580 т; крупы – 175 т; картофеля – 580 т¹⁹¹. Централизованная выдача продовольствия в Омской области началась с 1 апреля 1944 г.¹⁹² Эти продовольственные фонды калмыки должны были получать, чтобы продержаться "до нового урожая"¹⁹³.

Распоряжение от 7 марта было дополнено постановлением СНК СССР от 29 мая 1944 г. "О выдаче скота и продовольственного зерна спецпереселенцам-карачаевцам, чеченцам, ингушам, балкарцам и калмыкам в обмен за принятые от них скот и зерно в местах выселения"¹⁹⁴. В нем зафиксирована одна из немногих попыток власти возместить спецпереселенцам имущество, утраченное при депортации. Каждой семье спецпереселенцев-калмыков полагалось выдать по одной голове крупного рогатого скота, в среднем по 200 кг веса каждая. Разрешалось при отсутствии крупного рогатого скота выдавать взамен его овец и коз по 200 кг живого веса за одну

¹⁸⁸ Размер земельных участков для калмыков, вступивших в колхозы, определялся согласно уставу сельхозартели, а для рабочих и служащих (т.е. не членов колхозов) составлял не более 0,15 га на хозяйство // ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 162. Л. 45.

¹⁸⁹ Интервью с С. У. Эрднеевой (1929 г. р.) // ПМА.

¹⁹⁰ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 710. Л. 5–6.

¹⁹¹ Там же. Д. 177. Л. 99.

¹⁹² Там же. Л. 220.

¹⁹³ Там же. Л. 99.

¹⁹⁴ Постановление СНК № 627–176 сс "О выдаче скота и продовольственного зерна спецпереселенцам – карачаевцам, чеченцам, ингушам, балкарцам и калмыкам в обмен за принятые от них скот и зерно в местах выселения" (29 мая 1944 г.) // Сталинские депортации... – С. 543–545.

голову крупного рогатого скота. Реализовать правительственное решение в полном объеме планировалось к концу 1945 г.¹⁹⁵

На основании постановления Совнаркома от 29 мая 1944 г. было принято решение исполкома Омского областного Совета депутатов трудящихся от 22 июня 1944 г. "О выдаче скота спецпереселенцам калмыкам". Списки на выдачу скота составлялись райкомендантами и утверждались исполкомами райсоветов. Эти же списки являлись окончательно оформленными документами на право получения скота из районных контор Заготскот¹⁹⁶. Всего предполагалось выдать 6630 голов, из них на южные районы современной Тюменской области выделялось 1816 голов крупного рогатого скота для выдачи в индивидуальное пользование из расчета 200 кг на семью в "живом весе"¹⁹⁷.

Однако данное решение предусматривало выдачу всего скота лишь калмыкам, расселенным на юге Омской области. Исполком облсовета принял к собственному решению "дополнение", которое касалось только северных районов области (Тобольского, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов). На Север предполагалось передать 2630 голов скота¹⁹⁸.

В дополнение к постановлению Совнаркома от 29 мая 1944 г. были приняты два распоряжения: "О дополнительном выделении скота согласно постановления СНК СССР № 627-176 сс от 29/V-1944 г." от 8 апреля 1945 г. и "О распределении по колхозам, в которых расселены спецпереселенцы, рабочего скота, выделенного согласно постановления СНК СССР № 627-176 сс от 29/V-1944 г." от 26 июня 1945 г.¹⁹⁹ Целью этих распоряжений являлось "укрепление общественного стада" колхозов, в которые были расселены калмыки²⁰⁰, а не выдача скота переселенцам.

Количество скота и зерна, выделенного в счет утраченного имущества, было определено произвольно, так как прием скота производился уже после выселения калмыков. В результате весь скот

¹⁹⁵ Постановление СНК № 627-176 сс. ... // Сталинские депортации... – С. 544.

¹⁹⁶ ИСА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 143. Л. 40.

¹⁹⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 153. Л. 262.

¹⁹⁸ ИСА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 1.

¹⁹⁹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 710. Л. 5-6.

²⁰⁰ "По решению Правительства Союза ССР..." – С. 704.

перепутался и приемщикам удалось только отделить скот, принадлежащий к общественному стаду колхозов, от находящегося в личном пользовании колхозников²⁰¹. Установить скот по принадлежности каждому конкретному хозяйству было уже невозможно, именные квитанции поэтому не выписывались²⁰².

В южных районах Омской и Тюменской областей органы власти сразу по получении руководящих указаний приступили к реализации постановления. В районах северных округов (Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого) начать выдачу скота в 1944 г. не удалось, так как навигация по Оби и Иртышу уже закрылась²⁰³, а на Севере заготовительных пунктов конторы Заготскот не было. Выдачу скота планировалось производить только за счет скота, завезенного с юга области²⁰⁴.

По плану на Север предполагалось передать 2630 голов скота²⁰⁵. В итоге на территории всей Тюменской области на 1 января 1945 г. выполнение плана выдачи составляло 33,8 %²⁰⁶. При этом на территории южной части области, где были расселены калмыки, не подвергшиеся вторичному переселению на Север, план выполнили на 85,8 %²⁰⁷. По Омской области к 1 января 1945 г. скот, количество которого определялось планом в 3244 единицы²⁰⁸, был передан 75,5 % семей калмыков от предусмотренных планом выдачи. К декабрю 1945 г. эта цифра возросла до 90,1 %²⁰⁹.

²⁰¹ К началу февраля 1944 г. от хозяйств переселенных калмыков в местах выселения представителями Наркоммяспрома и Наркомзема было принято 120 622 головы скота. В том числе от колхозников: крупного рогатого скота – 30 551 голова, овец – 3536 и рабочего скота 295 голов; от колхозов: крупного рогатого – 30 960, овец – 59 985 и рабочего скота – 5295 голов // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 152. Л. 1.

²⁰² Там же. Л. 1.

²⁰³ Там же. Д. 153. Л. 262.

²⁰⁴ Докладная записка начальника УНКВД по Тюменской области Шеварова начальнику ОСП НКВД СССР М.В. Кузнецову о положении спецпереселенцев-калмыков в Тюменской области // Ссылка калмыков: как это было. Т. I. Кн. 1. – С. 201.

²⁰⁵ Иса ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 1.

²⁰⁶ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 168; Там же. Д. 164. Л. 225–225 об.

²⁰⁷ Подсчитано по: Там же. Л. 225.

²⁰⁸ "Единица скота" в данном случае понятие условное, так как она составляла 200 кг "живого веса" на семью и могла состоять из нескольких голов реального скота (коров, овец, коз).

²⁰⁹ Подсчитано по: Иса ОО. Ф. 437. Оп. 24. Д. 8. Л. 4; ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 171 об.

В 1946–1947 гг. выдача скота калмыкам продолжалась по отработанным схемам. На 1 января 1948 г. на территории Омской области проживали 3492 семьи, из них 95,4 % формально получили крупный или мелкий рогатый скот. Распоряжение от 8 апреля 1945 г. к указанной дате было выполнено в полном объеме, что одновременно означало также и реализацию второго пункта постановления СНК СССР от 29 мая 1944 г. В соответствии со вторым распоряжением СНК, датированным 26 июня 1945 г., было выделено 93,5 % лошадей и 94 % волов, предусмотренных к передаче колхозам, где расселены калмыки²¹⁰. В южных районах Тюменской области на начало января 1948 г. "оставалось выдать 160 голов скота", предназначенного для передачи в личное пользование²¹¹. В результате было выдано 91,2 % скота, предусмотренного государственным заданием²¹². В северных округах к этому времени оставалось выдать 1930 единиц скота, т.е. скот был выдан на 26,6 %²¹³.

По итогам реализации Постановления СНК СССР от 29 мая 1944 г. абсолютное большинство калмыков должны были уже в первые послевоенные годы стать обладателями скота, поскольку он формально передавался им в собственность. В реальности этого не произошло. В поступавших в районы указаниях о порядке выдачи скота содержалось требование передавать животных только тем семьям, которые гарантируют их сохранность²¹⁴. И это не было случайностью. Получив скот, многие спецпереселенцы, не имея кормов для его содержания²¹⁵, вынуждены были забивать животных на мясо для продажи на рынке²¹⁶. В результате чего общее количество

²¹⁰ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 356. Л. 366, 367 об., 368.

²¹¹ Невыдача указанного количества скота мотивировалась нежеланием калмыков его получать.

²¹² Подсчитано по: Там же. Л. 352; Там же. Д. 164. Л. 225.

²¹³ Подсчитано по: Там же. Д. 325. Л. 134; Там же. Д. 356. Л. 356–357.

²¹⁴ ГА в г. Тобольске. Ф. 281. Оп. 1. Д. 1229. Л. 43.

²¹⁵ Вместо кормов калмыкам выделялись сенокосные участки, после уборки сена с которых спецпереселенцы должны были оказаться в состоянии содержать выделенный скот (Решение Велижанского райисполкома Омской области о выделении скота и сенокосных участков спецпереселенцам-калмыкам // Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. I. Кн. 2. – С. 129–130).

²¹⁶ ГАСПИТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 689. Л. 25.

скота, полученного спецпереселенцами и забитого на мясо на юге Тюменской области, составило к январю 1945 г. 264 головы²¹⁷.

В ответ на это органы НКВД начали привлекать "инициаторов забоя скота к уголовной ответственности", проводить "показательные суды" над ними. Примечательно, что руководство УНКВД Тюменской области возмущал именно тот факт, что органы прокуратуры отказывали в санкции на арест на том основании, что "полученный спецпереселенцами скот является их собственностью"²¹⁸.

Партийные и советские органы получили указания от Тюменского обкома ВКП(б) оказать помощь спецпереселенцам-калмыкам кормами, а также провести "мероприятие по передаче" (фактически изъятие) скота у калмыков, которые не могли его содержать. Так, по Ишимскому району весь скот, полученный спецпереселенцами-калмыками, передан на содержание колхозам и совхозам района на весь зимний период²¹⁹. В итоге руководство УНКВД Тюменской области фактически признало фиктивность передачи скота, констатировав, "что скот, закупленный на специальные средства для спецпереселенцев калмыков, передан для индивидуального пользования последним не был (Сургутский, Самаровский и другие районы). Этот скот был оставлен в хозяйственных организациях под предлогом освобождения калмыков от заботы за его уходом и содержанием и, хуже того, этот скот раздается в личное пользование работникам административно-управленческого аппарата рыбозаводов и консервных фабрик"²²⁰.

К июлю 1947 г. работа по передаче рабочего скота (лошадей и волов) колхозам, в которые были вселены спецпереселенцы, проводившаяся в соответствии с правительственными постановлениями, принятыми в 1944–1945 гг., была закончена. Омская и Тюменская области выполнили государственное задание²²¹.

Параллельно проходила реализация постановления правительства от 29 мая в части выделения зерна спецпереселенцам. Народный комиссариат заготовок обязан был отпустить областям

²¹⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 153. Л. 263.

²¹⁸ Там же. Л. 263.

²¹⁹ Там же. Л. 262 об. –263.

²²⁰ Там же. Д. 247. Л. 338–339.

²²¹ Там же. Д. 325. Л. 157.

расселения калмыков во II и III кварталах 1944 г. для выдачи спецпереселенцам в окончательный расчет 13 500 т зерна (ржи и ячменя). Омский облисполком получал на основании этого акта 527 т зерна²²². 12 июля было принято решение облисполкома "О выдаче зерна спецпереселенцам-калмыкам в окончательный расчет за принятый от них скот и зерно по месту жительства"²²³.

На основании этого документа выдача в области производилась через райпотребсоюзы, а в гг. Тюмени и Салехарде – через городские торговые отделы. Председатели исполкомов райсоветов в течение июля 1944 г.²²⁴ были обязаны выдать по спискам, представленным спецкомендантами, единовременно всем спецпереселенцам-калмыкам сверх установленного пайка по 20 кг на едока. Всего к выдаче по Омской области полагалось 527 т зерна²²⁵. Из данных табл. 4 видно, что реализация продовольствия проходила достаточно быстро:

Таблица 4

Реализация продовольственных фондов в счет оставленного в местах выселения зерна и скота, т (на 1 декабря 1944 г.)*

	Мука		Крупа		Зерно	
	Отпущено	Выдано	Отпущено	Выдано	Отпущено	Выдано
Омская область	580	338	175	97	527	204
Тюменская область	249	200	76	63	282	136
Итого по Сибири:	2180	1679	653	485	1819	1400

* Составлено по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 176. Л. 129.

²²² Постановление СНК № 627-176сс "О выдаче скота и продовольственного зерна спецпереселенцам – карачаевцам, чеченцам, ингушам, балкарцам и калмыкам в обмен за принятые от них скот и зерно в местах выселения (29 мая 1944 г.)" // Сталинские депортации... – С. 544.

²²³ ИСА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 143. Л. 42.

²²⁴ В самом правительственном акте III квартал 1944 г. определялся как крайний срок его исполнения.

²²⁵ ИСА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 143. Л. 44.

На практике эти фонды выдавались переселенцам в порядке общего продуктового снабжения по карточкам, что обеспечило выделяемые исполкомами продуктовые лимиты на их снабжение. Как отмечал заместитель начальника УНКВД Омской области Н. Ф. Шеваров, фактически в ряде районов области (Исилькульский, Полтавский, Кормиловский и др.) продукты, согласно постановлению СНК, не выдавались, поскольку калмыки получали положенный по карточкам паек. Более того, Омский облисполком "подтвердил, что районы поступают правильно, так как паёк два раза получать не положено"²²⁶. Выделенные продовольственные фонды тем самым являлись лишь компенсацией понесенных регионами вселения затрат от принятия на снабжение нового "контингента".

В конце декабря из Тюменской области сообщали о выполнении в южных районах этого постановления полностью. УНКВД докладывало, что каждый калмык получил по 21 кг муки, крупы – 6, зерна – 20, а также 21 кг картофеля. В северных районах Тюменской области фонды были "реализованы частично"²²⁷, процесс выдачи там завершили в 1945 г.²²⁸. Начальник отдела спецпоселений М. В. Кузнецов в начале 1946 г. отчитался о бесплатном распределении калмыкам в Сибири указанных продуктовых фондов²²⁹.

Нерешенность проблемы создания для калмыков стабильной продовольственной базы, обеспечивающей выживание, приводила к необходимости выделения новых продовольственных фондов. При этом речь уже не шла о бесплатной выдаче: калмыки должны были выкупать выделенный для них объем товаров по государственным ценам (распоряжение СНК СССР от 19 ноября 1944 г.²³⁰), причем это относилось и к категории особо нуждающихся спецпереселенцев-калмыков (Постановление СНК СССР от 28 января

²²⁶ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 237.

²²⁷ Там же. Д. 161. Л. 143.

²²⁸ В Березовском районе Ханты-Мансийского округа к середине февраля 1945 г. из расселенных 1090 человек не получили полагавшегося (на основании Постановления СНК от 29 мая 1944 г.) зерна 70 калмыков (ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 878. Л. 1 об.).

²²⁹ Доклад начальника отдела спецпоселений НКВД СССР М.В. Кузнецова о проделанной работе за период с марта 1944 г. по январь 1946 г. // История сталинского Гулага... Т. 5. – С. 476.

²³⁰ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 153. Л. 45; Там же. Д. 176. Л. 130–131.

1945 г.)²³¹. Именно поэтому репрессированные не ощущали на себе заботы государства. Как выразилась С. У. Эрднеева: "Своим трудом жили, так государство ничего нам не давало..."²³².

Специфический характер помощи, оказываемой государством калмыкам, показывает также реализация распоряжения СНК от 21 ноября 1945 г., которым предполагалось "оказать калмыкам помощь продовольствием и промтоварами" в период с 1 декабря 1945 г. по 1 июля 1946 г.²³³ Если мы обратимся к сведениям о реализации этого распоряжения по областям к 1 апреля 1946 г. (Приложение № 17), то увидим, что в Омской области, где фонды промтоваров "выдавались" калмыкам быстрее, чем на Тюменщине, постановление было в основном выполнено только к декабрю 1946 г. (Приложение № 18).

На основании донесений органов НКВД различных уровней можно установить причины, по которым выполнение ответственных партийных поручений принимало затяжной характер. Зачастую центральные ведомства не выполняли обязательства по поставке продовольствия и промышленных товаров в сибирские края и области (например, в январе 1945 г., Наркомтекстиль не переправил хлопчатобумажные ткани Главтекстильсбыту)²³⁴. Предприятия местной промышленности (в частности, пимокатные мастерские, изготовлявшие валенки из шерсти) имели множество заказов, в том числе оборонных, исполнявшихся в приоритетном порядке²³⁵.

И все же основная причина подобных проблем в источниках отражена неявно. Встречающиеся в документах карательного ведомства слова "выдача", "передача", "реализация" продовольствия и промтоваров калмыкам камуфлировали факт продажи калмыкам продовольствия и промтоваров по государственным ценам. В Тюменской области к началу 1947 г. фонды шерсти были востребованы калмыками на 90 %, кожаной обуви – на 70 %, овчины – только на 62 %²³⁶. Напротив, полагавшиеся продовольственные

²³¹ К этой категории относились расселенные в колхозах Омской (5300 человек) и Тюменской областей (2750 человек) // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 153. Л. 8.

²³² Интервью с С. У. Эрднеевой (1929 г. р.) // ПМА.

²³³ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 710. Л. 6.

²³⁴ Там же. Д. 153. Л. 46.

²³⁵ Иса ОО. Ф 437. Оп. 23. Д. 42. Л. 7; ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 172.

²³⁶ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 297. Л. 14.

фонды были реализованы полностью в Тюменской области уже к началу октября 1946 г.²³⁷, в то время как в Омской к 1 октября невыданными оставались: муки – 237 кг, крупы – 104, сахара – 22 и соли – 415 кг²³⁸. Главной причиной задержки реализации распоряжения правительства была неспособность калмыков выкупить продукты²³⁹.

В целом продовольствие выкупали быстрее, так как оно в первую очередь обеспечивало физическое существование и к тому же было значительно дешевле. Приобрести промтовары могли далеко не все. В отделениях сельских потребительских обществ Калачинского, Щербакульского и Ульяновского районов (к началу апреля 1946 г.) лежали изготовленные 140 пар валенок, 78 полушубков. Калмыки не выкупали их потому, что изготовленные валенки для взрослых стоили 216 руб., а валенки детских размеров – 180, полушубки (в зависимости от их размеров) – от 375 до 460 руб.²⁴⁰ за штуку. Цена на эти товары была астрономической вследствие того, что к их фактической стоимости начислялось 200 % наценки как на промышленный товар, реализуемый по сельскому фонду в сельской местности²⁴¹. В Тюменской области, чтобы разрешить данную проблему, стали продавать калмыкам взамен полушубков невыделанные овчины, а вместо валенок – шерсть, предназначенную для их изготовления²⁴².

Плановые показатели распоряжения СНК от 21 ноября 1945 г. показывают его оторванность от реальной жизни. Так, СНК выделил находящейся севернее Тюменской области в 1,8 раза меньше шерсти для изготовления валенок, чем Омской (7800 кг против 14 200 кг). Аналогичное положение наблюдалось и по продовольственным фондам, несмотря на то что количество калмыков,

²³⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 294. Л. 71.

²³⁸ Там же. Л. 64.

²³⁹ Там же. Д. 247. Л. 337; Там же. Д. 290. Л. 213 об.

²⁴⁰ Среднемесячная зарплата в основных отраслях промышленности по СССР составляла в декабре 1946 г. 626 руб., причем у спецпереселенцев она была значительно ниже (Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после Второй мировой войны. – М., 2011. – С. 310).

²⁴¹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 290. Л. 212–213.

²⁴² Там же. Л. 223.

находящихся на поселении в Тюменской области, составляло на 1 января 1946 г. 12 738 человек, а в Омской – 9781 человек (Приложение № 1)²⁴³. Вероятно, это произошло потому, что новообразованная Тюменская область стояла в иерархии снабжения регионов РСФСР ниже Омской области, к тому же основные акты, регламентирующие снабжение калмыков, принимались еще Омским облисполкомом.

Парадокс заключался в том, что "особо нуждающиеся" спецпереселенцы, которым адресовалась помощь, как раз и не имели возможности ее выкупить, поэтому послевоенный голод и общее ухудшение продовольственного снабжения не могли не сказаться на положении спецпереселенцев. Смертность калмыков в Тюменской области с 51 человека в III квартале 1946 г. увеличилась в IV квартале до 92 человек, составив 0,7 % к числу расселенного спецконтингента²⁴⁴. Вновь отмечались случаи опухания и заболевания дистрофией спецпереселенцев-калмыков в Березовском, Микояновском, Кондинском, Самаровском, Омутинском, Велижанском и других районах²⁴⁵.

В Москву один за другим следовали сообщения из регионов о снятии со снабжения нетрудоспособных членов семей калмыков. В начале марта 1947 г. МВД СССР сообщило, что в Омской области не обеспечиваются хлебом и другими продуктами питания 2496 нетрудоспособных членов семей спецпереселенцев, проживающих в сельской местности, главы семей которых работают в совхозах Министерства совхозов СССР. При этом в первом полугодии 1947 г. карточная норма²⁴⁶ хлеба для остающихся на снабжении рабочих составила 200 г, а для членов их семей – 100 г в день²⁴⁷.

Аналогичная ситуация сложилась и в других отраслях народного хозяйства: в местной промышленности на исследуемой территории не снабжались 5982 спецпереселенца (5321 – в Омской области;

²⁴³ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 363. Л. 28, 29 об.

²⁴⁴ Там же. Д. 297. Л. 14.

²⁴⁵ Там же. Л. 8.

²⁴⁶ Повышение установленных по карточкам норм продовольственного снабжения запрещено Постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 16 сентября 1946 г. // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 325. Л. 81.

²⁴⁷ Там же. Л. 79.

661 – в Тюменской)²⁴⁸; в лесной промышленности Омской области были сняты со снабжения 64 человека²⁴⁹; в текстильной промышленности Тюменской области – 351 человек²⁵⁰; в рыбной промышленности Тюменской области не снабжались 1488 человек (17 заболели дистрофией)²⁵¹.

Реализация практически всех целевых государственных ассигнований, направленных на поддержку калмыков, была завершена к началу 1948 г.²⁵² Улучшение положения с продовольственным снабжением в СССР (к началу 1948 г.) натолкнуло руководство МВД по Тюменской области на мысль о том, что "теперь в связи с общим изменением положения в стране, улучшится и положение калмыков", и поэтому "<...>вполне своевременно ставить вопрос о ликвидации иждивенчества и перевода калмыков на общие для всего населения условия"²⁵³. Начиная с 1948 г. и до момента снятия со спецпоселения в 1956 г. калмыки в плане снабжения были полностью уравнены с "правовым" населением.

Снабжение спецпереселенцев-калмыков на данной территории осуществлялось по следующим основным каналам:

а) все калмыки снабжались по карточкам хлебом и нормируемыми продуктами – по правилам и нормам, действующим в районах вселения. После отмены карточек в декабре 1947 г. – наравне с "правовым" населением через существующую систему горторга (в городах) и сельских потребительских обществ (на селе);

б) через ОРСы общественным питанием в столовых и других точках общепита на производстве обеспечивались только работа-

²⁴⁸ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 325. Л. 74.

²⁴⁹ Там же. Л. 46.

²⁵⁰ Более того, ходатайство Министерства текстильной промышленности по этому вопросу было отклонено Министерством торговли СССР // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 325. Л. 77–78.

²⁵¹ Материально-бытовое устройство в Ханты-Мансийском округе ухудшилось ввиду сокращения плана рыбодобычи и последовавшего за ним увольнения "большого количества" спецпереселенцев // Там же. Л. 69.

²⁵² Существовавшая (в 1945–1946 гг.) для калмыков льгота в виде освобождения от поставок сельхозпродуктов государству и от уплаты сельскохозяйственного и подоходного налогов, по-видимому, в 1947 г. не была продлена ("По решению Правительства Союза ССР..." – С. 448).

²⁵³ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 356. Л. 352.

ющие по действующим правилам, т.е. на тяжелых работах и перерабатывающих нормы (при 11-часовом рабочем дне – трехкратное питание, при 8-часовом – двукратное²⁵⁴);

в) калмыки имели возможность выкупа продуктов и промтоваров из фондов, выделенных постановлениями Правительства СССР, изданными в 1944–1945 гг.;

г) "самоснабжение" за счет выращенного на выделенных огородах и собранного в лесу, изготовленного своими руками или купленного у соседей.

Таким образом, принятые правительством постановления были направлены, в первую очередь, на закрепление калмыков в местах спецпоселений, о чем свидетельствуют, во-первых, реализация продовольственных фондов, выделенных в качестве компенсации за имущество, оставленное при выселении (они обеспечили выделяемые райисполкомами продуктовые лимиты на снабжение калмыков); во-вторых, передача предназначенного калмыкам скота организациям, использующим их труд; в-третьих, возможность выкупить продовольственные и промтоварные фонды только для работающих калмыков.

Как показывает наше исследование, регионы вселения вынуждены были в первое время самостоятельно решать комплекс вопросов, связанных с социально-бытовым устройством калмыков. В то же время их решение находилось в подчиненном положении к использованию труда спецпереселенцев, так как рассматривалось в тесной связи с повышением производительности труда, а системы кредитования жилищного строительства, и в особенности снабжения, были нацелены не столько на улучшение жилищно-бытовых условий репрессированных, сколько на закрепление спецпереселенцев за хозяйственными организациями. Все это повлекло за собой высокую смертность депортированных.

Обобщенные в приложениях материалы "карательной" статистики (Приложения № 1–8, 13–24) и, в частности, результаты спецпереписи 1949 г. показывают, что этничность на поселении являлась стандартизированной административной категорией, которой придавалось квантитативное содержание. На спецпоселении

²⁵⁴ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 259. Л. 165 об.

продолжали вылеплять "правильное" население. Власти поддерживали в первую очередь тех, кто занимался "общественно полезным" трудом, являвшимся главным инструментом формирования необходимой государству социальной структуры.

Вместе с тем калмыки служили для государства трудовым ресурсом, полностью вписанным в существующую систему принудительного труда. Эта система позволяла стабильно поддерживать количество спецпереселенцев, используемых на работах в различных отраслях народного хозяйства. Ограничение на основе подзаконных актов прав и свобод спецпереселенцев-калмыков позволяло сократить издержки на эксплуатацию их труда, а ограничение спектра работ – не допустить представителей "подозрительной" национальности на ответственные участки работ и исключить возможность их побега.

Глава 4

ВЛИЯНИЕ РЕЖИМА НА СПЕЦПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ СОЦИУМ

4.1. Административный надзор и "внутринациональные" группы на спецпоселении

Административное управление и агентурно-оперативное "обслуживание" всех "контингентов" спецпереселенцев, расселенных на территории Омской области к началу 1944 г., осуществлялось 23 рай-спецкомендатурами и 42 поселковыми комендатурами¹. Для обслуживания спецпереселенцев-калмыков в первом квартале 1944 г., было организовано 19 районных и поселковых комендатур².

Режим спецпоселения "спецконтингента "калмыки""³, основные административные функции комендантов и обязанности спецпереселенцев были определены во "Временном положении о правах и обязанностях спецпереселенцев" (от 25 октября 1931 г.), "Положении о районных и поселковых спецкомендатурах НКВД" (от 7 февраля 1944 г.) и постановлением СНК СССР № 35 "О правовом положении спецпереселенцев" (от 8 января 1945 г.) и сохранились с незначительными изменениями.

Существенным отличием "временного положения" от "постановления СНК" было отсутствие пункта, в котором говорилось о прикреплении спецпереселенцев к конкретному поселку и дому³; его сменило предписание, запрещавшее покидать "район расселения,

¹ Штат поселковой комендатуры составлял 1–3 человека, обслуживавших от 300 до 1000 семей; районной – 2–5 человек на 400–4000 семей спецпереселенцев (См.: Положение о районных и поселковых спецкомендатурах НКВД с указанием прав и обязанностей спецпереселенцев (7 февраля 1944 г.) // История сталинского Гулага ... Т. 5. – С. 401.).

² ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 19.

³ Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и административных правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев (25 октября 1931 г.) (Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 Кн. Кн. 2. – М., 2006. – С. 537).

обслуживаемый данной спецкомендатурой"⁴. Чтобы покинуть район поселения, человеку требовалось получать временное "разрешение" на выезд за его пределы от периферийного надзирающего органа. В этом документе указывался срок поездки и пункт, где поселенцу разрешалось находиться⁵. По прибытии в пункт назначения спецпоселенцы ставились на учет уполномоченным органом-акцептором по месту временного пребывания, о чем ставилась в известность комендатура-донор. По возвращении к основному месту спецпоселения разрешение на право выезда у депортантов изымалось⁶.

Переход от "подомового" к "порайонному" (району компетенции одной комендатуры) закреплению спецпоселенцев не был случайным. Подтверждение мы находим в словах начальника отдела спецпоселений УНКВД Новосибирской области Жукова, который в декабре 1944 г., характеризуя положение с кадровым составом аппарата спецкомендатур Сибири, осуществляющим надзор за калмыками, отмечал: "в абсолютном большинстве областей спецпоселков в том виде, как они были раньше, уже давно не существует. Наш контингент живет так же, как и остальное правовое население, т.е. расселен по всему району. Таким образом, комендант там, где он один по штату, фактически обслуживает целый административный район, там, где их два, половину административного района"⁷.

Система спецпоселения в лице комендантов пыталась противостоять увеличению дисперсности расселения подучетных лиц. Бывшая спецпоселенка Березовской спецкомендатуры С. У. Эрднеева, проживавшая в послевоенные годы в деревне Ванзетур, вспоминала: "Сначала 2 семьи с Игрима приехали, [их – А. И.] перевели, потом из Ломбовожа перевели [и] другие семьи, тоже наши, мы с одной

⁴ Постановление СНК СССР № 35 от 8 января 1945 г. // Ссылка калмыков: как это было. Т. I. Кн. 1. – С. 184.

⁵ Разрешение Шипуновского райотдела МГБ Алтайского края К. Б. Манджиеву на выезд за пределы места поселения (6 марта 1952 г.) // Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. I. Кн. 2. – С. 202.

⁶ Донесение начальника Ямало-Ненецкого окружного отдела МВД подполковника Свинтицких начальнику Тобольского горотдела МВД Тюменской области майору Баржину о прибытии в г. Салехард и постановке на временный учет спецпоселенцев И. Ц. Санджиева и М. А. Чеснокова (4 июня 1953 г.) // Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. I. Кн. 2. – С. 204.

⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 171.

деревни были <...> Ломбовож – это далеко <...> Участковые милиционеры в каждом месяце отмечали нас, на лошадях ездить тяжело стало [им], вот и перевезли в Ванзетур, в колхоз, еще три семьи⁸. Так, с одной деревни [Овата, Целинный район современной Республики Калмыкия – А. И.] мы 5 семей в Ванзетуре жили"⁹.

В перечень вопросов, находящихся в ведении комендатур, входили: предупреждение побегов, розыск бежавших, выявление антисоветских и уголовных элементов, контроль за политическими настроениями, посемейный учет спецпереселенцев, поддержание режима спецпоселения в целом¹⁰. Комендант имел право налагать административный арест на 5 суток и штраф в размере 100 руб.¹¹ К примеру, по Тюменской области в 1945 г. за различные нарушения, в том числе за неявку на отметку в комендатуру (раз в месяц)¹² и самовольную отлучку с места поселения, было оштрафовано 29 и арестовано 28 калмыков¹³.

Здесь ключевым является вопрос о законности применения административных взысканий в условиях спецпоселения и адекватности наказания совершенному проступку. Специалист по истории государства и права Л. П. Белковец считает, что на спецпоселении была разработана система надзора и контроля за действиями сотрудников комендатур¹⁴. В "Положении о спецкомендатурах НКВД" от 8 января 1945 г. говорилось: "Прокурорский надзор за деятельностью спецкомендатур НКВД осуществляется соответствующими органами

⁸ Спецпоселенцев-калмыков целенаправленно переводили ближе к Березовской спецкомендатуре, располагавшейся в с. Березово. Расстояние от Березово до пункта расселения: Устрем – 42 км (на С.-В.); Ванзетур – 45 км (на Ю.-З.); Игрим – 88 км (на Ю.-З.); Ломбовож – 175 км (на З.).

⁹ Интервью с С. У. Эрднеевой (1929 г.р.) // ПМА.

¹⁰ Положение о районных и поселковых спецкомендатурах НКВД с указанием прав и обязанностей спецпереселенцев (7 февраля 1944 г.) // История сталинского Гулага... Т. 5. – С. 401.

¹¹ Постановление № 34–14 Совнаркома СССР об утверждении "Положения о спецкомендатурах НКВД" (8 января 1945 г.) // Ссылка калмыков: как это было Т. I. Кн. 1. – С. 183.

¹² ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 471. Л. 271.

¹³ Там же. Д. 290. Л. 225–226.

¹⁴ Белковец Л. П. Правовые аспекты национальной политики СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие // Государство и право. – 2006. – № 5. – С. 112.

прокуратуры"¹⁵. Таким образом, формально "социалистическая законность" была спецпереселенцам-калмыкам гарантирована¹⁶.

Однако документы прокуратуры Тюменской области показывают, что в реальной жизни положение было иным. В своем отчете о проделанной работе за 1946 г. прокурор Тюменской области сообщал: "В области имеется 37 комендатур. Надзор за законностью их действий отделом [по надзору за милицией – А. И.] не организован. За весь 1946 год ни одной проверки спецкомендатур проведено не было"¹⁷. Как показывают отчеты прокуратуры Тюменской области за последующие годы, систематический прокурорский надзор за деятельностью спецпоселений был налажен только после смерти И. В. Сталина. В отчете за первое полугодие 1953 г. впервые появляется пункт: "Надзор за выполнением постановления СНК СССР № 35 и № 34–14 от 8 января 1945 г. "О правовом положении спецпереселенцев"¹⁸. Прокурорами на местах были проверены 11 спецкомендатур области, в ходе которых "<...>незаконного наложения штрафов на спецпоселенцев или проявления бюрократизма и волокиты при разрешении жалоб и заявлений спецпереселенцев не выявлено"¹⁸.

В результате даже формальный контроль за деятельностью спецкомендатур был установлен лишь после марта 1953 г. В период 1944–1953 гг. спецпоселения де-факто были выведены из-под контроля прокурорского надзора и, следовательно, законность и обоснованность налагаемых комендантами взысканий и законность действий при расследовании преступлений, совершенных спецпереселенцами, могут быть поставлены под сомнение.

"Агентурное обслуживание" спецпереселенцев осуществлялось на двух уровнях: гласном и негласном. Сотрудники комендатуры осуществляли гласный надзор за спецпереселенцами. После издания в 1948 г. МВД СССР приказов № 00246 и 001445 гласное наблюдение

¹⁵ Ссылка калмыков: как это было. Т. I. Кн. 1. – С. 184.

¹⁶ Прокуратура СССР являлась структурой, обеспечивающей соблюдение "социалистической законности" и надзор за правильностью действий НКВД/МВД СССР (В соответствии со ст. 4 (п. "г") "Положения о прокуратуре Союза ССР" (17 декабря 1933 г.), ст. 123 Конституции СССР (5 декабря 1936 г.), ст. 3 (п. 1) "Положения о прокурорском надзоре в СССР" (24 мая 1955 г.) // Отечественная история государства и права. – Сб. док. (1929–1955 гг.). – Екатеринбург, 1993. – С. 28, 58, 120–121.

¹⁷ ГАТО. Ф. 1103. Оп. 6. Д. 28. Л. 123.

¹⁸ Там же. Оп. 5. Д. 20. Л. 15.

стали осуществлять также надзиратели¹⁹. Непосредственно в местах расселения спецпереселенцев-калмыков (бараках, общежитиях) надзор осуществлялся старшими групп, а для надзора за спецпереселенцами (с 1948 г. – выселенцами), проживающими в собственных частных домах, назначены старшие 3–5, 10 домов ("десятидворок") в зависимости от компактности расселения²⁰.

В соответствии с приказом МВД СССР "О задачах МВД СССР по работе среди выселенцев" от 7 декабря 1948 г. комплектование комендатур должно было производиться из расчета – один комендант и его помощник на 500 спецпереселенцев²¹. Это означало продолжение работы по "разукрупнению" спецкомендатур в целях усиления надзора за спецпереселенцами. Данный процесс в Омской и Тюменской областях отражен в Приложении № 19.

Из данных таблицы в Приложении мы видим, что Омская и Тюменская области уже к концу войны осуществляли обслуживание калмыцкого "контингента" на уровне, требуемом приказом от 7 декабря 1948 г. Продолжение работы по усилению административного надзора привело к тому, что через четыре года в Тюменской области одна комендатура обслуживала в среднем 142 калмыков, в Омской области на спецучете состояло в среднем 184 человека. Этот процесс был вызван ростом дисперсности расселения депортантов.

При этом в Тюменской области количество пунктов расселения калмыков и количество комендатур возросли пропорционально в 1,7 раза, а в Омской области количество комендатур увеличилось за это время в 2,7 раза, а мест поселения – лишь на 15 %, что объясняется более высокой плотностью расселения спецпереселенцев всех категорий. Рост количества пунктов проживания калмыков был вызван, по нашему мнению, передачей отдельных групп спецпереселенцев различным министерствам и ведомствам с целью более рационального использования их трудового потенциала.

¹⁹ Надзиратели закреплялись за отдаленными от спецкомендатур объектами с наиболее сложными жилищно-бытовыми условиями. Надзиратели через старших общежитий, барачков и десятидворок проводили поголовную проверку спецпереселенцев и строго следили за соблюдением режима (ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 464. Л. 238).

²⁰ Там же. Д. 505. Л. 39 об.

²¹ Саганова Л. П. Спецпереселенцы-немцы в Бурятии (1941–1956 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2001. – С. 104.

К 1 января 1949 г. помимо сотрудников комендатур гласный надзор в Омской области осуществляли 1278 старших групп, барачков, общежитий и десятидворок²². К августу их численность была доведена до 2579 человек. С 1 января по 1 июля 1949 г. количество надзирателей, осуществлявших связь и курировавших работу "старших", увеличилось с 29 до 162 человек²³.

Негласный надзор осуществлялся разветвленной агентурно-осведомительной сетью, состоящей из осведомителей, агентов и резидентов²⁴. К началу I квартала 1944 г. среди всех спецпереселенцев Омской области числилось 426 информаторов. Причем только для агентурного "обслуживания" калмыков в первые три месяца нахождения на поселении было завербовано 220 осведомителей и 6 агентов²⁵. К моменту образования самостоятельной Тюменской области (14 августа 1944 г.) агентурная сеть среди калмыков в Омской области уже насчитывала 335 человек, т.е. каждого 70-го²⁶. Сеть разрасталась: по Омской области к 1 января 1945 г. каждый 40-й спецпереселенец был информатором²⁷. К 1 января 1948 г. по СССР – каждый 24-й спецпереселенец-калмык²⁸.

Вербовка агентуры среди спецпереселенцев проводилась, прежде всего, в целях борьбы с побегами²⁹ как наиболее массовой формой неповиновения спецпереселенцев³⁰. Широкая сеть осведомителей

²² ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 505. Л. 39 об.

²³ Там же. Д. 464. Л. 247; Там же. Д. 505. Л. 39.

²⁴ Осведомитель – наиболее многочисленная категория секретных сотрудников. По заданию органов МВД производил негласное наблюдение за спецпереселенцами. Для более глубокой разработки "враждебных элементов" использовали агентов, их вербовали также из числа спецпереселенцев или лиц, пользовавшихся их доверием. Резидентом был секретный сотрудник, руководивший работой осведомителей. Резидентов вербовали в целях создания массовой осведомительной сети, руководство которой не могло быть выполнено штатным оперативным составом (Саганова Л. П. Указ. соч. – С. 114).

²⁵ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 19.

²⁶ Подсчитано по: Приложение № 1; ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 160. Л. 63 об.

²⁷ Там же. Д. 164. Л. 181–182.

²⁸ Там же. Д. 366. Л. 314.

²⁹ Там же. Д. 299. Л. 201.

³⁰ Вольхин А. И., Мотревич В. П. Деятельность органов НКВД по пресечению побегов спецпереселенцев с территории Урала и Сибири в годы Великой Отечественной войны... – С. 146.

в сочетании с действием принципа круговой поруки спецпоселенцев максимально затрудняла возможность побега³¹.

В дополнение к агентурной сети создавались из числа "правового" населения и "патриотически настроенных" спецпереселенцев "группы содействия" поимке беглецов. В Тюменской области осенью 1946 г. существовало 92 группы содействия и 8 противопобеговых заслонов³². В Омской области в период с января 1945 г. по август 1949 г. количество групп содействия возросло с 55 до 440, а их членов – с 311 до 2311 соответственно³³. В 1949 г. эти подразделения работали во взаимодействии со 184 заграгруппами, состоящими из сотрудников милиции (944 человека)³⁴.

Выявленные благодаря агентуре лица, "склонные к побегу", ставились на оперативный учет, а в случае неоднократных попыток к бегству или иных проступков – помещались в "особорежимные" спецпоселки: Ингаир Тобольского района в Тюменской области; Голубая речка Тарского района – в Омской. При северных комендатурах (Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов) Тюменской области подобных поселков не создавалось, злостные нарушители режима просто отправлялись в более северные и отдаленные от центра спецпоселки³⁵. Находящаяся на поселении в д. Ванзетур Березовского района С. У. Эрднеева вспоминала о подобной практике: "Некоторые, работать не хотят, воровать ходят. Те "плохие" семьи в Устрем [на 90 км. севернее – А. И.] куда-то отправили, [а] которые "получше" семьи, себе оставил ванзетурский колхоз"³⁶.

Последовательно ужесточалась ответственность за побег: с момента прибытия на спецпоселение депортированные подвергались наказанию в виде лишения свободы сроком до трех лет, а за укрывательство бежавших – лишения свободы до одного года³⁷.

³¹ Положение о районных и поселковых спецкомендатурах НКВД с указанием прав и обязанностей спецпереселенцев (7 февраля 1944 г.) // История сталинского Гулага ... Т. 5. – С. 402.

³² ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 299. Л. 204.

³³ Там же. Л. 202; Там же. Д. 164. Л. 173.

³⁴ Там же. Д. 464. Л. 233 об., 247.

³⁵ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 299. Л. 202, 204.

³⁶ Интервью с С. У. Эрднеевой (1929 г.р.) // ПМА.

³⁷ Постановление Совета Министров СССР № 4367–1726сс "О выселенцах" (24 ноября 1948 г.) // Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. I. Кн. 2. – С. 178–179.

В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г. уголовная ответственность за побег была увеличена до 10 лет лишения свободы³⁸. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г.³⁹ наказание за побег было установлено в 20 лет каторжных работ, а за укрывательство – 5 лет лишения свободы. Также объявлялось, что калмыки были переселены в отдаленные районы Советского Союза навечно, без права возврата к прежним местам жительства. Из анализа документов, отражающих случаи привлечения к ответственности по этому указу калмыков, можно заключить, что указ применялся дозированно, в индивидуальном порядке как мера показательного устрашения⁴⁰.

Уже в период войны определились две главные причины побегов: во-первых, тяжелые материально-бытовые условия⁴¹ и, во-вторых, самовольный выезд на воссоединение с семьей⁴². Именно с целью ликвидации фактора "побеговой активности" калмыков органы НКВД активно содействовали централизованному воссоединению семей⁴³. За первые полгода нахождения на поселении ОСП УНКВД по Омской области было рассмотрено около 3000 заявлений о воссоединении семей, в результате чего около 300 семей было воссоединено внутри области, а 150 человек выехали к семьям за пределы области⁴⁴.

³⁸ Шадт А. А. Нормативно-правовая база этнической ссылки... – С. 89–90.

³⁹ Указ Президиума Верховного Совета СССР "Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и специального поселения лиц, высланных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны" // Ссылка калмыков: как это было. Т. I. Кн. 1. – С. 224–225.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 471. Л. 258; Там же. Д. 710. Л. 188.

⁴¹ Там же. Д. 177, 67 об.

⁴² Там же. Л. 238 об.

⁴³ Воссоединению в централизованном порядке подлежали четыре категории родственников: родители и их несовершеннолетние дети; родители и совершеннолетние дети, если родители до переселения находились на иждивении этих детей или имели с ними до переселения одно общее хозяйство; мужа и жены; а также нетрудоспособные и несовершеннолетние спецпереселенцы и их родственники, на иждивении которых они находились до переселения или которые могли их взять на свое иждивение (Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев... – С. 257).

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 220 об.

Из учтенных на территории Омской области 775 семей к 1 января 1945 г. было воссоединено 678, остались разделенными 97. По Тюменской области было учтено 458 разрозненных семей, из которых к началу 1945 г. не воссоединились 133⁴⁵. Централизованное воссоединение семей на территории Омской и Тюменской областей завершилось к началу 1947 г.⁴⁶

В дальнейшем заявления калмыков, желающих выехать к родственникам в другой населенный пункт, рассматривались в индивидуальном порядке. Основанием для получения разрешения на выезд (если речь не шла о воссоединении мужа и жены) теперь считались лишь болезнь и смерть трудоспособных в семье заявителя⁴⁷. По такой схеме в мае-июне 1948 г. в Тюменской области было выдано 12 разрешений на выезды в другие области и 25 разрешений на поездки внутри области⁴⁸.

Таким образом, произошел переход от централизованного воссоединения семей (предполагавшего воссоединение четырех категорий родственников) к индивидуальному. Это означало решение проблемы соединения разрозненных семей с точки зрения надзирающих органов, которые перестали рассматривать "разрозненность семей" как фактор, серьезно влияющий на "побеговую активность" калмыков и неповиновение системе в целом.

Как видно из данных таблицы (Приложение № 20), основная масса побегов приходилась на первые шесть месяцев нахождения калмыков на поселении, что совпадает с пиком смертности калмыцкого населения, когда люди бежали от социально-бытовой неустроенности. Некоторый рост количества бежавших происходит вновь в 1946 – начале 1947 гг., что можно увязать с тяжелым экономическим положением в стране и новой волной смертности (она среди спецпоселенцев-калмыков по Тюменской области составляла в III квартале 51 человека, а в IV квартале увеличилась до 92 человек⁴⁹). В результате побег становился не столько актом сопротивления системе,

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 172 об.-173, 226.

⁴⁶ Там же. Д. 297. Л. 10, 98.

⁴⁷ Там же. Д. 416. Л. 162.

⁴⁸ Там же. Л. 162.

⁴⁹ Там же. Д. 297. Л. 14.

сколько одной из стратегий выживания. Как массовое явление, побеги среди калмыков были пресечены к началу 1948 г.

Параллельно проходит работа по поиску беглецов. На 1 января 1947 г. по Омской области бежали 37 калмыков, из них был задержан 31 (83,9 % от числа бежавших); в Тюменской из 11 бежавших (с момента образования области в августе 1944 г.) задержаны трое (27,3 %). На Тюменскую область приходилось наименьшее по Сибири количество бежавших калмыков. В целом по СССР было задержано 266 из 383 бежавших калмыков (70 %).

Во исполнение приказа МВД СССР от 17 июня 1948 г. для розыска и задержания беглецов при ОСП УМВД краев и областей в помощь комендатурам создаются оперативно-розыскные отряды. В Омской области такой отряд насчитывал 20 человек и приступил к работе 1 июля 1948 г.⁵⁰ Согласно приказу от 7 декабря 1948 г., к борьбе с побегами подключались отряды по борьбе с бандитизмом и подразделения милиции с первыми спецотделами МВД-УМВД на местах⁵¹. 15 декабря 1948 г. отряды по борьбе с побегами спецпереселенцев-выселенцев были объединены с оперативными подразделениями по борьбе с побегами заключенных⁵².

Статистические данные показывают (Приложение № 21), что на исследуемой территории к началу 1950-х гг. в бегах находилось менее 20 человек, а интенсификация мер по поиску бежавших и ужесточение режима спецпоселения привели к последовательному задержанию всех беглецов. Калмыки являлись фактически единственным из крупных этнических "контингентов", во всяком случае на исследуемой территории, чьи которых удалось ликвидировать полностью⁵³.

Оценку сопротивляемости режиму среди различных групп спецпоселенцев и ответных репрессивных мер государства позволяют сформулировать материалы таблиц (Приложения № 22, 23). Как мы видим, доля калмыков, попавших в заключение на поселении,

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 416. Л. 86.

⁵¹ Баев Р. Р. Организационные и юридические основы переселения и специального поселения народов Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма 1943–1956 гг.: дис... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Волгоград, 2006. – С. 213–215.

⁵² Там же. – С. 219–221.

⁵³ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 932. Л. 96, 123.

в сравнении с другими "контингентами", была сравнительно невелика: на 1 января 1951 г. в заключении находилось 2,8 % от числа состоящих на спецучете в Омской области и 2,89 % – в Тюменской. В то время как среди "истинно-православных христиан"⁵⁴ в Тюменской области доля заключенных превышала 18 % к числу находящихся на поселении, а среди "указников" [выселенных по указу ПВС от 2 июня 1948 г. – А. И.] она составляла 10,1 %.

При сопоставлении данных о "побеговой активности" калмыков с количеством лиц, находившихся в заключении, а также "побеговой активностью" других "контингентов" можно сделать вывод о том, что калмыки были одной из наиболее законопослушных групп спецпереселенцев. К примеру, в Омской области количество находившихся в бегах среди оуновцев⁵⁵ на 1 июля 1948 г. достигло 2070 человек⁵⁶. По Тюменской области только в первые месяцы нахождения на поселении (июнь-июль 1948 г.) было "выявлено 600 человек, склонных к совершению побега" среди "указников"⁵⁷. Оуновцы, "указники", а также ИПХ воспринимались властью как наиболее опасные группы среди спецконтингента. Именно установление контроля за "новыми" группами спецпереселенцев, поступившими на поселение после войны, послужило поводом для усиления режима спецпоселения.

Несмотря на то что калмыки не оказывали сколько-нибудь значительного сопротивления властям, для них был установлен жесткий режим, определявший распорядок жизни спецпереселенца. Коменданты в своей деятельности опирались на вышедшие 8 марта 1944 г. "Правила хозяйственного и трудового устройства

⁵⁴ "Истинно-православные христиане" (ИПХ) – общее название и самоназвание направлений в русском православии, оформившихся после декларации митрополита Сергия 1927 г. о лояльности советской власти. Основной идеологемой "истинно-православных христиан" был антикоммунизм, имевший специфический религиозный характер. 14 июля 1944 г. появился приказ НКВД–НКГБ СССР о переселении 1673 ИПХ. В Тюменскую область было переселено 664 человека из Орловской и Рязанской областей (См.: *Иванов А. С.* "Истинно-православные христиане" на спецпоселении в Ханты-Мансийском национальном округе в годы войны (1944–1945 гг.) // *Исторический ежегодник: Сб. науч. тр.* – Новосибирск, 2009. – С. 142–152).

⁵⁵ Члены семей участников организаций украинских националистов (ОУН).

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 416. Л. 86.

⁵⁷ Там же. Л. 141.

спецпереселенцев". В этом документе калмыки были формально разделены на "социально опасных" и "социально неопасных".

К категории "опасных" причислялись те из спецпереселенцев, "которые в период временной оккупации немецко-фашистскими войсками районов их прежнего местожительства служили полицейскими, старостами, комендантами или по собственной инициативе выполняли другие обязанности, способствовавшие немцам в проведении карательных и репрессивных мер по отношению к советским гражданам"⁵⁸. Обустройство на поселении первой группы производилось в условиях, обеспечивающих постоянный и усиленный надзор за ними со стороны органов НКВД⁵⁹. Список лиц, относящихся к "враждебным элементам", по этому положению ограничивался только фактическими немецкими пособниками, однако, как показала практика постановки спецпереселенцев-калмыков на оперативный учет, круг "опасных" лиц был значительно шире (Приложение № 24).

Калмыки, состоявшие на оперативном учете в целом по стране, были разделены по 16 "окраскам". К началу декабря 1944 г. на изучаемой территории находились депортированные, принадлежавшие к 12 учетным графам. Им действительно уделялось особое внимание. Так, спецпереселенцы, проходившие по графе учета "изменники Родины", были сконцентрированы в Тюменской области, в то время как в Омской области на поселении находились "члены семей изменников Родины". Выявление лиц, изменивших Родине, продолжалось и на поселении⁶⁰. Уголовников среди находившихся на учете по областям не было.

Важно отметить, что выявление "бандитских элементов" продолжалось. В 1944–1945 гг. органами НКВД Урало-Сибирского региона по подозрению в измене Родине, предательстве и пособничестве немцам было арестовано 198 калмыков⁶¹. За первое полугодие 1947 г.

⁵⁸ Ссылка калмыков: как это было. Т. I. Кн. 1. – С. 146–147.

⁵⁹ Там же. – С. 147.

⁶⁰ См. Доклад начальника спецпоселений НКВД СССР М. В. Кузнецова (5 сентября 1944 г.): Спецпереселенцы в СССР в 1944 году, или Год большого переселения // Отечественные архивы. – 1993. – № 5. – С. 106.

⁶¹ Вольхин А. И. Выявление и розыск органами госбезопасности Урала и Сибири изменников родины, предателей и пособников немецких оккупантов в годы

в Тюменской области были возбуждены "политические" дела против 47 немцев и калмыков, большинство калмыков обвинялось по статье 58, пунктам 1 ("измена Родине в период войны") и 10 ("антисоветская агитация и пропаганда")⁶².

Список "социально опасных" граждан также постоянно расширялся. Если к 14 августа 1944 г. на оперативном учете в УНКВД Омской области состояло 358 калмыков⁶³, то в декабре 1944 г. количество таких лиц на исследуемой территории увеличилось до 556-ти (1661 – по СССР). К началу 1948 г. на оперативном учете по СССР состояло 2559 человек. Это означало, что почти за четыре года на спецпоселении количество калмыков, подозреваемых в преступной деятельности, возросло на 54 %⁶⁴. В отсутствие контроля за деятельностью комендатур режим продолжал искать и репрессировать "враждебные элементы", произвольно корректируя состав населения.

Для второй группы спецпереселенцев – "социально неопасных" – предлагалось создавать "благоприятные условия" для трудоустройства⁶⁵. Все спецпереселенцы, не относящиеся к категории "опасных", попадали во вторую группу. В особом положении находились коммунисты и комсомольцы, не утратившие общественного статуса, который они имели до депортации, хотя они выселялись на общих основаниях, даже если имели заслуги перед государством⁶⁶. По прибытии на поселение их статус определен не был, в связи с чем возникла проблема с постановкой на учет калмыков, прибывших из других парторганизаций.

В конце января 1944 г. Омский обком ВКП(б) в ответ на запросы из районов разослал информацию, в которой говорилось, что калмыки-коммунисты должны браться на временный учет и только

Великой Отечественной войны // Урал в стратегии Второй мировой войны: материалы всерос. науч. конф., посвящ. 55-летию победы в ВОВ. – Екатеринбург, 2000. – С. 204.

⁶² ГАТО. Ф. 1103. Оп. 5. Д. 3. Л. 30, 72 об.

⁶³ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 160. Л. 63 об.

⁶⁴ Там же. Д. 366. Л. 309.

⁶⁵ Ссылка калмыков: как это было. Т. I. Кн. 1. – С. 147.

⁶⁶ См.: Выписка из партийной характеристики коммунистки-партизанки Е. И. Мукабиновой (Приложение № 11); Инструкция НКВД СССР о порядке проведения мероприятий по делу "Улусы" (1 декабря 1943 г.) // Ссылка калмыков: как это было. Т. I. Кн. 1. – С. 25.

после получения "особого указания" могут быть поставлены на постоянный партийный учет⁶⁷. К концу марта 1944 г. на территорию Омской области прибыли 226 коммунистов-калмыков (Приложение № 25). "Особое указание" было получено в конце 1944 г., поскольку с 1 января 1945 г. калмыки уже находились в составе Омской областной парторганизации (Приложение № 26). Процесс постановки на учет достаточно растянулся во времени, поскольку у многих коммунистов отсутствовали учетные карточки, которые необходимо было запрашивать в местах выселения⁶⁸.

Ситуация в комсомольских организациях, видимо, развивалась по сходному сценарию. Ф. Надь вспоминал, что сразу по прибытии на поселение несколько калмыков пришли в Исилькульский райком комсомола, чтобы стать на учет, однако вместо этого комсомольские билеты у них были изъяты⁶⁹. Первые сводные данные по областям относятся к 1 декабря 1944 г., когда на учете в комсомольских организациях Омской и Тюменской областей состояло 177 комсомольцев (21 – в Омской, 156 – в Тюменской). Всего к этому времени в СССР на спецпоселении насчитывалось 777 калмыков-комсомольцев⁷⁰.

Трудоустройство относящихся к этим социальным группам спецпереселенцев в народном хозяйстве областей имело свои особенности. Многие лица, занимавшие посты секретарей районных комитетов партии, председателей райисполкомов, уже в первые месяцы депортации назначались на управленческие должности, хотя и более низкого уровня.

К 14 августа 1944 г. среди спецпереселенцев-калмыков на территории Омской области сложилась группа руководящих советских и партийных работников: бывший зам. председателя Совнаркома, два зав. отделами обкома ВКП(б), три зав. отделами РК ВКП(б), три председателя райисполкомов⁷¹. За одним исключением все они заняли на поселении нерядовые должности. К примеру, бывший заведующий отделом Калмыцкого обкома ВКП(б) работал на поселении инструктором райкома партии, а бывший заведующий отделом

⁶⁷ Иса ОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3944. Л. 1.

⁶⁸ Там же. Л. 13, 24; Там же. Д. 3989. Л. 49, 58.

⁶⁹ *Надь Ф.* Помнит земля сибирская... – С. 8.

⁷⁰ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 176. Л. 134.

⁷¹ Там же. Д. 140. Л. 4 об.

райкома ВКП(б) – председателем колхоза. Управленческий опыт этих людей оказался востребован в ситуации острого дефицита кадров, наблюдавшегося в военное время. Были также востребованы коммунисты, имевшие производственный опыт, один из таких практиков-производственников стал заместителем директора Усть-Иртышского рыбозавода⁷².

Фиксируются случаи использования коммунистов и комсомольцев для агитации среди соплеменников, не владеющих русским языком⁷³. Бывшая спецпоселенка-калмычка П. И. Хурюмова вспоминала об особом отношении местных властей к семье депортированных партийных работников уже начиная с момента расселения на Севере: "А Зундуевым-то дали хорошую [квартиру], раз она [Мария Зундуева] партийная была. Она ж только языком и трёкала: "Я партийная! Я партийная!" <...> Мы работали, а она все [ходила,] выбивала! <...> А потом ее комендант перевел из Сатыги в Кондинск, там, дескать, привилегия им больше стала..."⁷⁴. Из воспоминаний калмыков-комсомольцев можно сделать вывод о том, что членство в ВЛКСМ содействовало карьерному росту в условиях спецпоселения⁷⁵. В то же время отмечались случаи трудоустройства рядовых коммунистов без учета специальности⁷⁶.

Но на партийных спецпереселенцев и членов ВЛКСМ распространялись все ограничения по спецпоселению, что не давало им возможности полноценно участвовать (к примеру, выезжать на партийные и комсомольские конференции) в работе структур ВЛКСМ и ВКП(б)/КПСС⁷⁷. Проведенные в 1955–1956 гг. Омским и Тюменским обкомами КПСС проверки показали, что привлечение калмыков на ответственные должности (секретарей первичных комсомольских, профсоюзных и партийных организаций) было исключительным явлением⁷⁸. Это делало спецпереселенцев неполноправными коммунистами и комсомольцами.

⁷² ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 383. Л. 113, 116, 138.

⁷³ ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 878. Л. 3 об., 4 об.

⁷⁴ Интервью с П. И. Хурюмовой (1928 г.р.) // ПМА.

⁷⁵ Натыров М. Н. Правление колхоза мне доверяло // Мы – из выселенных навечно... – С. 215; Копия письма Э. М. Павлова Г. В. Гурьяновой // ПМ АОАБР. Л. 4.

⁷⁶ Иса ОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3944. Л. 23.

⁷⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 725. Л. 75, 181.

⁷⁸ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 96. Д. 104. Л. 73–76; Иса ОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 7084. Л. 1–5.

В особую группу были фактически выделены сотрудники спецслужб. Несмотря на то что они в акте от 8 марта назывались "бывшими" и, следовательно, лишеными всех преференций, интерес власти к этой группе лиц сохранялся. В начале мая 1944 г. руководство Управления НКВД Омской области направило в Москву "список работников НКВД, НКГБ и Милиции, переселенных из бывшей Калмыцкой Республики". Важно отметить, что эти люди, несмотря на статус спецпереселенцев, не лишились своих званий и, что еще важнее, не именовались "бывшими" в списке, который насчитывал 29 сотрудников спецслужб⁷⁹.

Прибывшие партийные сотрудники НКВД и НКГБ почти все стали рядовыми рабочими и колхозниками. Исключение составили два человека. Один, бывший оперуполномоченный НКВД одного из районов Калмыцкой АССР, устроился командиром отделения пожарной охраны райотдела НКВД; второй, бывший оперуполномоченный Троицкого райотдела НКВД Калмыцкой АССР, стал комендантом на лесозаводе в Ялуторовском районе. В последнем случае спецпереселенец, видимо, надзирал за своими земляками⁸⁰. Важно отметить, что единственным, кто уже к началу мая 1944 г. трудоустроился в качестве оперуполномоченного НКВД, был член ВКП(б), до переселения также работавший оперуполномоченным, но в комиссариате госбезопасности⁸¹. Это назначение уникально тем, что человек сам, будучи репрессированным, был наделен карательными полномочиями.

Такая коллизия возникла в условиях войны, когда дефицит кадров, ввиду призыва на фронт работников ведомства, ощущался особенно остро. Чтобы устранить подобные неувязки, в августе 1944 г. Наркомат внутренних дел принял директиву "О снятии с учета спецпоселений бывших сотрудников НКГБ и НКВД", а в сентябре – инструкцию "О порядке оформления на работу бывших сотрудников НКВД–НКГБ, относящихся к переселенным национальностям". На основании этих распоряжений калмыки стали приниматься на работу в управления НКВД краев и областей. При этом с них снимался статус спецпереселенцев. Однако каждый калмык, принятый

⁷⁹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 177.

⁸⁰ ИСА ОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3944. Л. 11.

⁸¹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 177.

на службу, давал расписку в том, что он и его семья не имеют права покинуть новое место жительства⁸². По воспоминаниям репрессированных восстанавливаются два эпизода работы калмыков спецкомендантами⁸³.

Ужесточение режима спецпоселения сказалось на положении и этих групп. Отчетливо изменение режима в местах поселения мы можем видеть по сведениям о приеме в ВКП(б). Согласно данным статотчетов, первый калмык был принят в кандидаты в члены ВКП(б) уже в первом квартале 1944 г. (!). Начиная с 1948 г. прием калмыков в партийные ряды сокращается, а с 1950 г. (в Омской области с 1951 г.) – прекращается (Приложение № 27). Параллельно происходит постепенное сокращение численности калмыков в рядах парторганизаций областей (Приложение № 26). Этот процесс совпадает с пиком ужесточения режима спецпоселения. Фактически к началу 1950-х гг. начинает действовать негласный запрет на прием спецпереселенцев-калмыков в ряды ВКП(б) (Приложение № 27).

Усиление административных барьеров сказалось и на практике приема в комсомол. По результатам спецпереписи (на 1 апреля 1949 г.) на территории Омской и Тюменской областей находился 271 комсомолец-калмык (105 – в Омской; 166 – в Тюменской)⁸⁴. Стремительный рост рядов комсомольцев из числа спецпереселенцев-калмыков в Омской области (в пять раз) произошел, по всей видимости, из-за их недоучета в военные годы и растянутости во времени постановки на учет на местах, так как в Тюменской области число членов ВЛКСМ возросло всего на 10 человек⁸⁵.

Ограничения, несомненно, существовали, так как количество спецпереселенцев-калмыков, состоявших в комсомоле по всему Советскому Союзу, сократилось к тому времени до 764 человек⁸⁶. Этот запрет был более "мягким", чем в партии, и зависел от конкретных местных условий. В Тюменской области к концу 1949 г. среди спецпереселенцев всех категорий насчитывалось 488 комсомольцев, а в 1953 г. уже 1443 комсомольца⁸⁷. Вопрос о приеме в комсомол,

⁸² Зберовская Е. Л. Указ. соч. – С. 68.

⁸³ Мы – из выселенных навечно... – С. 244, 253.

⁸⁴ См.: Приложение № 2.

⁸⁵ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 484. Л. 136, 247.

⁸⁶ Там же. Д. 455. Л. 193.

⁸⁷ Там же. Д. 725. Л. 232.

как и десятилетие назад в отношении "бывших кулаков", решался в индивидуальном порядке⁸⁸.

Послевоенное ужесточение режима спецпоселения в сочетании с улучшением положения с кадрами внутри НКВД побудило ведомство Берии к постепенному отказу от услуг сотрудников калмыцкой национальности. Из структур УНКВД Красноярского края все калмыки были уволены в 1946 г. с одинаковой формулировкой: "не может занимать данную должность"⁸⁹. В других областях этот процесс затянулся до начала 1949 г.⁹⁰ В соответствии с циркуляром заместителя министра внутренних дел В. С. Рясного от 12 марта 1949 г. периферийные органы взяли калмыков-сотрудников спецслужб на спецучет снова⁹¹.

После возвращения этой группы лиц на спецпоселение перед руководством НКВД встал вопрос об их дальнейшей судьбе, так как "бывшие сотрудники МВД имели на связи агентуру и вели агентурные разработки, следовательно, им известна значительная часть агентуры среди выселенцев и спецпоселенцев, расселенных в области"⁹². В связи с этим отдел спецпоселений МВД СССР в марте 1949 г. посчитал целесообразным "выселенцев быв[ших] оперативных сотрудников МВД вместе с их семьями переселить [из Новосибирской области] на спецпоселение в Казахскую ССР"⁹³. 5 сентября 1949 г. В. С. Рясной поддержал инициативу начальника отдела спецпоселений В. В. Шияна⁹⁴. В результате калмыки, имевшие опыт работы в НКВД, после повторного выдворения на спецпоселение были вторично переселены вместе с семьями в другие области или республики СССР ввиду владения ими секретной оперативной информацией о структуре спецпоселений по месту первоначального расселения.

⁸⁸ Красильников С. А. Спецпереселенцы // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е гг.). – Новосибирск, 2007. – С. 308.

⁸⁹ Зберовская Е. Л. Указ. соч. – С. 69.

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 455. Л. 43.

⁹¹ Циркуляр заместителя министра внутренних дел СССР Рясного (12 марта 1949 г.) // Ссылка калмыков: как это было. Т. I. Кн. 1. – С. 227.

⁹² ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 455. Л. 43.

⁹³ Там же. Л. 45.

⁹⁴ Там же. Д. 456. Л. 15.

Таким образом, калмыцкий народ находился в условиях жесткого административного режима, подавлявшего любое неповиновение. При этом калмыки в условиях спецпоселения были одним из наиболее спокойных и лояльных системе "контингентов". Для выстраивания "правильной" структуры населения режим пошел на воссоединение малых семей, являвшихся нормой социалистического общества, что обеспечило снижение сопротивляемости депортантов. Побег спецпереселенцев-калмыков не являлись формой сопротивления системе, а были скорее стратегией выживания на спецпоселении. Их можно назвать формой выработки социального иммунитета спецпоселенцев к действиям власти⁹⁵. Даже в первые годы в документах не зафиксировано их реального сопротивления не только в форме вооруженной борьбы ("бандпроявлений"), но и в любом другом осознанном противодействии властям⁹⁶.

Административный надзор являлся регулятором состава населения – инструментом интервенции (проникновения) в социальную среду, обеспечивающим чистоту формируемой в ходе "общественно-полезного" труда структуры населения. Он являлся инструментом контроля за рабсилой, позволявшим отделить "вредные элементы" от "здорового ядра", сформировать социальную структуру, необходимую государству.

Спецпоселенческий социум был искусственно разделен властью на "опасных" и "неопасных". Среди "неопасных" выделялись две "социально близкие" власти группы: 1) коммунисты и комсомольцы, сохранившие членство в ВКП(б)/КПСС и ВЛКСМ, а главное – общественный статус, которым они обладали до депортации; 2) сотрудники НКВД и НКГБ – снятые со спецучета, а в отдельных случаях инкорпорированные в структуры карательных ведомств, наделенные соответствующими полномочиями и тем самым максимально приближенные (без права покидать поселение) к своему додепортационному статусу.

⁹⁵ Осокина Е. А. О социальном иммунитете, или Критический взгляд на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: мат-лы межд. науч. конф. – М., 2011. – С. 400.

⁹⁶ Руководство УНКВД Омской области сообщало: "Случаев банд-проявлений за отчетный период [I квартал 1944 г. – А. И.] не зафиксировано" // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 135.

Принадлежность к одной из "благонадежных" групп сама по себе не снимала с калмыка клейма спецпереселенца, но создавала благоприятные предпосылки для быстрой и успешной социализации. В то же время система, нацеленная на подавление любого неповиновения, могла каждого спецпереселенца фактически бесконтрольно зачислить в категорию "социально опасных" и репрессировать вторично.

4.2. Влияние режима спецпоселения на процесс социализации личности

Социализация представляет собой двуединый процесс. С одной стороны, он включает в себя усвоение индивидом определенной системы знаний, ценностей, норм, социального опыта – путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей – и в результате воздействия на него общества и его структур. С другой стороны, процесс социализации предполагает активное воспроизводство системы социальных связей через вовлечение индивида в социальную жизнь посредством деятельности.

Процесс социализации охватывает собой три сферы, в которых осуществляется становление личности: деятельность, общение, самосознание. В ходе деятельности на протяжении всего процесса социализации человек углубляет и расширяет свои возможности как субъекта деятельности, осваивая все новые ее виды⁹⁷.

Калмыки были лишены возможности выбора вида деятельности. Труд, как и любая деятельность на поселении, зачастую воспринимался личностью как нечто подневольное. Кратко, но емко охарактеризовала режим комендатуры К. Д. Насунова-Сенглеева: "Я думаю, что это была "свободная тюрьма", где жили и работали под надзором"⁹⁸.

Как уже отмечалось, труд в ссылке носил преимущественно детско-женский характер (гл. 3, п. 3.2.). Женщинам-калмычкам

⁹⁷ См.: Колочко Ю. Н., Ермилова Н. Ю., Колочко А. Ю. Понятие личности, ее структура и факторы формирования // Вестник СевКавГТУ. Сер. "Гуманитарные науки". – 2004. – № 1. – С. 60.

⁹⁸ Насунова-Сенглеева К. Д. В ссылке раскрылись лучшие черты нашего народа // Мы – из выселенных навечно... – С. 261.

и подросткам (официально использовался труд подростков 14–16 лет) приходилось осваивать новые для них виды работ только на практике⁹⁹. Как вспоминала Р. К. Урхаева: "Мы никогда деревьев не видели, как к ним подходить? Дерево упадет, нас убьет". Но уже вскоре "<...>наши мамы, сестры стали лесорубами, пилили все вручную..."¹⁰⁰

В результате произошло расширение сфер деятельности и ответственности женщины, изменение гендерных ролей в калмыцкой семье. К началу войны преобладала патриархальная модель и главой семьи был старший мужчина. На поселении традиционная сфера ответственности калмычки расширилась. Женщине приходилось нести ответственность за всех членов семьи, быть главой семьи и материально обеспечивать ее, выполняя роль, традиционно принадлежащую мужчине. Навязанный государством "гендерный контракт" превратил калмычку в работающую мать. От нее теперь требовалось исполнение как "женского природного предназначения", так и "общественно полезного" труда¹⁰¹. К примеру, Т. Т. Дюгеева к моменту воссоединения семьи с мужем в 1946 г. в лесу "<...>приобрела навыки работы на лесоповале, умела бондарничать, рыбачить, солить рыбу" и параллельно воспитывала двух племянников, потерявших родителей¹⁰². Ей вторит С. У. Эрднеева: "Всему научились: лес валить научились, дрова пилить научились и рыбачить научились. В колхозе на покосе. Зимой на скотном [дворе – А. И.], где телятницей, где дояркой, в общем на разных [работах], куда пошлют – туда и идешь"¹⁰³.

Фактором, ограничивающим способность спецпереселенцев-калмыков к трудовой социализации, были ограничения на пользование многими социальными лифтами, доступными "правовому" населению. Вот что вспоминает один из депортированных калмыков Б. А. Богаев о назначении в послевоенные годы своего

⁹⁹ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 328. Л. 1.

¹⁰⁰ Урхаева Р. К. У каждого своя Сибирь: два рассказа о депортации калмыков // Антропологический форум. – 2005. – Вып. 3. – С. 411.

¹⁰¹ Гучинова Э.-Б. М. "Я – выселенная, ты – без ноги". Депортация калмыков (1943–1956): гендерный взгляд // Acta Slavica Iaponica. – 2007. – V. 24. – P. 86–87, 90–91.

¹⁰² Дюгеева Т. Т. Не только судьбы были исковерканы, но и имена, фамилии // Мы – из выселенных навечно... – С. 253

¹⁰³ Интервью с С. У. Эрднеевой (1929 г.р.) // ПМА.

односельчанина главным бухгалтером rybартели: "Безусловно, назначение переселенца на столь высокий пост бесследным для окружающих не осталось. Нашлись такие, которые написали жалобы и начались соответствующие проверки"¹⁰⁴.

Особенно тяжело воспринимала свою неполноправность молодежь. Состоявший в комсомоле в конце 1940 – начале 1950-х гг. Э. М. Павлов в письме Г. В. Гурьяновой писал: "Своей добротой ты мне во многом помогла морально, поддерживала, и вообще девчата из Портновского¹⁰⁵ уважали меня в те годы, когда калмыцкая молодежь считалась "второсортным"<...>"¹⁰⁶

Окончивший школу на спецпоселении Ю. О. Оглаев вспоминал: "Только что закончился XIX съезд КПСС [1952 г. – А. И.] – первый после войны съезд партии, которого мы, во главе с нашим отцом, с нетерпением ждали, так как возлагали на него огромные надежды: отец был убежден, что после войны партия и лично товарищ Сталин в калмыцком вопросе разберутся и восстановят и законность, и справедливость в отношении калмыцкого народа<...>"¹⁰⁷. Но ожидания не оправдались, "<...>и мы по-прежнему оставались спецпереселенцами: обязаны были ежемесячно собственноручной подписью удостоверить свое неотлучное пребывание в установленном для нас месте ссылки; нас по-прежнему не призывали в армию, чего мы жаждали всей душой; не имели права свободного выезда за пределы ведения местной спецкомендатуры; наконец, по-прежнему мы не имели права свободного поступления в вузы<...>"¹⁰⁸.

В результате, даже обладая необходимыми умениями и навыками, калмыки не могли полностью их реализовать. Ограничителем здесь выступал статус спецпереселенца.

В сфере общения социализация также носит характер расширения и умножения контактов, связей личности с другими людьми. Однако прибывшие калмыки оказались в совершенно иной этнокультурной среде. Налаживание контактов с местным населением первоначально осложнялось тем, что среди сибиряков

¹⁰⁴ *Богаев Б. А.* Забвению неподвластно. – Элиста, 2009. – С. 172–173.

¹⁰⁵ Вероятно, коллеги по портняжному делу.

¹⁰⁶ Копия письма Э. М. Павлова Г. В. Гурьяновой // ПМ АОАБР. Л. 3.

¹⁰⁷ *Оглаев Ю. О.* Указ. соч. – С. 216.

¹⁰⁸ Там же.

распространился миф о людоедах. Спецпереселенец-калмык Борис Пахомкин, размещенный в с. Сыропятка Кормиловского района, отмечал, что перед прибытием "прошел слух, что везут выселенцев калмыков-людоедов"¹⁰⁹. Аналогичные слухи распускались на ст. Коломзино¹¹⁰. Эта небылица была распространена не только среди "правового" населения, но и среди ссыльных: "Население здесь было из бывших русских кулаков. В начале они к нам относились с опаской. Слышали, что мы людоеды, и они своих детей долго не выпускали, а нас к своему дому близко не подпускали"¹¹¹.

Миф распространился повсеместно, в том числе и на Крайнем Севере. А. Ф. Хозяинова, коми по национальности, работавшая в оленеводстве в районе Яр-Сале, а потом в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого округа, вспоминала, что в первые послевоенные годы "все говорили: "к нам известие пришло, что какие-то люди черные приехали, они, говорят, людей едят"¹¹². Повсеместность распространения "людоедских слухов" позволила Э.-Б. М. Гучиновой выдвинуть предположение о том, что они "сознательно или подсознательно" использовались спецслужбами, осуществлявшими депортацию, чтобы исключить калмыков не только из "правового поля", но и из человеческого сообщества в целом¹¹³.

Между тем из документации НКВД можно сделать вывод о том, что ведомство предпринимало определенные шаги для борьбы с этими слухами. Так, в начале марта 1944 г. руководство УНКВД Омской области потребовало от начальника Москаленского районного отдела "немедленно установить лиц, распространяющих провокационные слухи и привлечь их к ответственности"¹¹⁴. Стоит принять во внимание также тот факт, что подобные слухи распускались не только про калмыков. Так, в беседе с нами бывшая спецпоселенка-немка В. А. Сузи (Витманн) вспоминала, что первое время местные жители считали переселенцев людьми "с рогами", потому что сибирякам "так говорили"¹¹⁵.

¹⁰⁹ Пахомкин Б. Боялись нас не только вначале... – С. 2.

¹¹⁰ Бадьминова А. С. Указ. соч. – С. 194.

¹¹¹ Дюгеева Т. Т. Указ. соч. – С. 253.

¹¹² Интервью с А. Ф. Хозяиновой (1925 г.р.) // ПМА.

¹¹³ Гучинова Э.-Б. М. Помнить нельзя забыть... – С. 100.

¹¹⁴ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 68.

¹¹⁵ Интервью с В. А. Сузи (Витманн) (1927 г.р.) // ПМА.

Поэтому, с нашей точки зрения, "людоедские слухи" необходимо рассматривать как инвариант реакции озлобленного войной общества на всё чуждое и неизвестное. Это подтверждается и тем, что вскоре после прибытия на поселение сибиряки "поняли, что мы [т.е. калмыки – А. И.] достойны сочувствия и помощи"¹¹⁶. Отношение местного населения к калмыкам было в большинстве случаев дождевательным¹¹⁷.

Ключевым вопросом для адаптации любой этнической группы в условиях спецпоселения становилась этика поведения, выработанная ее представителями по отношению к власти. При контактах с государственными органами калмыки выработали одну из наиболее конформистских стратегий поведения. Об этом свидетельствуют материалы "карательной" статистики. Для этой группы "спецконтингента" был малохарактерен такой вид активного протеста, как побег (см. гл. 4, п. 3.1).

Наиболее распространенной разновидностью протеста стали "письма во власть". Такие обращения были как индивидуальными¹¹⁸, так и коллективными¹¹⁹. При этом не шло речи о так называемых "волынках" (коллективных отказах от работы), даже в своих жалобах калмыки обосновывали необходимость помощи государственными интересами, поскольку считали, что их наказала собственная власть, которая "ошибочно" выселила целый народ¹²⁰.

Совершенно по-иному реагировали на репрессии со стороны государства, к примеру, спецпереселенцы-оуновцы, побеговая активность которых была многократно сильнее, чем у калмыков¹²¹,

¹¹⁶ Дюгеева Т. Т. Указ. соч. – С. 254.

¹¹⁷ См.: Боваев В. Нашли поддержку, чтобы пойти в жизнь // Нива (Кормиловка). – 1990. – 7 июля; Зверева Н. И детство с горечью полыни // Крестьянское слово (Омск). – 1991. – 3 сентября; Овишинова Т. Калмыки с русскими дружили // Омская правда. – 1991. – 9 октября; Гильденбранд И. Они родились в Сибири // Наша газета (Щербакуль). – 2002. – 25 сентября.

¹¹⁸ Письмо У. Д. Кекеева Председателю Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинину // Ссылка калмыков: как это было. Т. I. Кн. 1. – С. 189–190.

¹¹⁹ Под обращением-жалобой подписались 11 калмыков // ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 259. Л. 16–16 об.

¹²⁰ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 259. Л. 16.

¹²¹ См. гл. 4, п. 4.1.

или спецпереселенцы-ИПХ – поголовно отказывавшиеся работать на советскую власть¹²².

Объяснить столь существенные различия в поведенческих установках у отдельных групп "спецконтингента", обладающих общим спецпоселенческим статусом, достаточно просто. Дело в том, что калмыки являлись народом, органично вписанным в пирамиду советских национальностей: саму государственность в форме автономной республики (Калмыцкой АССР) предоставила им советская власть. Поэтому многие калмыки (особенно партийные, советские работники и сотрудники спецслужб) были глубоко интегрированы во властные институты и не допускали и мысли об активном сопротивлении системе.

Напротив, оуновцы представляли собой население областей Западной Украины (члены семей участников организаций украинских националистов), лишь перед войной включенное в состав СССР, впоследствии находившееся под оккупацией и имевшее опыт вооруженного сопротивления советской власти. "Истинно-православные христиане" отказывались работать по идеологическим мотивам – считая греховным трудиться на государство "анти-христа".

Более долгосрочным препятствием для социализации было незнание многими калмыками русского языка. Депортированный из с. Леман Леманского района Калмыцкой АССР С. Г. Мучиряев отмечал, что "на русском вообще никто не разговаривал <...> вот те калмыки [жившие на границе со Ставропольским краем. – А. И.] – они как-то знали русский язык, а кто в середине территории жил, тот вообще никто не знал<...>"¹²³.

В условиях депортации выросло поколение калмыцких детей, для которых первым языком стал русский. Калмыцкий язык, сдав свои функциональные позиции русскому, постепенно отошел на второй план в общественной жизни народа, а затем и в других сферах его жизнедеятельности. Русский язык стал языком выживания, условием установления нормальных отношений с местным

¹²² См.: *Иванов А. С.* "Истинно православные христиане" на спецпоселении в Ханты-Мансийском национальном округе в годы войны... – С. 147.

¹²³ Интервью с С. Г. Мучиряевым (1937 г.р.) // ПМА.

населением¹²⁴. Распоряжением правительства от 20 июня 1944 г. обучение калмыков должно было проводиться на общих основаниях на русском языке¹²⁵, при этом переселенцам не запрещалось говорить на родном¹²⁶. Расселенный в совхозе под Омском В. М. Бадмахалгаев, лишь "обжившись на новом месте и усвоив разговорную русскую речь <...> пошел в школу"¹²⁷.

Это привело к тому, что, по переписи населения 1959 г., среди калмыков, которые проживали в Калмыцкой АССР, каждый десятый назвал родным языком не калмыцкий¹²⁸. Из оставшихся в Сибири после отмены режима спецпоселения не владели национальным языком в Омской области – 25 %, а в Тюменской – 31 % калмыков (Приложение № 28).

Необходимость физического выживания потребовала от калмыков применения защитных механизмов, проявлением которых стало изменение в период депортации прежних пишедобывающих стратегий, свойственных их культуре: в рацион вошли растительные продукты, в первую очередь картофель. "Какие вещи были новые, все меняли на продукты и картошку, молоко и другое <...> собирали пшеничные колосья, сушили, мяли <...> крутили, мололи на крупу и муку. Каши варили, лепешки стряпали"¹²⁹.

Третья сфера социализации – развитие самосознания личности, формирование ее "Я-образа" – осуществляется также на протяжении всей жизни человека через его деятельность и общение в различных социальных группах, с различными личностями.

В иноэтничном окружении большинство составляли русские и представители других славянских народов, т.е. европеоиды, а калмыки, как представители монголоидной расы, при первых же контактах столкнулись с фактором внешнего приписывания к этносу

¹²⁴ Гучинова Э.-Б. М. Ритуальная жизнь калмыков на фоне Советской власти // Калмыки: перепутье 1980-х. Проблемы этнокультурного развития. – М., 1993. – С. 52.

¹²⁵ Распоряжение СНК № 13287 рс относительно обучения детей спецпереселенцев (20 июня 1944 г.) // Сталинские депортации... – С. 547.

¹²⁶ Сарнова В. В. Этническая ссылка. – С. 332.

¹²⁷ Бадмахалгаев В. М. Терпение мамы вознаградилось // Мы – из выселенных навечно... – С. 192.

¹²⁸ Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Указ. соч. – С. 263.

¹²⁹ Рукопись воспоминаний П. М. Первеева // ГАХМАО. Ф. 422. Оп. 6. Д.2. Л. 4 об.

со стороны местных жителей. Неслучайно местная жительница в Исилькульском районе Омской области, когда впервые увидела калмыков, удивленно проговорила: "Смотрите, они такие же, как мы, только нацмены"¹³⁰.

Антропологические различия играли важнейшую роль в осознании калмыками принадлежности к своей этнической общности. Именно этим можно объяснить то, что Андрей Андреевич Уланов, который после депортации попал в детский дом п. Лиственничный Ханты-Мансийского округа, всю сознательную жизнь провел в Сибири и не помнит даже своего калмыцкого имени¹³¹, считает себя калмыком, в чем уверены и все окружающие (в том числе калмыки)¹³².

Вместе с тем проблема этнической идентификации не ограничена критерием приписывания (восприятия калмыков другими), большое значение имел также внутренний выбор индивида, его самоопределение. Здесь большое значение имело то, что калмыцкое население в Сибири являлось стигматизированной группой. При депортации калмыков обвинили в пособничестве фашистам¹³³, что послужило обоснованием для выселения. В Сибири стигма была закреплена режимным статусом – депортированные стали "спецпереселенцами контингента "калмыки""¹³⁴, что среди прочего означало более низкий общественный статус в сравнении с репрессированными гражданами.

Процессы трансформации этнического сознания, происходившие в годы депортации, определили среди репрессированных две группы. Первую составляли те, кто был вывезен в Сибирь в малолетнем возрасте. Вторую составили люди, депортированные в зрелом возрасте, с уже сложившимися взглядами на мироустройство, обладавшие определенным этническим самосознанием и убеждениями¹³⁵.

¹³⁰ Натыров М. Н. Указ. соч. – С. 214.

¹³¹ В детстве его звали "Шоранг Сангаджи" (Письмо В. Б. Чимбеева К. В. Голошубиной) // семейный архив Голошубиной К. В. Л. 1.

¹³² Интервью с А. А. Улановым (1932 г.р.) // ПМА.

¹³³ Ссылка калмыков: как это было. Т. I. Кн. 1. – С. 18–19.

¹³⁴ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 484. Л. 136.

¹³⁵ Бичев Б. А. Указ. соч. – С. 322.

В тех поселениях, где представители старшего поколения были в меньшинстве, а преобладали дети и молодежь, индивиды часто принимали правильную самоидентификацию вместе с негативной оценкой своей этнической группы в целом, по причине ее стигматизации. Наглядный тому пример – воспоминания Б. А. Богаева: "<...>мы, мальчишки и девчонки, стеснялись называть себя калмыками, не возмущались, что нас из Бадмы, Санджи, Кермен превратили в Бориса, Сергея, Клару. Мы стеснялись говорить на своем родном языке, не говоря уже о том, чтобы петь и танцевать. Не скрою, нам тогда казалось, что все калмыцкое хуже, чем русское, белорусское и т. д. Мы, тогда малолетние ребята, были уверены в том, вернее, склонялись к тому, что, являясь представителями маленькой нации, имеем маленькие, крошечные, ограниченные способности, потенциал во всем"¹³⁶.

Более высокий уровень этнической компетентности и личностная зрелость позволяли представителям второй группы применять когнитивные и поведенческие стратегии, направленные на поддержание позитивной этнической идентичности. Стратегией конструирования идентичности, позволяющей сохранить позитивную самооценку и положительное отношение к своему народу, являлось, в частности, выделение внутри этноса подгруппы, которой приписывались позитивные качества. В условиях войны лучшие черты этноса ассоциировались с калмыками-фронтовиками, особенно если человек сам служил в Красной армии и воевал до депортации или его ближние родственники были на фронте. Так, уже при поселении калмыков мать Н. М. Натырова заявила солдатам: ""Наша семья никуда не поедет – мои два сына на фронте" <...> велела взять фронтовые письма братьев, показать офицеру и перевести ее слова"¹³⁷.

Именно такой прием "управления идентичностью" позволил Н. З. Гецеловой изменить отношение к собственному этносу: "Когда я стала иметь дело с комендатурой, то поняла, что я спецпереселенка и имею ограниченные права. Я стыдилась своего происхождения и своей национальности. Но не оставляли размышления: "При чем тут национальность? Ведь мои родители ничего плохого не сделали?"

¹³⁶ Бичеев Б. А. Указ. соч. – С. 210–211.

¹³⁷ Натыров Н. М. Указ. соч. – С. 212–213.

Память о погибшем на войне отце и ушедшем на фронт дяде подсказывала, что я должна ими гордиться. Они защищали Родину. Достойным делом занималась до своей смерти и мать. Придя к такому заключению, я успокоилась¹³⁸. Подвиги солдат-героев позволяли обосновать невинность сородичей, необоснованность наказания этноса в целом и сформировать позитивную самоидентификацию с ним.

Формирование положительного или отрицательного отношения к собственному народу не снимало проблему низкого социального статуса этнической группы, которая подвергалась дискриминации в связи со своей принадлежностью к категории спецпереселенцев. Поэтому индивиды прибегали к практике рекатегоризации групп¹³⁹. Со стороны калмыков она принимала "надгрупповой" характер, поскольку они стремились к объединению с группами более высокого социального уровня, чтобы восстановить додепортационный статус. Так это было в случае с калмыками-коммунистами и комсомольцами.

Для репрессированных членство в советских общественных организациях, работа, демонстрация "партийности" были доказательством верности существующему строю, которое не могли поставить под сомнение сотрудники комендатур. Эти атрибуты советского публичного дискурса служили залогом успешной социализации коммунистов и комсомольцев, их интеграции в советское правовое пространство. Неслучайно в период с 1944 по 1954 гг. в Омской и Тюменской областях в члены и кандидаты ВКП(б)/КПСС вступили 28 калмыков, причем первый из них стал кандидатом в члены ВКП (б) уже в I квартале 1944 г., т.е. в первые месяцы нахождения на спецпоселении¹⁴⁰. Э. М. Павлов писал подруге юности Г. В. Гурьяновой: "<...>я желал вступать в комсомол и в то же время знал, что нас, калмыков, власть считает "врагами народа"".

¹³⁸ Гецелова Н. З. В восемь лет я стала сиротой // Боль памяти. – Элиста, 1999. – С. 268.

¹³⁹ Стефаненко Т. Г. Индивидуальные стратегии конструирования этнической идентичности // Идентичность и толерантность: Сб. статей. – М., 2002. – С. 37.

¹⁴⁰ См. подробнее: Иванов А. С. Коммунисты-калмыки на спецпоселении (на материалах Омской и Тюменской областей) // Омский научный вестник. – 2011. – № 4 (99). – С. 21–25.

На первичном [собрании] меня приняли, из Бюро РК ВЛКСМ тогдашний первый [секретарь] Г. отверг мою кандидатуру, после этого ты обратилась ко второму Секретарю РК КПСС М., тот отнесся положительно [к] приему меня в Комсомол, видимо, потому, что он знал меня (я обшивал его семью – по Сапожному цеху). Ты добилась своего решения, и я был принят, комсомольцем ходил долго, до конца 1957 года, конечно, Комсомол дал мне многое в становлении моей жизни и росту"¹⁴¹.

В то же время принадлежность к "социально близким" власти группам (коммунистам и членам ВЛКСМ) не снимала с человека клейма спецпереселенца, что подталкивало члена дискриминируемой группы к использованию стратегии индивидуальной мобильности, которая состояла в стремлении индивида покинуть спецпоселенческий социум. Ярким примером такой попытки могут служить события, связанные с проведением в жизнь Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. "О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни"¹⁴². 16 июля 1948 г. состоялось общее собрание колхозников колхоза "Красный пахарь" Тобольского района. Собрание вынесло "общественный приговор" о выселении из пределов Тюменской области колхозника Т. От партийного актива в поддержку этого решения выступил калмык член ВКП(б) М., помощник счетовода колхоза. В своей речи он заявил: "Я поддерживаю предложение <...> о выселении Т. из пределов области"¹⁴³. В данном случае можно говорить о формировании измененной идентичности, выразившейся в том, что человек, депортированный четыре года назад, агитировал за помещение колхозника на спецпоселение, хотя и сам являлся спецпереселенцем.

Пример депортированных в Сибирь калмыков-сотрудников спецслужб показывает, что избавление от статуса спецпоселенца могло по-разному повлиять на самосознание индивида. В августе 1944 г. Наркомат внутренних дел принял директиву "О снятии

¹⁴¹ Авторские орфография и пунктуация сохранены (Копия письма Э. М. Павлова Г. В. Гурьяновой // ПМ АОАБР. Л. 2–3).

¹⁴² ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 21. Д. 163. Л. 151.

¹⁴³ Там же. Л. 152.

с учета спецпоселений бывших сотрудников НКГБ и НКВД", а в сентябре – инструкцию "О порядке оформления на работу бывших сотрудников НКВД-НКГБ, относящихся к переселенным национальностям". На основании этих распоряжений калмыки стали приниматься на работу в УНКВД краев и областей. При этом с них снимался статус спецпереселенцев.

Однако каждый принятый на службу калмык давал расписку в том, что он и его семья не имеют права покидать новое место жительства¹⁴⁴. В связи с этим интересны воспоминания Э. Х. Мутляева. Он был отозван с фронта и описал момент прибытия на спецпоселение: "С ним [конвоиром] мы прибыли в Новосибирск и направились в управление НКВД. Там мы встретили одного работника НКВД, который, к нашему удивлению оказался калмыком. Он не поздоровался с нами и даже не смотрел в нашу сторону, явно выказывая свое неудовольствие<...>"¹⁴⁵. В рассказе Э. Х. Мутляева описывается и другой эпизод, когда его другу Баазру "<...>пришла заверенная врачом телеграмма от отца, что он находится при смерти. Его отпустили навестить отца в Камский район Красноярского края. Когда Баазр прибыл на место, то оказалось, что муж его младшей сестры был комендантом, и он помог родственнику остаться около отца"¹⁴⁶.

Мы видим, что если в первом случае сотрудник НКВД фактически пошел на разрыв с представителями своего этноса, полностью ассоциируя себя с группой большинства по признаку профессиональной принадлежности, то во втором – комендант-калмык воспользовался служебным положением с целью восстановления разорванных депортацией родственных связей.

Говоря о поведенческих стратегиях, способствовавших сохранению этнического самосознания, нужно в первую очередь отметить стремление калмыков к восстановлению разорванных депортацией семей. Улучшения в жизни связывались в том числе с отысканием

¹⁴⁴ Отметим, что в соответствии с циркуляром заместителя министра внутренних дел В. С. Рясного от 12 марта 1949 г. периферийные органы взяли калмыков-сотрудников спецслужб на спецучет снова (Ссылка калмыков: как это было. Т. I. Кн. 1. – С. 227; *Зберовская Е. Л.* Указ. соч. – С. 69).

¹⁴⁵ Война, плен и депортация по воспоминаниям Э. Х. Мутляева / Авт.-сост. комментариев Б. А. Шантаев // Вестник КИГИ РАН. – 2010. – № 1. – С. 97.

¹⁴⁶ Там же. – С. 99.

родни: "Нашлись родственники, земляки-однохотонцы¹⁴⁷ <...> муж теперь стал усиленно искать дочь и двух племянниц, с которыми меня разлучили, писал во все инстанции<...>"¹⁴⁸.

Исходя из собственных интересов, способствовало воссоединению семей и государство, придавшее этому процессу централизованный характер (см. гл. 4, п. 4.1). К началу 1947 г. только на территории Омской и Тюменской областей в централизованном порядке было воссоединено 1233 семьи (более чем каждая шестая семья)¹⁴⁹. В дальнейшем заявления калмыков, желающих выехать к родственникам в другой населенный пункт, рассматривались в индивидуальном порядке. Основанием для получения разрешения на выезд (если речь не шла о воссоединении мужа и жены) теперь считались лишь болезнь и смерть трудоспособных в семье заявителя¹⁵⁰. По такой схеме в мае-июне 1948 г. в Тюменской области было выдано 12 разрешений на выезды в другие области и 25 разрешений на выезды внутри области¹⁵¹.

Мы полагаем, что власти содействовали этому процессу с целью снижения сопротивляемости депортантов (разрозненность семей являлась одной из причин побегов), а также для выстраивания "правильной" структуры населения, в основе которой лежали малые семьи, являвшиеся нормой для социалистического общества.

Подобная практика сделала возможным реализацию брачной стратегии, позволявшей создать семью с представителем своего этноса даже в условиях дисперсного расселения в Сибири. Бывали случаи, когда жених лично приезжал и забирал невесту в соседнюю область, где состоял на спецучете¹⁵², либо будущую невесту "выписывали" с Севера его родители, а по приезде молодые, только узнав друг друга, оформляли отношения¹⁵³. Кроме того, в условиях системы спецпоселений замужество было способом изменить место

¹⁴⁷ Т.е. односельчане.

¹⁴⁸ Дюгеева Т. Т. Указ. соч. – С. 254.

¹⁴⁹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 172 об.–173, 226; Там же. Д. 297. Л. 10, 98; Там же. Д. 363. Л. 28, 29 об.

¹⁵⁰ Там же. Д. 416. Л. 162.

¹⁵¹ Там же. Л. 162.

¹⁵² Амнинов А. Д. Мы рано повзрослели // Мы – из выселенных навечно ... – С. 244.

¹⁵³ Гучинова Э.-Б. "Я – выселенная, ты – без ноги". Депортация калмыков (1943–1956): гендерный взгляд // Acta Slavica Iaponica. – 2007. – V. 24. – P. 94–95.

жительства на более приемлемые варианты. Это противоречило традициям и калмыцкому представлению о браке, но в экстремальных условиях признавалось приемлемым и содействовало установлению надродовых связей.

Успешное осуществление поведенческих и когнитивных стратегий делало возможным поддержание и соблюдение калмыцких обычаев и традиций, хотя бы в той мере, которая позволялась внешними обстоятельствами. В районах выселения сформировался инвариант калмыцких обрядов цикла жизни, в котором многие субэтнические элементы не были представлены, а многие обряды соблюдались символически¹⁵⁴. А. Д. Амнинов вспоминал о ситуации на поселении после воссоединения с родственниками: "Большое значение имело то, что нас в поселении было много. Мы старались поддерживать свои традиции. Конечно, в меру возможностей. В дни калмыцких праздников, пусть даже иногда почти условно, но заглядывали друг к другу и отмечали. Одно время даже приспособились гнать калмыцкую молочную водку. Закоперщиками были моя бабушка Эренжен Парскановна и ее приятельница, мать Цагады Ункурова. Они хорошо знали свое дело, а молока хватало, так как сибирские коровы отличались высокой молочностью. Поэтому удавалось произвести популярный напиток не только на собственные нужды, но оставался он и для угощения гостей"¹⁵⁵. Постоянные контакты и речевая коммуникация с этнофорами позволяли молодежи не забывать родной язык.

В некоторых семьях сохранились предметы материальной и духовной культуры: молитвенные лампадки и бурханы. Единицам удалось сберечь рукописные произведения буддистской литературы. С. Г. Мучиряев рассказывал: "На 2-м¹⁵⁶ поселке жила – мы называли ее – "божественная бабушка". Она калмычка <...> в Кондинске ходила. А там больница была большая. И, соответственно, больных было больше калмыков<...> Она придет, молитву почитает [у постели больного], своими четками коснется его лба. И эти врачи

¹⁵⁴ Гучинова Э.-Б. Ритуальная жизнь калмыков на фоне Советской власти // Калмыки: перепутье 1980-х. Проблемы этнокультурного развития. – М., 1993. – С. 52.

¹⁵⁵ Амнинов А. Д. Указ. соч. – С. 244.

¹⁵⁶ Поселок Мало-Новый Кондинской спецкомендатуры.

не запрещали вообще. И она, как царица, ходила из палаты в палату <...> она не столько лечила, может быть, она морально поддерживала их <...> у ней было все: четки, молитвенник и Будда был <...> Из всех, из шести поселков [Кондинской спецкомендатуры], больше никого не было. Потому, что там молодухи<...>" были расселены¹⁵⁷.

Общность опыта и статуса спецпоселенцев сплотила калмыков, приведя к тому, что общекалмыцкая этническая идентичность стала доминировать над локальными формами самосознания, произошла активизация процесса этнической консолидации. Неслучайно проведенному детство в детдомах Ханты-Мансийского округа Г. М. Борликову до возвращения в Калмыкию "казалось, что все калмыки – братья", на родине же "оказалось, делятся<...>"¹⁵⁸.

Рост национального самосознания, в основе которого лежала народная трагедия, нашел выражение в песнях сибирского цикла, сочинявшихся на поселении ("О ссылке калмыков в Сибирь", "Калмыки в Сибири" и др.). Для этих произведений характерен общий социальный мотив, в них отражены не только гнев на власть, грусть о родной степи, но и надежда на торжество справедливости. Калмык показан активным борцом за собственное счастье¹⁵⁹.

В результате под влиянием старшего поколения и структурированных в новых условиях форм этнической идентичности представления о будущем связывались с возвратом в традиционную среду обитания¹⁶⁰: "Наши отцы были непробиваемы, их поколение было просто зомбировано. На родину, на родину, на родину. Для них родина – это всё", – рассказывал О. Манджиев¹⁶¹.

Таким образом, этническое самосознание не утрачивалось полностью под воздействием режима спецкомендатуры. Оно сохранялось и воспроизводилось, пусть и в латентном, деформированном виде. Индивид не был обречен на ассимиляцию с группой иноэтнического большинства или маргинализацию, так как мог использовать

¹⁵⁷ Интервью с С. Г. Мучиряевым (1937 г.р.) // ПМА.

¹⁵⁸ Борликов Г. М. Указ. соч. – С. 248.

¹⁵⁹ Биткеев Н. Ц. Судьба калмыков в фольклорных песнях сибирского цикла // Национальная политика Советского государства: репрессии против народов и проблемы их возрождения: мат-лы межд. науч. конф. – Элиста, 2003. – С. 67–68.

¹⁶⁰ См. также: Бичеев Б. А. Указ соч. – С. 322.

¹⁶¹ Цит. по: Гучинова Э.-Б. М. Помнить нельзя забыть... – С. 170.

репертуар когнитивных и поведенческих стратегий, нацеленных на формирование позитивной Я-концепции и положительного образа своей этнической группы. Успешное их осуществление делало возможным воссоздание, хотя бы в элементарной форме, калмыцкого сообщества, символическое соблюдение калмыцких традиций и обычаев, что обеспечивало индивиду поддержку ближайшего окружения и чувство уверенности в кризисной ситуации.

Вместе с тем режим комендатуры, безусловно, способствовал утрате этнического самосознания частью индивидов. После организованного отъезда калмыков из Сибири в местах поселений, как правило, остались те, кто лишился родственников в местах выселения¹⁶², либо лица, вступившие в брак с некалмыками¹⁶³, и их дети¹⁶⁴. Их воспоминания указывают на частичную или полную утрату идентификации с материнским этносом. П. М. Первеев пишет: "Когда везли, посреди вагона стояла печка железная <...> она топилась день и ночь. На ней варили чай, кипятили, а они, калмыки, – любители чай пить [выделено нами. – А. И.]"¹⁶⁵.

У детей, рожденных от смешанных браков, калмыцкую идентичность зачастую подменяла русская (по одному из родителей либо по иноэтничному большинству). Т. А. Зуева (Корсикова) вспоминает: "Когда я была помладше, я как-то этим [своим калмыцким происхождением. – А. И.] не интересовалась, стеснялась даже этого, а потом по телевизору один раз увидела. Интересно культуру посмотреть: как они танцуют, как они поют. Отец нас не учил разговаривать [по-калмыцки] вообще, вообще ни одному слову. И никогда не говорил нам [по-калмыцки]. Иногда спрашивали: "Пап, ну ты это [расскажи]...", – ничего не говорил. [Говорил]: "Мать у вас русская – говорите по-русски" <...> А когда пошли паспорт получать <...>, а в свидетельстве о рождении написано: "Отец – калмык. Мать – русская". Они [паспортисты спрашивают]: "Какую национальность берете?" Я [отвечаю] – русская"¹⁶⁶. А мама нам: "Пишитесь

¹⁶² Рукопись воспоминаний С. У. Эрднеевой // ПМ АОАБР. Л. 1–2.

¹⁶³ Рукопись воспоминаний П. М. Первеева // ГАХМАО. Ф. 422. Оп. 6. Д. 2. Л. 12.

¹⁶⁴ Интервью с Т. А. Зуевой (Корсиковой) (1950 г.р.) // ПМА.

¹⁶⁵ Рукопись воспоминаний П. М. Первеева // ГАХМАО. Ф. 422. Оп. 6. Д. 2. Л. 4.

¹⁶⁶ Татьяна Александровна говорила эти слова тихо, робко и неуверенно, воспроизводя свою реакцию в тот момент.

русскими, пишите<...>. И у нас брат¹⁶⁷ всегда говорит: "У нас сестры, ну такие хорошие, но почему-то они все русские, а я один калмык"¹⁶⁸.

В целом же мы видим, что у калмыков, оставшихся добровольно в Сибири, произошло частичное либо полное выпадение из системы этнического самосознания трех ключевых звеньев (уровней):

1) уровня субъективной этнической самоидентификации "я – калмык";

2) уровня субъективной этнической идентификации (этно-групповой принадлежности) "я – мы – калмыки" (родственники, друзья, соседи);

3) уровня объективной этнотерриториальной идентификации "мы – калмыки – граждане Калмыцкой АССР".

Как полагает А. А. Шадт, исключение из системы этнического сознания этих уровней привело немецкий этнос в СССР/современной России на грань утраты этнического самосознания, так как воспитательная работа с депортированными народами велась только на четвертом уровне "этнического" подобия, уровне гражданственности "мы – граждане СССР – советский народ"¹⁶⁹.

У калмыков не произошло выпадения этих ключевых звеньев благодаря восстановлению национальной государственности и возвращению на этническую родину. Однако в Сибири ими был приобретен травмирующий опыт, последствия которого ощущаются народом по сей день¹⁷⁰.

При межэтническом взаимодействии в условиях депортации определяющее значение играла не этническая принадлежность,

¹⁶⁷ Пожалуй, именно С. А. Корсикова (брата Т. А. Зуевой) можно считать примером стойкого сохранения калмыцкой идентичности в условиях иноэтничного окружения. Проживший всю жизнь в Сибири Сергей Александрович даже сочинил стих о своей исторической родине, которой он был лишен "злою волей тирана" (Приложение № 29). Здесь, вероятнее всего, можно говорить о формировании этничности "от противного".

¹⁶⁸ Интервью с Т. А. Зуевой (Корсиковой) (1950 г.р.) // ПМА.

¹⁶⁹ Шадт А. А. Кризис самоидентификации: этническое сознание и самосознание депортированных народов (1940–1950 гг.) // Американские исследования в Сибири. Вып. 7. "Мир и общество в ситуации фронта": мат-лы всерос. науч. конф. 14–16 апреля 2003 г. – Томск, 2003. – С. 236, 241.

¹⁷⁰ Намруева Л. В. Как калмыки знают свой язык // Социс. – 2010. – № 4. – С. 139.

а статус личности, ее принадлежность к спецпоселенческому социуму: "Жили здесь [в подсобном хозяйстве спецторга МВД Тюменской области. – А. И.] около сорока семей калмыков, семей десять немцев и только одна русская семья. Таким образом, все переселенцы были равны в своем положении – спецпереселенцы. И жили дружно"¹⁷¹.

Депортация и спецпоселение нанесли глубокую травму каждому спецпереселенцу. Поэтому в этническом сознании калмыков годы, проведенные на спецпоселении, ассоциируются с геноцидом, попыткой уничтожить народ, а множество индивидуальных травм переросли в одну – коллективную депортационную травму, проявления которой заметны и в сочинениях современных школьников-калмыков¹⁷².

Вынужденный характер социализации понизил адаптивные способности личности к иной этнокультурной и природно-хозяйственной среде, привел в этот период к огромным демографическим потерям. Согласно современным историко-демографическим исследованиям, общие демографические потери калмыцкого народа в период депортации составляют не менее 40 % от общей численности¹⁷³. Высокая смертность и низкая рождаемость на поселении (смертность превосходила рождаемость с момента завоза до 1 октября 1948 г. в 6,1 раза¹⁷⁴) в сочетании с дисперсностью расселения создавали угрозу самому существованию этноса. Почти 3000 умерших за год нахождения на поселении на исследуемой территории – более чем каждый 10-й от числа депортированных (Приложение № 16).

В обыденном сознании режим спецпоселения ассоциируется с бесчисленными человеческими жертвами и ежемесячными отметками в комендатуре, унижавшими человеческое достоинство каждого спецпоселенца. Но в повседневной жизни формы и проявления

¹⁷¹ Амнинов А. Д. Указ. соч. – С. 243.

¹⁷² Батырева К. Сочинение о депортации // Память в наследство. Депортация калмыков в школьных сочинениях. – СПб., 2005. – С. 74.

¹⁷³ Авлиев В. Н. Указ соч. – С. 116; Максимов К. Н. Очирова Н. Г. Таванец С. Калмыкия и калмыки в годы трудного лихолетья // Они сражались за Родину. Представители репрессированных народов на фронтах Великой Отечественной войны. Книга-хроника. – М., 2005. – С. 137.

¹⁷⁴ Земсков В. Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные. Статистико-географический аспект // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 163.

(явные и скрытые) ограничений, порожденных спецрежимом, были очень разнообразны. Свидетельством тому рассказ о замужестве поселенки-калмычки П. И. Хурюмовой: "Мы вот с мужем первый раз расписались, 1953 год был. Мы с ним расписались и моя фамилия [стала – А. И.] Смирных. Через неделю нас вызывают в [сельский] Совет. А зачем вызывают? Не знаем! Приходим мы в Совет <...> Они [советские работники – А. И.] говорят: "Комендант не разрешил!" Костя-то [муж – А. И.] уже был вольный, они уже освобожденные были. "А она, – говорят, – убежит, раз фамилия Смирных". [Нам предложили:] "Давайте мы вас снова на разные фамилии". Он, как Смирных, а я – Хурюмова. [Мы говорим:] "Ну давайте". И вот так я и осталась – Хурюмова. Мне даже в трудовой [книжке] сначала Нина Ивановна Чернявская зачеркнула фамилию [девичью], написала Смирных, потом опять снова на Хурюмову [исправила]. Чтобы только я не убежала! А куда я побегу?"¹⁷⁵ (см. Приложение № 30) В другой этнически смешанной семье – ханты М. П. Шиянова и калмычки М. Э. Санджеевой, брак которых был заключен в условиях спецпоселения, – супруги были так же записаны на разные фамилии (Приложение № 31).

Существование дискриминации и негативные последствия депортации были официально признаны вскоре после снятия ограничений по спецпоселению. В проекте постановления правительства "О восстановлении национальной автономии калмыков, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей" говорилось о том, что выселение народов имело следствием "невыдвижение названных групп населения на руководящую работу; малый прием в высшие и средние специальные учебные заведения"¹⁷⁶; использование

¹⁷⁵ Интервью с П. И. Хурюмовой (1928 г.р.) // ПМА.

¹⁷⁶ К 1 апреля 1949 г. к категории учащихся высших и средних специальных учебных заведений были отнесены 164 калмыка (107 – в Омской области; 57 – в Тюменской области) (см. Приложение № 2). Ужесточение режима спецпоселения отрицательно сказалось на степени доступности образования. В 1955 г. в школах Омской области училось более 5500 детей-спецпереселенцев (всех категорий), в то время как в техникумах – 216, в вузах – 124 человека (ИсА ОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 6940. Л. 5). К началу 1956/1957 учебного года в средних специальных учебных заведениях Омской области обучалось всего три калмыка (ИсА ОО. Ф. 437. Оп. 24. Д. 204. Л. 245). Авторы "советской" истории Калмыкии установили, что как минимум четыре калмыка окончили вузы Омска, причем один из них в 1948 г. Один

не по назначению в производственной сфере; неграмотность¹⁷⁷¹⁷⁸.

Исследование показало, что социализация калмыков проходила под влиянием особого режима комендатуры и сопровождалась двумя взаимодополняющими друг друга процессами: десоциализацией и ресоциализацией. Принудительный характер переселения и пребывание в условиях режима спецпоселения превращали десоциализацию в процесс полного отказа от старых ценностей и норм, разрушения традиционной калмыцкой семьи при адаптации к новым условиям. В ходе ресоциализации происходила выработка стратегий выживания и сохранения этнической идентичности. Вынужденный характер социализации в условиях спецпоселения, хотя и не привел к тотальной маргинализации калмыцкого населения (режим не ставил такой цели), но явным образом способствовал появлению чувства неполноценности, сбоев в ценностных установках, чувствах и самоидентификации у отдельных представителей репрессированного народа.

калмык работал в Омском пединституте (Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. – М., 1970. – С. 330–332). По данным А. Некрича, калмык защитил кандидатскую в Омске (Некрич А. Наказанные народы // Нева. – 1993. – № 10. – С. 265).

¹⁷⁷ По данным переписи 1939 г., общий уровень грамотности у калмыков составлял 58,7 %, а в возрастной группе от 9 до 49 лет – 72,1 %. Доля калмыков со средним школьным образованием – 2,6 %, с высшим образованием – 0,2 % (Максимов К. Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. – М., 2007. – С. 34–35). Спецперепись 1949 г. показала уровень грамотности взрослого калмыцкого населения. На территории Омской области: с высшим образованием – 29 человек (0,5 %), со средним – 245 (4 %), с начальным – 3101 (50,3 %), неграмотных – 2796 (45,3 %). В Тюменской области: с высшим образованием – 12 человек (0,2 %), со средним – 153 (2,4 %), с начальным – 4543 (71,2 %), неграмотных – 1676 (26,3 %) (см. Приложение № 2). По СССР: с высшим образованием – 201 человек (0,4 %), со средним – 1367 (2,8 %), с начальным – 28 020 (57,6 %). Эти показатели, в сравнении с показателями грамотности населения РСФСР (98,5 %), были достаточно низкими. Среди калмыков (по СССР) было в 2,5 раза меньше лиц с высшим образованием, чем по РСФСР (История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 т. – Элиста, 2009. – Т. 2. – С. 608). Депортация отбросила образовательный уровень к показателям конца 1930-х гг. Среди вернувшихся на территорию Калмыцкой АССР (к началу 1959 г.) калмыков насчитывалось 1332 человека (2,1 %) с высшим и средним образованием (Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. – С. 455).

¹⁷⁸ Из проекта "О восстановлении национальной автономии калмыков, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей" на имя А. И. Микояна (16 октября 1956 г.) // "По решению Правительства Союза ССР..." – С. 747.

4.3. Возвращение калмыков на родину: взгляд из Сибири

Смерть И. В. Сталина изменила общественно-политическую обстановку в стране. После публикации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. "Об амнистии" стало увеличиваться количество жалоб и заявлений, поступающих от спецпереселенцев в партийные и советские инстанции: в 1952 г. поступило 70 717 жалоб и заявлений; в 1954 г. – 130 582.

Из 32 000 заявлений, поступивших от спецпоселенцев в I квартале 1955 г., 75 % являлись ходатайствами о снятии ограничений по спецпоселению. Так, коммунист-фронтовик Л. Б. Кирсанов, находившийся на поселении в Омской области, просил: "Настал момент положить конец ограничениям, наложенным на калмыков в свое время. Во время войны, может быть, это было необходимо и целесообразно, но сейчас они не нужны..."¹⁷⁹.

Первым серьезным шагом, направленным на ослабление и снятие ограничений по спецпоселению, стало принятие 5 июля 1954 г. постановления Совета Министров СССР "О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев". Правительство учитывая, что "<...>основная масса спецпоселенцев <...> будучи трудоустроена в сельском хозяйстве и промышленности, включилась в хозяйственную и культурную жизнь и обособилась в новых местах жительства<...>" решило отменить часть ограничений по поселению¹⁸⁰. Режим смягчался¹⁸¹: калмыки получили право на перемещение в пределах областей проживания, а по служебным командировкам – в любой пункт страны. Явка на отметку в комендатуру устанавливалась раз в год, штраф и арест, как меры наказания за нарушение режима спецпоселения, отменялись. Тем самым признавалось, что большинство депортированных следовало указаниям государства.

¹⁷⁹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 896. Л. 37.

¹⁸⁰ Реабилитация: как это было... Т. 1. – С. 158–159.

¹⁸¹ Постановление не распространялось на лиц, осужденных за особо опасные государственные преступления и направленных на поселение после отбытия наказания. На территории Омской и Тюменской областей под него не попадали более 548 человек (см. Приложение № 23).

В соответствии с этим актом снимались с учета дети спецпереселенцев до 16-летнего возраста, а также обучающиеся в учебных заведениях юноши и девушки старше 16 лет. Эта мера была в значительной мере условной, так как дети продолжали жить с родителями на поселении. При этом численность калмыков, находившихся на спецучете в Омской и Тюменской областях, сократилась за 1954 г. на 34 % (6857 человек)¹⁸².

13 июля 1954 г. был отменен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. Наказание за побег в 20 лет каторжных работ было заменено на лишение свободы до трех лет¹⁸³. Таким образом, была восстановлена существовавшая до 1948 г. мера пресечения.

Важен тот факт, что Указ ПВС от 1948 г. был отменен также в части выселения калмыцкого населения "навечно". Это говорило о том, что после смерти И. В. Сталина "политика населения" получила новый импульс и вектор развития – спецпоселенцы-калмыки были признаны доказавшими свою благонадежность людьми, которых необходимо полноценно интегрировать в институты социалистического общества по месту спецпоселения.

Осуществлению нового курса государственной политики должно было способствовать постановление ЦК КПСС от 29 июня 1955 г. "О мерах по усилению массово-политической работы среди спецпоселенцев"¹⁸⁴. С этого времени спецпереселенцы-калмыки де-факто получили возможность пользоваться активным избирательным правом, т.е. быть избранными. Теперь "лучших" людей из числа калмыцкого населения стали избирать доверенными лицами, депутатами местных (сельских и районных) советов и членами избирательных комиссий¹⁸⁵. Важно отметить, что весь период нахождения на поселении калмыки сохраняли свое пассивное избирательное право (могли избирать). Данные с мест показывают,

¹⁸² См. Приложение № 1.

¹⁸³ Указ Президиума Верховного Совета СССР об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. "Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны" // Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. I. Кн. 2. – С. 213.

¹⁸⁴ Реабилитация: как это было... Т. 1. – С. 224–227.

¹⁸⁵ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 96. Д. 104. Л. 73; Там же. Оп. 117. Д. 91. Л. 11, 24.

что уже в период выборной кампании в Верховный Совет СССР 1946 г. власти добивались максимальной явки среди спецпереселенцев¹⁸⁶. Примечательно, что в г. Тюмени один из калмыков даже подвергся нападению грабителей (вскоре пойманных), когда шел на участок, чтобы проверить наличие своей фамилии в списке для голосования¹⁸⁷. В Приложении № 32 представлен список граждан по одной из избирательных десятидворок, который позволяет утверждать, что депортанты на общих основаниях участвовали в выборах в 1940–1950-х гг.

При этом спецпереселенцы оставались группой риска, за которой власти вели усиленное агентурное наблюдение. Именно поэтому с санкции Л. П. Берии были арестованы 17 калмыков, находившиеся на оперативном учете и якобы "активизировавшие работу", направленную на срыв первых послевоенных выборов¹⁸⁸. В середине 1950-х гг., под воздействием "нового политического импульса" отдельные калмыки образцово-показательно инкорпорировались в советское публичное пространство для демонстрации своим соплеменникам новых возможностей и перспектив вольной жизни в Сибири¹⁸⁹.

10 марта 1955 г. Совмин СССР принял постановление "О выдаче спецпоселенцам паспортов"¹⁹⁰. Если ранее в паспортах, имевшихся и вновь выдаваемых калмыкам органами милиции, делалась отметка: "Действителен для проживания в данном районе или городе"¹⁹¹, то теперь паспорт был действителен в пределах всей области проживания¹⁹². Тем самым обеспечивалась свобода передвижения в пределах региона поселения, объявленная постановлением от 5 июля 1954 г.

¹⁸⁶ ГАСПИТО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 321. Л. 1 об., 9 об.

¹⁸⁷ Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 695. Л. 8.

¹⁸⁸ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 298.

¹⁸⁹ См. например: Постановление бюро Тюменского обкома КПСС от 16 августа 1955 г., с призывом к районным властям "отрешиться от неправильного и вредного взгляда на спецпоселенцев как на людей "второго сорта"" (ГАСПИТО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 791. Л. 9-11).

¹⁹⁰ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 550. Л. 52 об.

¹⁹¹ Положение о районных и поселковых спецкомендатурах НКВД с указанием прав и обязанностей спецпереселенцев (7 февраля 1944 г.) // История сталинского Гулага... Т. 5. – С. 402.

¹⁹² ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 550. Л. 52 об.

В соответствии с распоряжением Правительства СССР от 23 марта 1955 г. на действительную воинскую службу с 1955 г. стали призывать калмыков, родившихся после 1936 г. Призывники снимались с учета спецпоселения¹⁹³. Этот документ положил начало снятию со спецучета отдельных групп совершеннолетних граждан. 9 мая 1955 г. было принято постановление Президиума ЦК КПСС "О снятии ограничений в правовом положении с членов и кандидатов в члены КПСС и их семей, находящихся на спецпоселении"¹⁹⁴. К этому моменту в Омской области находились 146, а в Тюменской – 74 коммуниста (Приложение № 26).

По постановлению Совмина СССР от 24 ноября 1955 г. освобождению со спецпоселения подлежали следующие группы граждан: участники Великой Отечественной войны и лица, награжденные орденами и медалями СССР; женщины, вступившие в брак с местными жителями, а также женщины русской, украинской и других национальностей, выселенные вместе с калмыками "по признакам супружеских отношений", которые позднее прекратились; одинокие инвалиды, которые не могут обеспечить свое существование; члены семей погибших на фронтах войны; преподаватели учебных заведений¹⁹⁵. Чтобы понять, о каком количестве снимаемых со спецучета идет речь, необходимо учесть, что к 1 апреля 1949 г. на поселении в Омской и Тюменской областях находилось 815 человек, служивших в Красной армии, и 53 женщины некалмыцкой национальности¹⁹⁶. Кроме того, на 1 января 1952 г. насчитывалось 232 неработающих инвалида: 83 – в Омской, 149 – в Тюменской области¹⁹⁷. Если мы прибавим к снятым со спецпоселения по постановлению от 24 ноября еще призванных в армию и снятых с учета коммунистов вместе с семьями, то получим объяснение сокращению численности "калмыцкой ссылки" за 1955 г.

¹⁹³ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 550. Л. 155 об.

¹⁹⁴ Реабилитация: как это было... Т. 1. – С. 216.

¹⁹⁵ Земсков В. Н. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных (1954–1960 гг.) // Социологические исследования. – 1991. – № 1. – С. 10.

¹⁹⁶ См. Приложение № 2.

¹⁹⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 597. Л. 8.

на 964 человека¹⁹⁸. К 1 января 1956 г. на спецучете состояли: в Омской области – 6163, в Тюменской – 6153 человека¹⁹⁹.

Это подтверждает мнение авторов, полагающих, что освобождение депортированных народов (в т.ч. калмыков) из спецпоселения стало следствием реализации нового политического курса партии, а отнюдь не прямым результатом доклада Н. С. Хрущева "О культе личности и его последствиях" (25 февраля 1956 г.)²⁰⁰. В скором времени Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 марта 1956 г. "О снятии ограничений в правовом положении калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении" калмыки были сняты с учета спецпоселения и освобождены из-под административного надзора органов МВД²⁰¹. При этом вторым пунктом разъяснялось, что "снятие с калмыков ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены"²⁰². Отныне калмыки именовались "бывшие спецпереселенцы-калмыки"²⁰³ либо "калмыцкое население"²⁰⁴.

После снятия ограничений по спецпоселению Омский и Тюменский обкомы КПСС обязывались провести работу по закреплению калмыков в местах настоящего жительства²⁰⁵. Стремление к сохранению бывших спецпереселенцев в местах спецпоселения не было случайным, так как они являлись трудовым ресурсом, обеспечивающим функционирование хозяйственных организаций регионов-реципиентов.

Фактически стихийное переселение началось сразу после того, как известие о снятии со спецпоселения достигло отдаленных

¹⁹⁸ См. Приложение № 1.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Ханья С. Секретный доклад Н. С. Хрущева и восстановление автономных территорий в 1957 г. // Acta Slavica Iaponica. – 2005. – V. 22. – P. 145.

²⁰¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 567. Л. 298.

²⁰² Там же.

²⁰³ ГАСПИТО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 791. Л. 10.

²⁰⁴ Там же. Ф. 124. Оп. 96. Д. 104. Л. 73–74.

²⁰⁵ Постановление Президиума ЦК КПСС "О снятии ограничений по спецпоселению с калмыков и членов их семей" // Ссылка калмыков: как это было. Т. I. Кн. 1. – С. 236.

районов Сибири. В начале июля 1956 г. начальник Тюменского областного управления совхозов, объясняя причины неудовлетворительного хода заготовки кормов, сетовал на недостаток рабочей силы, вызванный снятием ограничений со спецпереселенцев (молдаван, калмыков и немцев). К июлю из совхозов выехали более 300 рабочих²⁰⁶. Из Ишимского района Тюменской области к 1 августа 1956 г. выехали 50 семей калмыков "преимущественно в районы Ставропольского края"²⁰⁷.

В начале августа 1956 г. руководство КГБ Тюменской области сообщало, что ходатайство о восстановлении национальной автономии, высказанное представителями калмыцкого народа при встрече с К. Е. Ворошиловым в июле 1956 г.²⁰⁸, поддерживается калмыцкой интеллигенцией Тюменской области. Особенно сильное беспокойство у органов госбезопасности вызывало стремление выехать на родину среди калмыков "Тобольского куста", большинство которых планировали уехать уже осенью, а некоторые из них успели к тому моменту продать свои дома и другое имущество²⁰⁹.

Проверки, проведенные партийными органами в 1955–1956 гг., показали, что попытки полноценно интегрировать калмыцкое население в общественную и культурную жизнь Сибирского региона в условиях режима спецпоселения и сразу после его отмены имеют достаточно ограниченный эффект²¹⁰. С этим было связано изменение курса "политики населения", воплотившееся в постановлении Президиума ЦК КПСС от 24 ноября 1956 г., объявившем о восстановлении автономии калмыцкого народа²¹¹. В этом акте

²⁰⁶ ГАТО. Ф. 814. Оп.1. Д. 2951. Л. 47.

²⁰⁷ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 117. Д. 91. Л. 18–19.

²⁰⁸ Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Указ. соч. С. 337.

²⁰⁹ Гизатуллина Л. Ф. Депортация народов в Северо-Западную Сибирь... – С. 175–176.

²¹⁰ См.: ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 96. Д. 104. Л. 73–76.; Там же. Оп. 117. Д. 91. Л. 10–11, 15, 17–20, 24–25; Иса ОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 6940. Л. 1–6, 8–11, 21, 23–24, 28–30.

²¹¹ Объявлялось также, что выселение народов не вызывалось необходимостью и военными соображениями (Постановление Президиума ЦК КПСС "О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов" (24 ноября 1956 г.) // Ссылка калмыков: как это было. Т. I. Кн. 1. – С. 238–241).

признавались недостаточными меры по вовлечению выселенных народов в "активную производственную и общественную жизнь" в местах бывшего поселения. Партия санкционировала восстановление упраздненной автономии калмыцкого народа и организованное возвращение калмыцкого населения с целью вовлечения калмыков в социалистическое строительство на родине.

Устанавливалось, что переселение калмыцкого населения будет производиться в "организованном порядке в течение 1957–1958 гг.". Этим же актом для руководства и организации всей практической работы, связанной с переселением, вплоть до выборов руководящих советских органов, был создан Оргкомитет по вновь образованной Калмыцкой автономной области²¹². В одноименном постановлении бюро Тюменского обкома КПСС, принятом 1 декабря 1956 г., акцент был сделан на необходимости закрепления калмыков в местах поселения, предотвращении их самовольного возвращения в прежние места жительства, что соответствовало партийной установке на "оседание" в Сибири людей, интегрированных в местные структуры²¹³.

На первом заседании Оргбюро Калмыцкой областной партийной организации 19 декабря 1956 г. была образована комиссия по переселению калмыцкого населения во главе с Д. Б. Утнасуновым, председателем оргкомитета Калмыцкой области²¹⁴. На прошедшем 21 декабря 1956 г. первом заседании организационного комитета по восстановлению Калмыцкой автономной области заместителю председателя оргкомитета Л. К. Килганову поручили руководство переселенческим отделом²¹⁵.

Началась работа и в местах расселения калмыков. Уже 17 декабря 1956 г. в г. Тюмень с целью подготовки организованного выезда калмыцкого населения прибыл К. Ц. Чурбанов, член оргкомитета Калмыцкой автономной области. 19 декабря с его участием

²¹² Постановление Президиума ЦК КПСС "О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов" (24 ноября 1956 г.) // Постановление Президиума ЦК КПСС "О восстановлении... // Ссылка калмыков: как это было. Т I. Кн. 1. – С. 238–239.

²¹³ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 98. Д. 67. Л. 17–18.

²¹⁴ Протокол № 1 заседания Оргбюро Калмыцкой областной партийной организации (19 декабря 1956 г.) // Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. – С. 24.

²¹⁵ Протокол № 1 заседания Оргкомитета Калмыцкой автономной области Ставропольского края (21 декабря 1956 г.) // Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. – С. 27.

прошло совещание секретарей первичных партийных организаций г. Тюмени (присутствовало 12 человек), где работали калмыки. Присутствовавших проинформировали о цели командировки К. Ц. Чурбанова²¹⁶.

20 декабря от имени оргбюро и оргкомитета Калмыцкой автономной области был подготовлен документ "О восстановлении национальной автономии калмыцкого народа", разосланный в советские и партийные органы Сибири. Оргкомитет и оргбюро призывали "разъяснить всему калмыцкому населению порядок организованного и планомерного их переселения <...> с тем, чтобы не нанести серьезного ущерба экономике тех предприятий, колхозов и совхозов, где калмыки в данное время работают"²¹⁷. В третьем пункте документа подчеркивалась необходимость прекращения самовольного переселения в прежние места жительства²¹⁸. До районов вселения этот документ дошел уже 21 декабря 1956 г.²¹⁹.

В тот же день Тюменский облисполком разослал председателям райисполкомов предписание провести среди калмыков разъяснительную работу о порядке переселения и представить данные о калмыках, проживающих в районах области²²⁰. Тогда же для проведения разъяснительной работы в районы наибольшей концентрации калмыцкого населения были назначены ответственные из числа калмыков. В Велижанский район Тюменской области был направлен начальник планового отдела треста "Тюменьстрой" Н. Б. Мушкин²²¹, а в Ялуторовский – плановик артели механик Э. Б. Джелачинов²²². В Тюменском облисполкоме, в отделе переселения и оргнабора, уполномоченным по переселению калмыков был назначен И. Какугинов²²³, в Омской области – Д. Д. Орлов²²⁴.

²¹⁶ Докладная записка члена оргкомитета по Калмыцкой автономной области К. Ц. Чурбанова в Оргкомитет об итогах командировки в Тюменскую область по вопросу восстановления автономии калмыцкого народа (не ранее 5 января 1957 г.) // Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. – С. 57.

²¹⁷ ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 2951. Л. 257.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ АОАБР. Ф. 9Л. Оп. 2. Д. 54. Л. 27, 29–30.

²²⁰ Там же. Л. 6, 27, 34; ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 2951. Л. 248.

²²¹ ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 2951. Л. 246.

²²² Там же. Л. 247.

²²³ Там же. Д. 3105. Л. 72.

²²⁴ Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Указ. соч. – С. 358.

В период с 21 по 25 декабря 1956 г. представителями Калмобл-исполкома в г. Тюмени и районах области было проведено девять собраний, на которых присутствовали около 1000 человек²²⁵.

Подготовка к переселению уже началась, но только 9 января 1957 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ "Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР", которым статья 2 Указа от 17 марта 1956 г. в части запрещения калмыкам и членам их семей, снятым с учета спецпоселения, возвращаться в места, откуда они были выселены, была признана утратившей силу. Приказ МВД, разрешающий калмыкам прописку и проживание "в местностях, откуда они были выселены", появился 25 января 1957 г.²²⁶

Тем временем в целях лучшей организации переселения, размещения и трудоустройства калмыков по распоряжению Совмина РСФСР от 18 января 1957 г. при Оргкомитете Калмыцкой области был образован отдел переселения и оргнабора рабочей силы. Начальником отдела был назначен С-Г. М. Манджиев²²⁷, позднее его на этом посту сменил М. Харцхаев²²⁸. Отдел утвердил заявки на вагоны для переселения калмыков во II квартале 1957 г.²²⁹ 28 января 1957 г. Оргбюро калмыцкой парторганизации и Оргкомитет по Калмыцкой автономной области утвердили план переселения и трудоустройства семей калмыков на 1957–1958 гг. (Приложение № 33)²³⁰. Этот план должен был быть реализован при осуществлении переселения в два года (1957–1958 гг.).

Однако вскоре стало понятно, что установленные цифры нереалистичны. Количество переселяемых сократили на 20 %. Постановлением Совета Министров РСФСР было решено переселить на территорию Калмыцкой автономной области 8000 семей

²²⁵ Подсчитано по: Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. – С. 54–58.

²²⁶ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 580. Л. 126 об.

²²⁷ В марте был утвержден заведующим переселенческим отделом новоизбранного областного Совета (Из протокола № 1 сессии первого созыва областного Совета депутатов трудящихся Калмыцкой автономной области Ставропольского края (7 марта 1957 г.) // Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. – С. 161).

²²⁸ Лиджиева И. В. Указ. соч. – С. 92.

²²⁹ Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Указ. соч. – С. 359–360.

²³⁰ Из протокола № 7 заседания Оргкомитета по Калмыцкой автономной области (28 января 1957 г.) // Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. – С. 98, 101.

в 1957 г.²³¹ (Из Омской и Тюменской областей переселялись теперь по 1000 семей²³².) При том, что по отчетам с мест область фактически могла принять только 4021 семью²³³.

Возрождающейся Калмыцкой области в первую очередь требовались квалифицированные строители. Неслучайно в начале февраля 1957 г. Оргбюро и Оргкомитет Калмыцкой автономной области ходатайствовали о досрочном переселении 5000 молодых калмыков из сибирских областей (в том числе 660 из Омской области)²³⁴. 22 мая 1957 г. Главным управлением переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР был издан приказ, обязывающий заведующих отделами переселения Омского и Тюменского облисполкомов провести во II квартале 1957 г. оргнабор и отправку с предприятий Министерства городского и сельского строительства РСФСР указанных областей по 100 калмыков на срок не менее двух лет для работы в строительном-монтажных управлениях треста "Ставрополькрайстрой" (в Калмыцкой автономной области, г. Элиста)²³⁵. Также заинтересованные организации через Калмоблисполком направляли в сибирские области "вызовы" на интересующих их лиц²³⁶.

Уже 18 марта 1957 г., после выборов в Калмыцкий областной Совет депутатов трудящихся, был составлен список уполномоченных облисполкома, командированных для набора молодых

²³¹ Постановление Совета Министров РСФСР № 58 "О мерах помощи Калмыцкой автономной области Ставропольского края" (22 февраля 1957 г.) // Там же. – С. 136.

²³² Справка отдела переселения и оргнабора рабочих Калмоблисполкома о размещении и трудоустройстве возвращающегося калмыцкого населения (не ранее 16 апреля 1957 г.) // Там же. – С. 183.

²³³ Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Указ. соч. – С. 365.

²³⁴ Ходатайство Оргбюро Калмыцкой партийной организации и Оргкомитета по Калмыцкой автономной области в Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР о досрочном переселении 5 тысяч молодых калмыков из краев и областей Сибири (6 февраля 1957 г.) // Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. – С. 110.

²³⁵ Приказ Главного управления переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР об отправке в Калмыцкую автономную область 700 рабочих калмыков (22 мая 1957 г.) // Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. – С. 206.

²³⁶ Так был вызван А. Хангоров, проживающий в Полтавском районе Омской области (Заявка Калмыцкого областного управления связи в Калмоблисполком о вызове специалистов для работы в Управлении (2 апреля 1957 г.) // Там же. – С. 178).

специалистов, работающих в сибирских регионах. В Омскую область были направлены заведующий отделом облисполкома Дорджи Андраев, а в Тюменскую – ответственный работник Элистинского горкома партии Сангаджи Сергеев²³⁷. Основная цель их командировки – пресечение "беспланового" выезда калмыков²³⁸. Всем уполномоченным Калмоблисполкома выдавалось специальное удостоверение. В нем содержалась просьба ко всем партийным и советским организациям оказывать работнику содействие в выполнении возложенного на него задания по переселению калмыков²³⁹.

Облисполкомом была также утверждена "Инструкция о порядке переселения калмыцкого населения из Сибири в родные места"²⁴⁰. Этой инструкцией определялся общий порядок выезда: переселять предполагалось "только целым районом", в первую очередь (в апреле) из мест, прилегающих к железнодорожным станциям; перевозка репатриантов к станциям отправления и водным пристаням производилась местными хозяйственными организациями за собственный счет; стоимость вагона и проездные билеты оплачивали сами отъезжающие семьи.

Справки на право выезда полагалось выдавать только после составления списков отъезжающих на родину в 1958 г.; в тех местах, где невозможна была реализация жилых домов отъезжающих, предписывалось, по договоренности с местными организациями, передавать дома хозяйственным организациям по акту передачи; при расчете (по месту работы) переселенцам рекомендовалось обязательно брать справки о работе, трудовую книжку и характеристику (в колхозах и МТС – справки о произведенном расчете по оплате труда); уполномоченные Калмоблисполкома должны были добиваться выдачи документов пенсионерам; всех переселенцев полагалось подвергнуть санобработке на станциях отправления;

²³⁷ Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Указ. соч. – С. 358.

²³⁸ Справка отдела переселения и оргнабора рабочих Калмоблисполкома о размещении и трудоустройстве возвращающегося калмыцкого населения (не ранее 16 апреля 1957 г.) // Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. – С. 183.

²³⁹ Удостоверение уполномоченного Калмоблисполкома Д. Б. Болдырева // Там же. – С. 205.

²⁴⁰ Инструкция Калмоблисполкома о порядке переселения калмыцкого населения из Сибири в родные места // Там же. – С. 41–42.

формирование эшелона для отправки можно было начать уже во второй половине марта 1957 г. – фактически немедленно²⁴¹.

Представители Калмоблисполкома в областях поселения, а при их отсутствии – председатели местных райисполкомов производили выдачу возвращающимся семьям справок на право выезда. После выдачи пропуска выезжающим семьям лица, его выдававшие, отправляли контрольные талоны в Элисту, в Калмоблисполком²⁴². Эта справка являлась документом, разрешающим возвращение калмыцких семей в течение 1957–1959 гг. на территорию Калмыцкой области и дающим право пользоваться льготами, установленными правительством. Каждая семья должна была вселяться только в тот колхоз или совхоз, который был указан в справке²⁴³.

Плановое переселение калмыцких семей началось в конце марта – начале апреля 1957 г. (в 1958 и 1959 гг. датой начала переселения являлось 15 апреля) и должно было завершиться в декабре 1959 г. Производилось оно в организованном порядке²⁴⁴. После начала массовой выдачи пропусков на выезд выяснилось, что желающих покинуть Сибирь оказалось гораздо больше предусмотренных плановых цифр. Они были превышены (Приложение № 34). Примерно 4000 человек за четыре месяца официально получили разрешение на выезд из Омской области, где к тому времени находилось около 10 000 калмыков.

К тому же многие выезжали без пропусков. С целью пресечения подобных фактов МВД РСФСР директивой от 22 апреля 1957 г. "предложило" всем начальникам городских и районных отделов милиции запретить работникам паспортного стола выписывать специальные пропуска впредь до особого распоряжения²⁴⁵. Таким образом, максимально затруднялось внеплановое (стихийное) переселение.

²⁴¹ Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. – С. 41–42.

²⁴² Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Указ. соч. – С. 362; Докладная записка уполномоченного Калмоблисполкома Г. Ц. Цеденова об организации переселения на родину калмыков из Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов Тюменской области // Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. – С. 280.

²⁴³ Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Указ. соч. – С. 361.

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Там же. – С. 360.

Усилия местных властей в период организованного переселения были направлены на то, чтобы трудоспособные калмыки оставались на рабочих местах. В Микояновском районе в связи с выездом колхозников-калмыков сложилась тяжелая обстановка с рабочей силой. В районе из 450 трудоспособных колхозников 135 были калмыками. Отъезд калмыков оставлял животноводческие фермы без рабочей силы. Так, в сельхозартели им. Чкалова из 56 трудоспособных выезжали 44 человека, в колхозе "Северный пахарь" из 48 работников – 24. Несмотря на "разъяснения" властей почти все калмыки-колхозники выезжали первыми пароходами, не дожидаясь очереди планового переселения²⁴⁶. Только тогда местные чиновники осознали, что в районах отсутствуют условия для развития калмыцкой культуры ввиду отсутствия необходимых пособий и кадров²⁴⁷.

Начальный этап процесса организованного переселения с территории Омской и Тюменской областей можно проследить по таблице Приложения № 35.

Уже 22 июня председатель Калмыцкого облисполкома Д. Б. Утнасунов телеграфировал в Тюмень: "Установленный [на] 1957 год план переселения вашей областью выполнен тчк просим провести массово-разъяснительную работу [в целях] прекращения бесплатного выезда [из] северных районов тчк планово сумеем принять только [с] 1958 года"²⁴⁸. Указания, рассылаемые Тюменским облисполкомом в районы, носили фактически запретительный характер: "<...>самостоятельно выезжающие без пропусков будут возвращаться обратно зпт не обеспечиваются вагонами [для] проезда [зпт] лишаются льгот так же не гарантируется жилплощадь [в] Калмыкии"²⁴⁹. Требования прекратить самовольное переселение повторялись неоднократно²⁵⁰.

Плановое переселение в 1957 г. было прекращено. Это создало некоторую неразбериху, так как остались калмыки, имевшие

²⁴⁶ ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 3105. Л. 126.

²⁴⁷ ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1799. Л. 37.

²⁴⁸ ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 3105. Л. 127.

²⁴⁹ АОАБР. Ф. 9л. Оп. 2. Д. 54. Л. 38.

²⁵⁰ Там же. Л. 40–41.

на руках пропуска, но не имевшие возможности выехать. Например, в Кондинском районе у переселенцев осталось 15 пропусков²⁵¹.

Постановлением Совета Министров РСФСР от 2 сентября 1957 г. "О мероприятиях по хозяйственному и культурно-бытовому строительству 1958 г. в Калмыцкой Автономной области Ставропольского края в связи с возвращением калмыков в область" было разрешено переселить из восточных районов страны на территорию Калмыцкой области с апреля по июнь 1958 г. 6000 семей калмыков²⁵².

В Тюменской области у переселения были свои особенности, так как регион имел в своем составе два северных округа. Всего из Тюменской области предполагалось отправить 800 семей (200 – в апреле; 100 – в мае и 500 – в июне²⁵³), в том числе из Ханты-Мансийского округа – 450 семей, из Ямало-Ненецкого – 100 семей²⁵⁴.

Из данных Приложения № 36 видно, что в южных районах области переселение происходило относительно равномерно: с января 1957 г. по март 1958 г. количество калмыков на юге области сократилось на 56 %. В то время как в северных округах калмыки выезжали значительно медленнее: в Ханты-Мансийском численность калмыцкого населения сократилась (за указанный период) на 29,6 %, в Ямало-Ненецком округе – на 13,2 %. Это означало, что выезд с Севера за собственный счет был затруднен. Именно поэтому калмыки (в соответствии с постановлением от 2 сентября 1957 г.), проживавшие в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах Тюменской области, а также инвалиды и не имевшие в составе семей трудоспособных должны были переселяться за счет государства²⁵⁵, в то время как с территории остальной Сибири калмыки

²⁵¹ ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 3105. Л. 133.

²⁵² Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. – С. 242; *Борисенко И.* Как калмыки возвращались на родину // *Известия Калмыкии.* – 1997. – 19 февр. – С. 3.

²⁵³ ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 3241. Л. 13.

²⁵⁴ Там же. Л. 24.

²⁵⁵ Отдельно стояла проблема вывоза за государственный счет детей из детдомов Сибири (Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. – С. 290–291).

по-прежнему переселялись за свой счет²⁵⁶. Фактически в 1958 г. за счет выделенных государством средств (3 млн руб.) перевезли из Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов 700 семей²⁵⁷.

Специфику организации и проведения переселения мы можем представить на материалах Березовского района Ханты-Мансийского округа. С территории района в 1957 г. выехало 49 семей (169 человек), в результате к февралю 1958 г. на территории района насчитывалось 54 семьи (173 человека): из них в колхозах работали – 13, на предприятиях – 74²⁵⁸. Это означает, что калмыки выезжали только из колхозного сектора, так как организацией, в которой продолжали работать оставшиеся калмыки, был Усть-Сосьвинский рыбкомбинат. Оттуда 72 калмыков одновременно уволили только приказом директора № 50 от 23 июня 1958 г.

Главной уловкой, закреплявшей человека за предприятием, являлись "подъемные" в размере 600 руб., которые работник обязан был выплатить либо отработать перед отъездом²⁵⁹. В конце марта 1958 г. уполномоченный Калмыцкого облисполкома Г. Ц. Цеденов отмечал, что все калмыцкое население, проживающее в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах, желало выехать с открытием навигации, однако директора рыбозаводов и председатели колхозов стремились затянуть переселение калмыков "до окончания весенней путины рыбодобычи"²⁶⁰. Противодействовали выезду калмыков и руководители хозяйственных организаций южных районов. Председатель Кулаковского сельсовета Тюменского района²⁶¹

²⁵⁶ Отчет отдела переселения и оргнабора рабочих Калмоблисполкома в Главное управление переселения и оргнабора рабочих при Совете министров РСФСР об итогах переселения калмыцкого населения по состоянию на 1 августа 1957 г. (10 сентября 1957 г.) (Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. – С. 256).

²⁵⁷ Лиджиева И. В. Указ. соч. – С. 95.

²⁵⁸ АОАБР. Ф. 9л. Оп. 2. Д. 54. Л. 18, 37, 42.

²⁵⁹ Там же. Д. 24. Л. 130.

²⁶⁰ Докладная записка уполномоченного Калмоблисполкома Г. Ц. Цеденова об организации переселения на родину калмыков из Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов Тюменской области // Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. – С. 279–280.

²⁶¹ Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.). – Тюмень, 2003. – С. 158.

категорически отказался снять двух калмыков с учета, требуя от них уплаты всех денежных и натуральных налогов за 1957 г.²⁶²

Именно весной 1958 г. из поселка Совлинский Кондинского района Ханты-Мансийского округа вместе с русским мужем и двумя дочками выезжала П. И. Хурюмова, депортированная из рабочего поселка Башанты. Эти события живо запечатлелись в ее памяти: "Калмыков всех повезли бесплатно туда, на родину. Раз выслали <...> мы вас обратно бесплатно привезем. [В Сибири – А. И.] у нас и корова была и свинья была – все это продали. Картошку не успели посадить, [так как] нас 28 мая повезли в Ягодное. Там когда катер пришел – снег пошел, 28 мая. Как сейчас помню. А потом тепло стало: июнь начался. И пришел катер, нас – калмыков – погрузили и повезли нас <...> в Ханты[-Мансийск], чтоб [потом] на Иртыш [переправить]. И баржей повезли дальше. А в Тюмени нас в "телятники" опять же [как в 1944 г. – А. И.] посадили и увезли в Калмыкию. Когда мы приехали туда [в Абганерово], такой наплыв народа был! Что ты! Всех калмыков собрали. Нас пустили в коридоре спать, [так] три дня мы там прожили. Сходили в местный Совет. [Нам говорят:] "Мы вас сюда не звали! Квартир нет! Работы нет!" Может быть, работа и нашлась бы, а жить-то негде, такой наплыв народа. Там продавался один дом – 25 тысяч! А где такие деньги взять? У нас таких денег-то не было... А мы думали, [что в Калмыкии] калачи на берегах повесили нам, будем бесплатно есть.

Мы в Абганерово [были], когда приехали, а мама моя в Башанту уехала. И она там была и сказала, что "избушка наша стоит". Но тут приехала женщина, вперед нас (нас же как освободили, в 1956 году, люди, которые умно сделали, сразу на свои деньги уехали). Это [была] учительница по пению, я ее даже знала в Башанте. Она приехала и сразу наш участок купила. Если бы мы поехали сразу, [то] мы бы в свою "землянку"²⁶³ и приехали <...> С деньгами [были] люди <...> когда в Тюмени составы соединили: нас, с Сибири и сахалинских, ждали сколько дней [когда соединят]. Как соединили, [а] они ехали с деньгами, у них столько денег: они там рыбу ловили.

²⁶² Лиджиева И. В. Указ. соч. – С. 94.

²⁶³ Прим.: Полина Ивановна поясняет, что это был саманный домик.

"Мы, – говорят они, – там так хорошо жили". На Сахалине. С деньгами ехали²⁶⁴. А мы-то что? На поселке, какие деньги были?

Ну мы три дня посидели, а потом Костя говорит: "Давай, пока деньги есть, вернемся. Иначе мы тут деньги проедем и останемся". И [как раз] машина идет из Абганерово. Ну туда сели, все сгрузили и на станцию Абганерово, на железную дорогу. И уже ехали не в товарняке. Багаж сдали до Тюмени, а с Тюмени уже рекой приплыли в Устье²⁶⁵...

Мы оставили [в Сибири – А. И.] половину [дома], которая ценилась в 280 рублей. А мы ее бросили и уехали. Приехали обратно, в эту же квартиру, ее никто не занял. И купили корову-нетель, поросенка. И вот так обживать стали <...> 1958 год – уехали, а потом приехали обратно"²⁶⁶.

Данные об изменении численности калмыцкого населения на территории Тюменской области дают возможность проследить динамику выезда калмыков с территории региона (Приложение № 37). За два года организованного переселения (1957–1958 гг.) с территории Тюменской области выехало 85 % бывших спецпереселенцев. В Омской области динамика миграционного процесса была сходной, поскольку количество взрослых спецпереселенцев на 1 января 1956 г. было практически одинаковым (разница в 10 человек²⁶⁷). По итогам Всесоюзной переписи населения (к 15 января 1959 г.), на Омской земле количество калмыков составляло 1367 человек – на 17 больше, чем в Тюменской области²⁶⁸.

В соответствии с постановлением Совмина РСФСР от 12 сентября 1958 г. организованное переселение калмыков завершалось

²⁶⁴ "Зажиточность" калмыков, переселенных в 1948 г. на Сахалин, как и представления о ней, происходили, по всей видимости, от того, что "сахалинские" калмыки получали по договорам, заключавшимся при переселении, выплаты, полагавшиеся вербованным работникам. С "сибирскими" калмыками подобных соглашений (до начала 1957 г.) не заключалось, и денег, полагавшихся по договорам, они, соответственно, не получали (см. гл. 3, п. 3.1).

²⁶⁵ Так местные жители называют современный пгт Междуреченский, до 1964 г. именовавшийся Устье-Аха (Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.). – Тюмень, 2003. – С. 227).

²⁶⁶ Интервью с П. И. Хурюмовой (1928 г.р.) // ПМА.

²⁶⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 932. Л. 96, 123.

²⁶⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566а. Л. 126–132.

в 1959 г., на территорию Калмыцкой АССР предполагалось переселить 3000 семей калмыков²⁶⁹. В районы сибирских областей в начале февраля 1959 г. были направлены директивы о продолжении организованного переселения²⁷⁰. В 1959 г. из Тюменской области в организованном порядке выехали 165 семей; из Омской области – 64 семьи²⁷¹.

В местах поселения репатрианты, как правило, распродают недвижимое и движимое имущество и возвращались домой с ручным скарбом. К примеру, в эшелоне, в котором ехали 1020 калмыков из Омской области в апреле 1958 г., было только 70 голов скота²⁷². Всего калмыки, вернувшиеся на родину, привезли с собой из спецсылки в Калмыкию лишь 486 коров²⁷³.

Динамика возвращения калмыков на родину обобщена нами в сводной таблице (Приложение № 38). Из статистических данных видно, что пик миграционной активности приходится на 1957 г., когда в организованном порядке переселилась самая большая группа калмыков. В 1958 г. количество переселяемых сокращается, переселение проходит более упорядоченно, по отработанной технологии, а 1959 г. можно назвать годом "остаточного" переселения.

Разница между количеством переселившихся в организованном порядке в 1957–1959 гг. и количеством вернувшихся к 1 декабря 1959 г. показывает, что из 72 000 вернувшихся калмыков более 7000 человек переселились стихийно, преодолев административные барьеры. На исследуемой территории, после завершения организованного возвращения калмыцкого населения в родные края, осталось около 900 человек²⁷⁴.

²⁶⁹ Постановление Совета Министров РСФСР № 1067 "О мерах помощи Калмыцкой АССР" (12 сентября 1958 г.) // "По решению Правительства Союза ССР..." – С. 774.

²⁷⁰ ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 3371. Л. 23.

²⁷¹ Мантыкова О. Н. Возвращение калмыцкого народа на родину (1957–1959 гг.) // Национальная политика Советского государства: репрессии против народов и проблемы их возрождения: мат-лы межд. науч. конф. – Элиста, 2003. – С. 83.

²⁷² Докладная записка уполномоченных Калмоблисполкома Н. Ш. Чудутовой и Л. Б. Кирсанова в Калмыцкий обком партии и облисполком о ходе переселения калмыков из Омской области на родину (3 мая 1958 г.) // Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. – С. 278–279.

²⁷³ Мантыкова О. Н. Указ. соч. – С. 83.

²⁷⁴ Исходя из расчетной численности семьи в составе четырех человек.

В организованном порядке репатриация проходила с марта 1957 г. до конца 1959 г. Основная масса калмыков покинула Сибирь в 1957 г., однако первоначальное намерение властей провести переселение в два года не было исполнено ввиду: 1) отсутствия возможности принять и обустроить на территории Калмыкии и сопредельных территориях большое количество людей одновременно; 2) стремления властей районов бывшего спецпоселения удержать посредством различных административных ухищрений как можно большее количество калмыков на предприятиях и в организациях.

Конец сталинской эпохи придал вектор развития "политике населения". Вместе с начавшимся с 1954 г. процессом ослабления режима и снятия ограничений по спецпоселению с отдельных групп граждан была предпринята, как вскоре стало ясно, безуспешная попытка полноценной интеграции калмыков в производственно-хозяйственные и общественные структуры областей спецпоселения. В этот период еще до снятия со спецучета всех калмыков режимные ограничения были отменены примерно для 7000 человек. Основная масса калмыков (12 000 человек) была освобождена в марте 1956 г.

После снятия всех калмыков со спецпоселения КПСС дала установку на вовлечение бывших спецпоселенцев в социалистическое строительство в Калмыкии. Для этой цели государством был организован выезд калмыцкого населения из районов бывшего спецпоселения. Власти регионов бывшего спецпоселения получили предписание экономическими стимулами сохранить калмыков интегрированными в местные структуры.

Оценивая влияние депортации и спецпоселения на калмыцкий социум, необходимо признать, что они оказали травмирующее воздействие на этническое сознание калмыцкого народа. По нашему мнению, это связано с тем, что на спецпоселении социум был искусственно разделен на "опасных" и "неопасных", причем благонадежность в глазах власти создавала предпосылки для успешной трудовой социализации, но отнюдь не гарантировала равноправия даже представителям "социально близких" групп, так как положение человека определяло режимный статус спецпоселенца.

В свою очередь, социализация личности на спецпоселении проходила в условиях жесткого административного режима, подавлявшего любое неповиновение, и носила вынужденный характер, что привело к деформации ценностных установок и чувств и к сбою в процессе самоидентификации личности. Только учитывая это, мы сможем понять, почему калмыки сразу после снятия ограничений в массовом порядке стали покидать Сибирь, где они, несмотря на овладение новыми трудовыми навыками и обладание в основном позитивным опытом межэтнического взаимодействия, ощущали этническую неполноценность до момента возрождения национальной государственности и получения возможности принять участие в национально-государственном и культурном строительстве на родине.

Заключение

Трагические события семидесятилетней давности заставляют нас задуматься о содержании политики властей, санкционировавших депортацию и особый административный надзор за целым народом, а затем репатриацию калмыков; о влиянии принудительного переселения на этническое сознание граждан и о последствиях репрессий. Попытка ответить на эти вопросы привела нас к следующим выводам.

Мы полагаем, что причиной поголовного выселения калмыков стало стереотипное восприятие советским руководством калмыков как "больного" народонаселения, чья социальная среда "поражена вирусом бандитизма". Принадлежность к "подозрительной" национальности указывала на связь с "бандитскими элементами" и на способность человека, принадлежащего к этой категории населения, совершить преступление против советской власти. Депортация и спецпоселение калмыков избавляли все советское общество от угрозы распространения бандитизма и должны были обеспечить ликвидацию этого явления в среде калмыцкого населения, очистив его от "бандэлементов".

Сталинское государство не считало "специальные мероприятия" в отношении калмыков репрессией, указывая на то, что калмыки являются "полноправными гражданами" с некоторыми ограничениями, налагаемыми режимом спецкомендатуры¹. Калмыков, в отличие от сосланных за десятилетие до того "кулаков"², не требовалось перевоспитывать; они должны были трудом доказать свою благонадежность, непричастность к "бандэлементам".

Рассматривая политику государства в отношении калмыков с объективных позиций, мы видим в действиях властных институтов репрессии различных видов – первичную (депортация на спецпоселение) и вторичные (переселение на Север; аресты и заключение

---

¹ См.: "разъяснение" В. В. Чернышева (гл. 2, п. 2.1); Постановление СНК № 35 "О правовом положении спецпереселенцев" // 40–50-е годы: последствия депортации... – С. 125–126.

² Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. – М., 2012. – С. 96.

в лагеря и колонии). На исследуемой территории имело место сочетание двух типов спецпереселений с различными целями. При первичном переселении очевидно, что целевой установкой было, прежде всего, наказание за "разгул бандитизма" и пособничество врагу. Операция "Улусы" являлась чекистско-войсковой операцией НКВД. В результате её проведения калмыки были наказаны, превращены в этнодисперсное "нацменьшинство" – некоренное население краев и областей вселения, не имевшее собственной территории.

Утратив государственность в форме Калмыцкой АССР, этнос перестал быть "правовой" советской нацией³, стал "неблагонадежным" населением – "контингентом "калмыки"". Механизм проведения вторичного переселения говорит о том, что важнейшей составляющей политики по отношению к калмыцкому населению являлось приложение труда в определенных государством отраслях хозяйства. Спецпереселенцы-калмыки в областях поселения были трудовым ресурсом, призванным возместить острый дефицит рабочей силы, поэтому при вторичной репрессии отбор людей в северные районы Омской области производили сотрудники не отдела спецпоселений, а рыбопромышленных организаций – госрыбтрестов. При этом власть действовала по схеме, отработанной в 1941–1942 гг. на депортированных немцах и других народах.

Процесс приема и расселения депортированных калмыков имел свои особенности: бóльшую, в сравнении со спецпереселенцами-немцами, определенность статусного положения; полный отказ от поселкового принципа расселения – калмыки по плану расселялись среди "правового" населения.

В самой сущности государственной политики в отношении депортированных кроется причина огромных демографических потерь калмыцкого народа в изучаемый период. Во время нахождения на спецпоселении высокую смертность среди калмыков спровоцировало то, что центральные власти не отпустили фондов для снабжения калмыцкого населения. В свою очередь, местные органы власти и хозяйственные организации, не имея собственных ресурсов, затягивали процесс принятия на централизованное снабжение

³ Именно в этом смысле Н. Верт говорит об "этно-историческом "изъятии" (*Верт Н.* Депортации населения на российском и советском пространстве... – С. 218).

семей спецпереселенцев. Выделяемое впоследствии для бесплатной раздачи продовольствие фактически лишь компенсировало понесенные регионами затраты от принятия на снабжение нового "контингента". Социокультурные потери были обусловлены тем, что образование и культурно-просветительская работа велись на русском языке без учета национальной специфики.

В условиях спецпоселения на стабильное снабжение мог рассчитывать только человек, занимающийся "общественно полезным трудом", т.е. тем, чем приказало государство. Для самого индивида трудиться желательно было в "сильной" организации, способной обеспечивать питанием своих работников. Именно на поддержку трудоспособных фактически направлялось выделение продовольственных и промтоварных фондов, а их ещё нужно было выкупать. Параллельно государство поддерживало колхозы и совхозы, использовавшие труд спецпереселенцев, передавая им скот, полагавшийся калмыкам в качестве компенсации за утраченное при выселении имущество. В результате складывалась ситуация, когда отсутствие собственного хозяйства у колхозника-калмыка ставило его в зависимость от колхоза, выделявшего ему на заработанные трудодни продукты, а промышленного рабочего – от предприятия, работа на котором давала ему возможность выкупить продовольственные и промтоварные фонды, выделяемые правительством.

Усилия органов власти и управления были направлены на формирование социально-классовой структуры "спецконтингента", что достигалось закреплением переселенцев за конкретными организациями, использовавшими труд репрессированных. На исследуемой территории основная масса калмыков в период нахождения на поселении продолжала трудиться в колхозах, совхозах и на предприятиях рыбной промышленности – эти организации являлись основными получателями рабсилы. Количество второстепенных пользователей и количество спецпереселенцев, находящихся в их распоряжении, постоянно колебалось ввиду производственной необходимости.

Для работающего спецпереселенца труд на поселении носил принудительный характер, о чем свидетельствуют следующие признаки:

– невозможность выбора и смены места работы без санкции органов НКВД/МВД;

– целенаправленное привлечение к труду значительного количества лиц, входящих в категорию "нетрудоспособных" (престарелых, инвалидов, подростков);

– систематическая дискриминация в трудовых отношениях, прежде всего в вопросах оплаты труда;

– режимный статус, который делал спецпереселенцев уязвимыми для произвола со стороны руководителей организаций.

Один из немногих плюсов подневольного статуса состоял в невозможности уволить спецпереселенцев без предоставления другой работы. Это указывает на то, что государству в лице калмыков требовалось низкооплачиваемое, обладающее минимальными правами население, работающее там, где укажет начальство.

Спецпоселенческий социум был искусственно разделен властью на "опасных" и "неопасных". Среди "неопасных" выделялись две "социально близкие" власти группы: 1) коммунисты и комсомольцы, сохранившие членство в ВКП(б)/КПСС и ВЛКСМ, а главное – общественный статус, которым они обладали до депортации; 2) сотрудники НКВД и НКГБ – снятые со спецучета, а в отдельных случаях инкорпорированные в структуры карательных ведомств, наделенные соответствующими полномочиями и тем самым максимально приближенные (без права покидать поселение) к своему додепортационному статусу.

Практика трудоустройства представителей "социально близких" групп показывает, что власти были заинтересованы, прежде всего, в использовании труда специалистов-производственников и опытных управленцев из числа партийных работников и комсомольцев. В свою очередь, для калмыков членство в советских общественных организациях, демонстрация "партийности" служили доказательством верности существующему строю, которое не могли поставить под сомнение сотрудники комендатур. Эти атрибуты советского публичного дискурса были залогом успешной социализации коммунистов и комсомольцев, интеграции в советское правовое пространство.

Снятие со спецпоселения, инкорпорация в структуры НКВД отдельных калмыков-сотрудников спецслужб, а затем их вторичное

репрессирование показывают, что для властей отношение к "социально близким" группам и всему социуму определялось необходимостью их труда для обслуживания системы и степенью доверия к ним.

Принятые правительством меры по социально-бытовому устройству калмыков были направлены, в первую очередь, на "оседание" репрессированных в местах спецпоселений и использование их труда, поэтому власти занимались хозяйственным обустройством калмыков до той поры, пока оно оказывало влияние на трудоустройство "контингента". Забота об иждивенцах носила прикладной характер. Так, власти были озабочены строительством яслей с целью 100%-ного использования на работе женщин-калмычек. Неудивительно поэтому, что мы практически не имеем сведений о положении на поселении калмыков-инвалидов и социальном обеспечении спецпереселенцев.

В качестве регулятора состава населения, инструмента интервенции в социальную среду властями использовался административный надзор, гарантировавший проведение мероприятий государственной политики в отношении спецпереселенцев. Он включал систему гласного наблюдения, обеспечивающую поддержание режима спецпоселения, и комплекс мер по "агентурному обслуживанию", составной частью которого являлась работа с обширной сетью осведомителей, пронизывавшей спецпоселенческий социум. Кроме того, власти стремились использовать коммунистов и комсомольцев в качестве агентов влияния в среде депортированных, а некоторых бывших сотрудников спецслужб сняли со спецпоселения и привлекли к работе в НКВД/МВД как специалистов по работе с сородичами.

В результате можно утверждать, что принудительное выселение и спецпоселение были единым комплексом мер, обеспечивавшим формирование необходимого государству состава населения. Это достигалось путем жесткого предписания отраслей экономики, сфер и мест приложения "общественно-полезного" труда спецпереселенцев. При этом контроль за исполнением государственного задания осуществлялся посредством административного надзора за "спецконтингентом", который обеспечивал очищение депортированных от "антисоветских элементов" в ходе трудоустройства.

Установленные властью барьеры определяли распорядок жизни спецпереселенцев, существенно ущемляя их конституционные права. В условиях спецпоселения калмыки не имели возможности полноценно участвовать в общественной жизни, не говоря уже о развитии национальной культуры. Отсюда вытекало негативное влияние режима на спецпоселенческий социум, определявшееся несколькими факторами: 1) ограничениями, налагаемыми статусом спецпереселенца; 2) отсутствием должного контроля за правовым положением спецпоселенцев со стороны органов юстиции; 3) искусственным разделением спецпереселенцев на "опасных" и "неопасных". Все это придавало системе комендантского надзора репрессивный характер – позволяя ставить на учет и наказывать как действительных, так и мнимых противников режима.

В свою очередь, для этнического сознания травмирующее воздействие депортации определялось:

- репрессивным характером системы комендатур;
- дискриминацией в трудовых отношениях;
- невозможностью полноценного участия в общественной и культурной жизни.

К тому же депортация и нахождение на спецпоселении воспринимались людьми через призму огромных демографических потерь народа. Поэтому, несмотря на овладение новыми трудовыми навыками и, в основном, на позитивный опыт межэтнического взаимодействия, калмыки ощущали этническую неполноценность, воспринимая и сегодня период нахождения в Сибири как время геноцида (уничтожения) народа. В этнической памяти положительным результатом пребывания на спецпоселении считается главным образом только преодоление "улусизма" (локальных форм самосознания) в пользу общекалмыцкой идентичности.

После смерти И. В. Сталина политика в отношении калмыков получила новый импульс и вектор развития – было признано, что спецпоселенцы доказали свою благонадежность. Власть предприняла попытку полноценно интегрировать калмыков в институты социалистического общества по месту спецпоселения, однако травмирующий опыт депортации усиливал стремление к возвращению в родные края, а экономическими мерами можно было удержать лишь немногих. Поэтому партия санкционировала вовлечение

калмыков в национально-государственное и культурное строительство на родине. Добровольно на исследуемой территории остались менее 1000 человек, что знаменовало окончание принудительного поселения калмыков в Сибири.

Побочным эффектом "политики населения" стала "депортационная травма", которая, будучи транслируемым в коллективной памяти переживанием, породила бытующий сегодня в этническом сознании тезис о геноциде калмыцкого народа. Данный тезис воспроизводится некоторыми исследователями⁴. Обоснованием при этом служит указание на колоссальные демографические потери (40 % от общей численности), понесенные калмыками от принудительного переселения и в период нахождения на спецпоселении. На этом основании историками делается вывод о возможности квалификации государственной политики в данном вопросе термином "геноцид" в соответствии с Конвенцией ООН "О предупреждении преступления геноцида и наказании за него" (1948 г.)⁵.

На первый взгляд, депортация и спецпоселение калмыков могут подпадать под пункты "в" и "г" Конвенции ООН. Однако на сегодняшний день нет документов, подтверждающих умышленное создание тяжелых социально-бытовых условий на спецпоселении и тем более свидетельствующих о принятии специальных мер для предотвращения рождения детей у калмыков.

Ряд фактов противоречит не только тезису о геноциде, но и представлению о депортации как орудии маргинализации населения⁶: выделение правительством специальных продовольственных и промтоварных фондов; принятие органами власти актов, направленных на нормализацию материального положения репрессированных; проведение на общих основаниях идеологической и культурно-массовой работы, а также школьного и производственного обучения; сохранение калмыками-коммунистами и комсомольцами своего додепортационного статуса с возможностью вступления в партию (до начала 1950-х гг.) и ВЛКСМ (с ограничениями); предоставление

⁴ Бакаев П. Д. Указ. соч. – С. 16; Убушаев К. В. Депортация и правовая реабилитация калмыцкого народа: историко-правовые аспекты... – С. 166; Максимов К. Н. Репрессии против калмыцкого... – С. 588.

⁵ Права человека // Сб. межд. док. – М., 1986. – С. 83.

⁶ Шадт А. А. Этническая ссылка советских немцев... – С. 414.

опытным производственникам и управленцам работы в тех структурах (в т.ч. в партийно-советских органах), где их навыки были востребованы.

Результаты изучения заявленной темы позволяют нам так же не согласиться с исследователями, полагающими, что режим стремился к ассимиляции депортированных народов⁷. Мы считаем, что мероприятия государственных органов и их реализация на местах были направлены на формирование необходимого властям состава калмыцкого населения. Власть добивалась не уничтожения отличительных этнических черт калмыцкого народа, а формирования из калмыков трудового населения, очищенного от "антисоветских элементов", – его состав должен был гарантировать лояльность режиму, в частности отсутствие бандитизма как общественного явления. Неслучайно для выстраивания "правильной" структуры населения режим пошел на воссоединение малых семей, являвшихся нормой для социалистического общества. Многочисленные материалы "карательной" статистики свидетельствуют о том, что этничность на поселении являлась стандартизированной административной категорией, которой придавалось квантитативное (количественное) содержание. НКВД/МВД удалось то, к чему стремились ещё дореволюционные военные статистики и теоретики "политики населения"⁸.

Анализ комплекса проблем, порожденных депортацией и спецпоселением калмыков, позволяет говорить о том, что он решался государством в русле "политики населения", проводившейся европейскими странами и Россией начиная со второй половины XIX в. Именно тогда население впервые стало объектом политики, а власти при помощи военных статистиков конструировали, а затем типизировали группы внутри социальной сферы, каждой из которых приписывались характерные черты. Советское государство заимствовало "политику населения" с дореволюционных времен⁹, сделав национальные категории при И. В. Сталине важным элементом идентификации лиц¹⁰.

⁷ *Неймарк Н.* Пламя ненависти: этнические чистки в Европе XX века... – С. 162.

⁸ *Холквист П.* Вычислить, изъять и истребить: Статистика и политика населения... – С. 143.

⁹ Там же. – С. 139–140.

¹⁰ *Блюм А., Маспуле М.* Бюрократическая анархия: Статистика и власть... – С. 219.

В итоге политика Советского государства в отношении калмыцкого народа не являлась геноцидом в международно-правовом понимании, точно так же как не была она и актом маргинализации или ассимиляции этноса. Мы полагаем, что советской властью проводилась существенно видоизменившаяся, но в своей основе унаследованная с царских времен политика формирования состава населения. Насильственные методы проведения "специальных мероприятий" и попрание правовых норм придавали действиям государства репрессивный характер, делали их незаконными и преступными, приводя к многочисленным жертвам среди граждан и тяжелым этнокультурным потерям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Источники

1.1. Опубликованные источники

Документальные и статистические сборники, публикации документов

1. 40–50-е годы: последствия депортации народов (Свидетельствуют архивы НКВД-МВД СССР) / Сост. Н. Ф. Бугай // История СССР. – 1992. – № 1. – С. 122–143.

2. Административно-территориальное деление Омской области в 1917–2007 годах. Справочник / Сост. Г. Ю. Юрьев, Л. И. Огородникова. – Омск: Омскбланкиздат, 2008. – 247 с.

3. Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.) / Под ред. В. П. Петровой. – Тюмень: ООО ТюменьНИИГипрогаз; ФГУ ИПП Тюмень, 2003. – 304 с.

4. Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: "Их надо депортировать..." Документы, факты, комментарии / Вступ. ст., сост., предисл. Н. Бугай. – М.: Дружба народов, 1992. – 288 с.

5. История сталинского Гулага, конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собр. док. В 7 т. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР / Отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. – М.: РОССПЭН, 2004. – 822 с.

6. Как калмыки возвращались на родину / Сост. И. Борисенко // Известия Калмыкии. – 1997. – 19 февраля. – С. 3.

7. Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. I. Ссылка калмыков: как это было : сб. док. и мат-лов. Кн. 2 / Сост.: В. З. Атуева, Л. С. Бурчинова, С. А. Гладкова [и др.]. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. – 237 с.

8. Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. I. Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Восстановление автономии и реабилитация калмыцкого народа : сб. док. и мат-лов. Ч. 1. Восстановление автономии (1956–1963 гг.) / Сост.: В. З. Атуева, Л. С. Бурчинова, Г. С. Санджиева [и др.]. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. – 584 с.

9. Омская область в годы Великой Отечественной войны. – Омск, 2005. – 296 с.

10. Отечественная история государства и права: сб. док. (1929–1955 гг.). – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1993. – 134 с.

11. Права человека: сб. межд. док. / Сост. и авт. вступ. ст. Л. Н. Шестаков. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 232 с.

12. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940. В 2 кн. Кн. 2 / Отв. ред. Н. Н. Покровский, В. П. Данилов, С. А. Красильников, Л. Виола. – М.: РОССПЭН, 2006. – 1020 с.

13. "По решению правительства СССР..." (Депортация народов: док. и мат-лы) / Сост., предисл., коммент. Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 927 с.

14. Правила об очередных и дополнительных отпусках (Утверждены НКТ СССР 30 апреля 1930 г. № 169) [Электронный ресурс] / Режим доступа: (30 ноября 2011 г.): http://www.consultant.ru/document/-cons_zip_LAW_55119/. – Загл. с экрана.

15. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и др. мат-лы. В 3 т. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956 / Сост. А. Н. Артизов, Ю. В. Сергачёв, В. Г. Хлопов, И. Н. Шевчук. – М.: МФД, 2000. – 503 с.

16. Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2–3). Приказы Народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг. – М.: ТЕРРА, 1997. – 456 с.

17. Спецпереселенцы в СССР в 1944 году, или Год большого переселения / Сост. А. И. Кокурин // Отечественные архивы. – 1993. – № 5. – С. 103–111.

18. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. / Сост. С. А. Красильников, Д. Н. Нохотович, Т. Н. Осташко [и др.]. – Новосибирск: ЭКОР, 1996. – 311 с.

19. Ссылка калмыков: как это было : сб. док. и мат-лов. Т. I, кн. 1 / Сост.: П. Д. Бакаев, Н. Ф. Бугай, Л. С. Бурчинова [и др.]. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. – 264 с.

20. Сталинские депортации. 1928–1953 / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева; сост.: Н. Л. Поболь, П. М. Полян. – М.: МФД Материк, 2005. – 904 с.

21. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666) – 23 с. [Электронный ресурс] / Режим доступа: (15 июля 2013 г.): <http://>

graph.document.kremlin.ru/DownloadZip.ashx?realfile=1/644/1644521.zip&shownfile=1644521.zip. – Загл. с экрана.

Воспоминания

1. Амнинов А. Д. Мы рано повзрослели / А. Д. Амнинов // Мы – из выселенных навечно. Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.) / Сост. П. О. Годяев. – Элиста: АПП Джангар, 2003. – 464 с. – С. 241–245.

2. Бадмахалгаев В. М. Терпение мамы вознаградилось / В. М. Бадмахалгаев // Мы – из выселенных навечно. ... – С. 191–193.

3. Бадьминова А. С. Мне не дали работать учителем / А. С. Бадьминова // Мы – из выселенных навечно. ... – С. 193–194.

4. Бамбышев С. М. Сибирь я буду помнить вечно / С. М. Бамбышев // Широкий: Широкий: сб. воспоминаний воинов-калмыков, участников строительства Широковской ГЭС / Сост. и вступ. ст. Р. В. Неяченко; отв. ред. Ю. О. Оглаев; ред. С. А. Гладкова; предисл. М. П. Иванова. – Элиста: Джангар, 1994. – С. 30–31.

5. Батырева К. Сочинение о депортации / К. Батырева // Память в наследство. Депортация калмыков в школьных сочинениях / Сост.: С. И. Шевенова, Э. Б. Гучинова. – СПб., 2005. – 228 с. – С. 74–75.

6. Бачаев А. Сочинение о депортации / А. Бачаев // Память в наследство. ... – С. 97–98.

7. Боваев В. Нашли поддержку, чтобы пойти в жизнь / В. Боваев // Нива (Кормиловка). – 1990. – 7 июля. – С. 2.

8. Богаев Б. А. Забвению неподвластно / Б. А. Богаев. – Элиста: [б.и.], 2009. – 223 с.

9. Болдырев Н. К. Злое пророчество коменданта / Н. К. Болдырев // Боль памяти / сост. П. О. Годяев. – Элиста: АПП Джангар, 1999. – 352 с. – С. 91–95.

10. Болдырев Ю. С. Добрые люди не забываются // Боль памяти – Элиста, 1999. – С. 183–188.

11. Болдырева (Эрдниева) Б. Я. За что и куда нас выселяют, мы не могли понять / Б. Я. Болдырева (Эрдниева) // Мы – из выселенных навечно. ... – С. 203–204.

12. Борликов Г. М. "Знаки ранивших мгновений" / Г. М. Борликов // Мы – из выселенных навечно. ... – С. 246–249.

13. Воспоминания Э. Л. Лиджи-Горяева [Электронный ресурс]. – Режим доступа (26.04.2011 г.): http://elzabair.ru/cntnt/lmenu/proekty/zhenskie_i/lidzhigory.html. – Загл. с экрана.

14. Война, плен и депортация по воспоминаниям Э. Х. Мутляева / Авт.-сост. комментарий Б. А. Шантаев // Вестник КИГИ РАН. 2010. № 1. – С. 91–101.

15. Гецелова Н. З. В восемь лет я стала сиротой / Н. З. Гецелова // Боль памяти ... – С. 266–269.

16. Дюгеева Т. Т. Не только судьбы были исковерканы, но и имена, фамилии / Т. Т. Дюгеева // Мы – из выселенных навечно ... – С. 251–254.

17. Зверева Н. И. детство с горечью полыни / Н. И. Зверева // Крестьянское слово (Омск). – 1991. – 3 сентября. – С. 8.

18. Муев Х. Д. Комендантская работа состояла в том, чтобы унижать нас / Х. Д. Муев // Боль памяти ... – С. 263–264.

19. Надь Ф. Помнит земля сибирская... / Ф. Надь // Комсомолец Калмыкии. – 1989. – 13 августа. – С. 8.

20. Налаев Ш. М. Рабская жизнь в Широкалге / Ш. М. Налаев // Широкалга: Широкалга ... – С. 84–86.

21. Намруева Н. Л. Дети в ссылке выросли быстро / Н. Л. Намруева // Боль памяти ... – С. 189–193.

22. Насунова-Сенглеева К. Д. В ссылке раскрылись лучшие черты нашего народа / К. Д. Насунова-Сенглеева // Мы – из выселенных навечно ... – С. 259–261.

23. Натыров М. Н. Правление колхоза мне доверяло / М. Н. Натыров // Мы – из выселенных навечно ... – С. 211–216.

24. Овшинова Т. Калмыки с русскими дружили / Т. Овшинова // Омская правда. – 1991. – 9 октября. – С. 3.

25. Пахомкин Б. Боялись нас не только вначале / Б. Пахомкин // Омская правда. – 1994. – 2 марта. – С. 2.

26. Саряева Р. Г. Жизнь и судьба прабабушки Цаган / Р. Г. Саряева // Мы – из выселенных навечно ... – С. 226–229.

27. Спецпереселенцы / Сост. Л. В. Набокова. – Югра. – 2003. – № 4. – С. 44–47.

28. Урхаева Р. К. У каждого своя Сибирь: два рассказа о депортации калмыков / Р. К. Урхаева; авт.-сост. комментарий Э.-Б. Гучинова // Антропологический форум. – 2005. – Вып. 3. – С. 400–442.

1.2. Неопубликованные источники

Архивные источники

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 9479 – Отдел труда и спецпоселений ГУЛАГа НКВД/МВД СССР

Ф. 9401 – Секретариат НКВД/МВД СССР

2. Российский государственный архив экономики (РГАЭ)

Ф. 1562 – Центральное статистическое управление СССР

3. Исторический архив Омской области (ИсА ОО)

Ф. 235 – Исполнительный комитет Омского городского Совета депутатов трудящихся

Ф. 437 – Исполнительный комитет Омского областного Совета депутатов трудящихся

Ф. П-17 – Омский областной комитет ВКП(б)/КПСС

Ф. П-415 – Исилькульский районный комитет ВКП(б)/КПСС

4. Государственный архив Тюменской области (ГАТО)

Ф. 814 – Исполнительный комитет Тюменского областного Совета депутатов трудящихся

Ф. 1103 – Прокуратура Тюменской области

Ф. 1785 – Омский государственный рыбопромышленный трест

Ф. 1786 – Ханты-Мансийский государственный рыбопромышленный трест

Ф. 1787 – Ямало-Ненецкий государственный рыбопромышленный трест

Ф. 1821 – Тобольский государственный рыбопромышленный трест

5. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО)

Ф. 7 – Тюменский городской комитет ВКП(б)/КПСС

Ф. 107 – Ханты-Мансийский окружной комитет ВКП(б)/КПСС

Ф. 124 – Тюменский областной комитет ВКП(б)/КПСС

Ф. 132 – Шурышкарский районный комитет ВКП(б)/КПСС

Ф. 135 – Ямало-Ненецкий окружной комитет ВКП(б) /КПСС

6. Государственный архив в г. Тобольске (ГА в г. Тобольске)

Ф. 281 – Исполнительный комитет Тобольского районного Совета депутатов трудящихся

Ф. 855 – Исполнительный комитет Тобольского окружного Совета депутатов трудящихся

Ф. 1220 – Тобольский рыбзавод

7. Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа (ГАХМАО)

Ф. 1 – Исполнительный комитет Ханты-Мансийского окружного Совета депутатов трудящихся

Ф. 118 – Ханты-Мансийский государственный рыбопромышленный трест

Ф. 58 – Ханты-Мансийский леспромхоз

Ф. 422 – Воспоминания жителей Югры – жертв политических репрессий¹

8. Сургутский городской архив (СГА)

Ф. 1 – Исполнительный комитет Сургутского районного Совета депутатов трудящихся

Ф. 75 – Сургутский рыбокомбинат

Ф. 83 – Сытоминский сельский совет

9. Архивный отдел администрации Березовского района (АОАБР)

Ф. 3л. – Березовский рыбзавод (приказы директора рыбзавода по личному составу)

Ф. 4л. – Совхоз "Ванзетурский" (документы по личному составу)

Ф. 9л. – Исполнительный комитет Березовского районного Совета депутатов трудящихся (материалы по учету населения)

10. Архивный отдел администрации Шурышкарского района (АОАШР)

Ф. 31 – Кушеватский рыбзавод

11. Омский государственный историко-краеведческий (ОГИК) музей

Ф. Советский Д. И. Депортация.

Экспонат № ОМК 11807/3 – Справкасместа жительства Е. И. Мукабиновой, учительнице Красноярской НСШ. Выдана Красноярским сельсоветом 31 декабря 1949 г.

¹ Прим.: В этом фонде на архивном хранении находится рукопись воспоминаний П. М. Первеева (Оп. 6. Д. 2. Л. 1–12 об.)

Экспонат № ОМК 11807/4 – Справка студентке-заочнице 1 курса литературного факультета Омского пединститута Е. И. Мукабиновой о том, что она действительно была на летней экзаменационной сессии с 1.07.48 г. по 5.07.48 г. Омск, 4 августа 1948 г.

Экспонат № ОМК 11807/6 – Архивная выписка из партийной характеристики Е. И. Мукабиновой от 24 апреля 1943 г. Дана партийным архивом Ставропольского краевого комитета КПСС. г. Ставрополь, 14 августа 1975 г.

Экспонат № ОМК 13815/4 – Трудовая книжка колхозника № 148 Б. С. Мукенова. Сведения за 1928, 1958–1974 гг. Выдана Правлением колхоза "Заветы Ильича" Новосильского сельсовета Кормиловского района Омской области 25 марта 1966 г.

Полевые материалы автора (ПМА)

Интервью

1. Интервью с А. М. Соколовой (Разбойниковой) (1928 г.р.), Сургутский район, 2009 г.

2. Интервью с В. А. Сузи (Витманн) (1927 г.р.), Шурышкарский район, 2010 г.

3. Интервью с С. Е. Терентьевой (1929 г.р.), Шурышкарский район, 2010 г.

4. Интервью с А. Ф. Хозяиновой (1925 г.р.), Шурышкарский район, 2010 г.

5. Интервью с Т. А. Зуевой (Корсиковой) (1950 г.р.), пгт Березово, 2010 г.

6. Интервью с С. Г. Мучиряевым (1937 г.р.), Кондинский район, 2011 г.

7. Интервью с Л. Е. Пачгановой (1935 г.р.), г. Сургут, 2011 г.

8. Интервью с А. А. Улановым (1932 г.р.), Кондинский район, 2012 г.

9. Интервью с П. И. Хурюмовой (1928 г.р.), Кондинский район, 2012 г.

10. Интервью с С. У. Эрднеевой (1929 г.р.²), пгт. Березово, 2012 г.

² Прим.: Софья Убушиевна утверждает, что в документах (паспорте и трудовой книжке) допущена ошибка и на самом деле она родилась в 1925 г.

Рукописи и переписка

1. Рукопись воспоминаний А. И. Манджиева (1931 г.р.) // Семейный архив Т. А. Михалевой (Манджиевой) Л. 1–6.

Рукопись воспоминаний С. У. Эрднеевой (1929 г.р.) // ПМ АОАБР. Л. 1–2.

2. Копия письма Э. М. Павлова (1927 г.р.) (Республика Калмыкия, Ики-Бурульский район, п. Ики-Бурул) Гурьяновой (Черновой) Галине Владимировне (Тюменская область, Ханты-Мансийский округ, Березовский район, пгт Березово) (не ранее января 2002 г.) // Прифондовые мат-лы Архивного отдела администрации Березовского района (ПМ АОАБР) Л. 1–5.

3. Письмо В. Б. Чимбеева (Республика Калмыкия, г. Элиста) Голошубиной Кларе Васильевне (Тюменская область, Ханты-Мансийский округ, Кондинский район, п. Ягодный) (5 марта 2012 г.) // Семейный архив Голошубиной К.В. Л. 1–1 об.

4. Заявление гражданки Л. с просьбой подтвердить трудовой стаж на Березовском стекольном заводе в 1944–1947 гг. Копия. (март, 1998 г.) // ПМ АОАБР. Л. 1–2.

5. Рукопись С. А. Корсикова. Стих о калмыцкой степи // ПМ АОАБР. Л. 1.

Личные документы

1. Трудовая книжка Бадлеевой Б. Б. // Прифондовые мат-лы "Дома краеведа" Историко-культурного центра "Старый Сургут" (ПМ "Дома краеведа" ИКЦ "Старый Сургут")

2. Трудовая книжка Бактаева Д. Т. // ПМ "Дома краеведа" ИКЦ "Старый Сургут"

3. Трудовая книжка Улановой Б. С. // ПМ "Дома краеведа" ИКЦ "Старый Сургут"

4. Трудовая книжка Хурюмовой П. И. // Личный архив П. И. Хурюмовой

5. Трудовая книжка Эрднеевой С. У. // Личный архив С. У. Эрднеевой

6. Повторное свидетельство о заключении брака между Шияновым М. П. и Санджеевой М. Э. // Семейный архив Шияновых

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

**Численность спецпереселенцев-калмыков
в Омской и Тюменской областях (1945–1956 гг.)**

На 1 января:	Всего спецпереселенцев		Из них:		
	семей	человек	мужчин	женщин	детей (до 16 лет)
	на 1 января 1945 г.				
Омская	3219	9601	3238	1570	4793
Тюменская	4617	13 758	2477	5797	5484
Итого:	7836	23 359	5715	7367	10 277
Всего по СССР:	28 467	83 985	17 769	28 337	37 879
	на 1 января 1946 г.				
Омская	3382	9781	2070	3929	4182
Тюменская	4467	12 738	2445	5259	5034
Итого:	7849	22 519	4515	9188	9216
Всего по СССР:	29 034	81 958	18 563	29 541	33 854
	на 1 января 1947 г.				
Омская	3530	10 260	2302	3708	4250
Тюменская	4277	12 290	2413	5011	4866
Итого:	7807	22 550	4715	8719	9116
Всего по СССР:	29 120	81 169	19 579	28 995	32 595
	на 1 января 1948 г.				
Омская	3477	10 250	2377	3732	4141
Тюменская	4088	11 668	2469	4749	4450
Итого:	7565	21 918	4846	8481	8591
Всего по СССР:	28 349	79 517	19 752	28 497	31 268
	на 1 января 1949 г.				
Омская	3278	9732	2632	3736	3364
Тюменская	3386	9596	2533	4070	2993
Итого:	6664	19 328	5165	7806	6357
Всего по СССР:	нет св.	77 279	21 792	29 173	26 314
	на 1 января 1950 г.				
Омская	3188	9612	2627	3728	3257
Тюменская	3411	9595	2649	4081	2865
Итого:	6599	19 207	12 276	7809	6122
Всего по СССР:	около 28 774	77 639	23 354	29 346	25 939
	на 1 января 1951 г.				
Омская	3160	9573	нет св.	нет св.	нет св.
Тюменская	3439	9646	нет св.	нет св.	нет св.
Итого:	6599	19 219	нет св.	нет св.	нет св.
Всего по СССР:	24 989	77 943	нет св.	нет св.	нет св.

Окончание таблицы

на 1 июля 1953 г.					
Омская	3042	9844	6539	3305	
Тюменская	3507	10184	6927	3257	
Итого:	6549	20 028	13 466	6562	
Всего по СССР:	нет св.	80 372	54 222	26 150	
на 1 января 1954 г.					
Омская	нет св.	9913	6687	3226	
Тюменская	нет св.	10 224	6962	3262	
Итого:	нет св.	20 137	13 649	6488	
Всего по СССР:	нет св.	81 246	55 003	26 243	
на 1 января 1955 г. ¹					
Омская	3146	6609	2825	3784	-
Тюменская	3427	6671	2701	3970	-
Итого:	6573	13 280	5526	7754	-
Всего по СССР:	нет св.	нет св.	нет св.	нет св.	-
на 1 января 1956 г.					
Омская	нет св.	6163	2645	3518	-
Тюменская	нет св.	6153	2519	3634	-
Итого:	нет св.	12 316	5164	7152	-
Всего по СССР:	нет св.	52 537	нет св.	нет св.	-

* Составлено и подсчитано по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 141. Л. 240 об., 242, 242 об.; Там же. Д. 313. Л. 14, 15 об. – 16; Там же. Д. 363. Л. 28, 29 об, 30; Там же. Д. 366. Л. 235, 236 об. – 237; Там же. Д. 477. Л. 125, 127, 128; Там же. Д. 480. Л. 142, 144, 146; Там же. Д. 556. Л. 14, 17, 22; Отдел "П" МВД СССР. Сведения о количестве ссыльно-поселенцев, ссыльных, высланных и спецпоселенцев по контингентам, республикам, краям и областям по состоянию на 1 июля 1953 г. // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 848. б/л; 4-й спецотдел МВД СССР. Сведения о количестве спецпоселенцев, ссыльно-поселенцев и ссыльных, состоящих на учете органов МВД по республикам, краям и областям по состоянию на¹ 1 января 1955 г. // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 848. б/л; ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 932. Л. 96, 123; Предложение комиссии МВД СССР в ЦК КПСС о снятии с учета спецпоселения калмыков и членов их семей (7 марта 1956 г.) // Ссылка калмыков: как это было: сб. док. и мат-лов. Т. I, кн. 1. – Элиста, 1993. – С. 235

¹ Дети до 16 лет были сняты с учета спецпоселения в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 5 июля 1954 г. № 1439-649 сс "О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпереселенцев" (Приказ министра внутренних дел СССР № 00597 о снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпереселенцев) (16 июля 1954 г.) // Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. I. Кн. 2. – С. 213–214.

**Результаты спецпереписи калмыков на территории
Омской и Тюменской областей (на 1 апреля 1949 г.)***

ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

Категория учета выселенцев-специ- поселенцев	Количество выселен- цев-специ- поселенцев, прошедших перепись	В том числе:			По гражданству		По роду занятий:							Инвалидов		Пенсионеров	
		Мужчин	Женщин	Дети	СССР	Прочих	Рабочих	Колхоз- ников	Единолич- ников	Служащих	Учащихся	Домохозяек	Прочих ¹	15	16	69	15
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16		
Калмыки	9348	2472	3699	3177	6171	-	2282	2533	1	285	107	нет св.	879	69	15		
Другие националь- ности в со- ставе калмыцких семей	47	3	30	14	33		10	7	-	10	-	нет св.	6	-	-		
Другие националь- ности, высланные совместно с калмыками, но не входив- шие в состав калмыцких семей	2	1	-	1	1	-	-	1	-	-	-	нет св.	-	-	-		
		Русские															
Карачаевцы	16	3	6	7	9	-	4	5	-	-	-	нет св.	-	-	-		

¹ В "Прочие роды занятий" входят: временно неработающие, находившиеся на изъятии, инвалиды и пенсионеры. Категория "домохозяйки" по Омской области включена в "прочие", по Тюменской области выделена отдельно.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Всего по области контингента "калмыки";	9413	2479	3735	3199	6214	-	2296	2546	1	295	107	нет св.	885	69	15
Итого спецпоселенцев всех категорий;	48 506	10 827	18 720	18 959	29 542	5	10 544	13 990	12	1038	376	нет св.	3587/ 3255 ²	294	38
ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ															
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Калмыки	9217	2372	4012	2833	6384	-	3340	1591	11	252	57	667	311	146	16
Другие национальности в составе калмыцких семей	23	-	23	-	23	-	13	1	-	1	-	8	-	-	-
Другие национальности, высланные совместно с калмыками, но не входившие в состав калмыцких семей	1	1	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого по области контингента "калмыки";	9241	2372	4035	2833	6408	-	3354	1592	4	253	57	675	311	146	16

² В числителе – количество взрослых; в знаменателе – детей, не достигших 16-летнего возраста.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Итого спец-поселенцев всех категорий	34182	7774	143381	12070	22109	3	1057	6343	7	1081	256	2757	562	538	51

ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

По образованию	По парт.-комсомол. принадлежности						По службе в Советской армии			Находившихся в плену		Находившихся за границей		Судимых			По национальности			Кол-во прошедших перепись ⁴		Кол-во прошедших перепись условно ³			
	Высшее	Среднее	Низшее	Член ВКП(б)	Канд. ВКП(б)	Член ВЛКСМ	Офицеров	Сержантов	Рядовых	11	12	13	14	15	16	17	18	Русских	Украинцев	Татар	17	18	19	20	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18								
Калмыки	29	245	3101/ 2796 ⁵	167	18	105	65	136	614	88	106	96				59	220								
Другие национальности в составе калмыцких семей	2	8	19/4	1	-	-	-	-	-				31	1	1	-	-								

³ По причине нахождения на учебе, в больнице, командировках и другим причинам.

⁴ Не установлены при сверке фактического наличия с учетными данными в ходе объявления Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г.

⁵ В числителе – лица с низким образованием (в т. ч. умеющие только читать и писать); в знаменателе – неграмотные.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Другие националь- ности, высланные со- вместно с калмыка- ми, но не входившие в состав калмыцких семей	Русские	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Караеявцы	1	2/6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого по области контин- гента "калмыки":	31	254	3123/ 2806	168	18	105	66	136	614				31	1	1	59	220
Итого спецпоселен- цев всех категорий	141	1064	21788/ 6554	246	30	362	97	240	1377	136	1273	1156	265	41	1	189	502

ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Калмыки	12	153	4543/ 1676	122	20	166	36	142	382	40	58	139	-	-	-	23	163
Другие национальности в составе кал- мыцких семей	-	1	11	-	-	-	-	-	-	-	-	-	20	2	1 ⁶		
Другие национальности, выслан- ные совместно с калмыками, но не входившие в состав кал- мыцких семей			1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

⁶ По Тюменской области в графе "прочих".

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Итого по области контингента "калмыки":	12	154	4555/ 1687	122	20	166	36	142	382	40	58	139	20	2	1	23	163
Итого спецпоселенцев всех категорий	131	872	17772/ 3347	192	29	340	63	214	861	80	1000	779	196	6	18	78	288

* Составлено и подсчитано по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 484. Л. 136, 139, 241-242, 247.

Расселение спецпереселенцев-калмыков в южных районах Тюменской области

Наименование области, района и его административного центра	Наименование, место расположения спецкомендатуры и расстояние до районного центра, км	Наименование пункта, где расселены спецпереселенцы, и расстояние до спецкомендатуры, км	Количество спецпереселенцев, проживающих в населенных пунктах																
			Калмыки		Ссылнопоселенцы		Немцы		Бывшие кулаки		Оуновцы		Всего						
			Семей	Человек	Семей	Человек	Семей	Человек	Семей	Человек	Семей	Человек	Семей	Человек	В том числе				
															Семей	Человек	Мужчин	Женщин	Детей до 16 лет
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18		
Тюменский район																			
Тюменская обл. Тюменский р-н г. Тюмень	Спецкоменда-тура НКВД г. Тюмень	п. Боровое 20 км	30	73			16	42					46	115	24	40	51		
		с. Созоново 70 км	10	41			21	50						31	91	37	30	24	
		с. Молчаново 45 км	82	225										82	225	44	90	91	
		с. Каменка 30 км	6	22			21	56						27	78	10	24	44	
		с. Кулаково 18 км	20	50			18	55						38	105	29	29	47	
		с. Салаирка 75 км	35	108										35	108	11	32	65	
		с. Успенка 45 км	40	83			20	181						60	264	9	81	174	

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	
Ново-Займский район																		
Тюменская обл. Н.-Займский р-н с. Н.-Займка	Спецкомен- датура НКВД с. Н.-Займка	с. Горю- ново 33 км	29	96			49	128					78	224	28	82	114	
Итого по РО НКВД:			29	96														
Голышмановский район																		
Тюменская обл. Голышма- новский р-н с. Катяшка	Спецкомен- датура НКВД с. Катяшка	с. Катяшка	59	180			16	43					75	223	40	71	112	
		с. Ламенка 25 км	85	242			8	28						93	270	42	74	154
		д. Быстрая 7 км	7	26				8	19					15	45	6	25	14
		Голышма- новское сов ¹ , 10 км	12	50				8	25					20	75	12	20	43
		д. Медве- дево 7 км	10	60				9	48					19	108	23	28	57
Итого по РО НКВД:			178	588			9	61				14	91	8	29	54		
Тобольский район																		
Тюменская обл. Тобольский р-н г. Тобольск	Спецкомен- датура НКВД г. Тобольск	г. Тобольск	71	175			9	35	7	12			87	222	47	109	66	
		д. Вино- курово	19	49										19	49	12	21	16
		д. Бизино ²	1	5			1	10						2	15	4	5	6

¹ Неразборчиво.² Расстояние до комендатуры не указано (далее н/у).

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	
Велижанский район																		
Итого по РО НКВД:																		
Тюменская обл. Велижанский р-н с. Велижаны	Спецкомен- датура НКВД Лесозавод № 1 32 км	с. Тюнево 10 км	91	229														
		с. Москва 20 км	15	33					1	1				16	34	3	20	11
		с. Добро- волец 20 км	11	27										11	27	-	18	9
		с. Прохо- рово 32 км	4	9										4	9	2	3	4
		с. Б. Хутор 40 км	5	14										5	14	1	5	8
Итого по спецкомендатуре:																		
Итого по РО НКВД:																		
Вагайский район																		
Итого по РО НКВД:																		
Тюменская обл. Вагайский р-н с. Вагай	Спецкомен- датура НКВД п. Кордон 75 км	п. Корелина 78 км	35	121									35	121	26	48	47	
		Итого по спецкомендатуре:																
Итого по РО НКВД:																		
Байкаловский район																		
Итого по РО НКВД:																		
Тюменская обл. Байкаловский р-н с. Байкалово	Спецкомен- датура НКВД с. Байкалово	с. Байкалово	11	24			18	71	3	4			32	99	21	35	43	
		Бачелин- ский с/с 27 км	22	56			1	6	-	-			23	62	16	22	24	

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	
		Чебургин-ский с/с 40 км	34	115									34	115	28	27	60	
		Плехановский с/с 45 км.	8	24			13	50					21	74	11	25	38	
		Хмелевский с/с 18 км	3	6			15	47	1	6			19	59	9	25	25	
		Салатовский ³ с/с 35 км	2	5									2	5	1	2	2	
Итого по РО НКВД:			80	230														
Ишимский район																		
Тюменская обл. Ишимский р-н г. Ишим	Спецкомен-датура НКВД г. Ишим	Первопояс-новский с-з 30 км	67	175			13	45					80	220	39	127	54	
		Второпояс-новский с/с 30 км	24	52										24	52	20	22	10
		с. Мизоново 25 км	59	128				68	225					127	353	47	144	162
		с. Н. Локти 35 км	11	25				18	79					29	104	15	38	51
		с. Локти 40 км	9	28			1	4					10	32	7	10	15	
		с. Гагарино 12 км	23	41			12	35					35	76	11	33	32	

³ Неразборчиво.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
		с. Пахомово 5 км	17	47									17	47	9	15	23
		с. Кленичи 15 км	7	16			32	103					39	119	21	34	64
		с. Сороч- кино 7 км	5	8									5	8	3	4	1
		с. Н.-Трав- ное 25 км	22	71			28	78					50	149	29	62	58
		с. Кислое 20 км	22	62			7	22					29	84	12	31	41
		Третепсыя- новский с/с 45 км	45	102			23	64					68	166	20	63	83
		с. Лариха 30 км	24	67			5	23					29	90	18	36	36
		с. Клюево 30 км	16	42									16	42	3	18	21
		с. Синицино 12 км	15	43									15	43	12	20	11
		с. Орловка 18 км	24	63									24	63	7	25	31
Итого по РО НКВД:			400	1005													
Ялуторовский район																	
Тюменская обл. Ялуторовский р-н г. Ялуто- ровск	Спецкомен- датура НКВД г. Ялуторовск	г. Ялуто- ровск	39	141			56	143					95	284	69	118	97

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
	Спецкомен- датура НКВД с. Екимовка 65 км	с. Малысак 22 км	7	22									7	22	1	7	14
	Итого по спецкомендатуре:		7	22													
	Спецкомен- датура НКВД с. Черияя	с. Лучкино 12 км с. Макоша 20 км	23	54	4	7							4	7	-	2	5
	Итого по спецкомендатуре:		23	54					45	160			23	54	16	25	13
	Спецкомен- датура НКВД с. Березьяки 100 км	с. Березьяки с. Рачево 15 км с. Трухино 10 км с. Шилово 15 км	5 10 11 14	10 25 30 54									50 10 11 14	170 25 30 54	45 - 4 7	50 7 7 15	75 18 19 32
	Итого по спецкомендатуре:		40	119													
	Спецкомен- датура НКВД с. Уват	с. Уват с. Терехино 8 км с. Буренка 20 км с. Тугалово н/у с. Романово с. Суббота н/у	14 9 27 10 24 10	45 16 63 25 46 24	2 3	18 6	51 20						34 15 27 10 24 10	99 36 63 25 46 24	21 2 18 3 8 5	44 10 22 15 30 13	34 10 23 7 8 6

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Итого по спецкомендатуре:																	
			94	219													
Итого по РО НКВД:																	
			174	430													
Итого по южным районам Тюменской области:																	
			2098	5932													

* Составлено и подсчитано по: ГАРФ. 9479. Оп. 1. Д. 260. Л. 92–109.

** Сверка правильности написания населенных пунктов производилась по: Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.). – Тюмень, 2003.

**Дислокация спецпереселенцев-калмыков, расселенных
в Ханты-Мансийском округе (на 1 июля 1945 г.)**

Наименование области, района и его административного центра	Наименование и место расположения до районного центра, км	Наименование пункта, где расселены спецпереселенцы и расстояние до спецкомендатур, км	Количество спецпереселенцев, проживающих в населенных пунктах																
			Калмыки		Сельнопоселенцы		Немцы		Вывшие кулаки		Сектанты		Всего						
1	2	3	Семей	Человек	Семей	Человек	Семей	Человек	Семей	Человек	Семей	Человек	Семей	Человек	Мужчин	Женщин	Дети до 16 лет		
Березовский район																			
Тюменская обл. Березовский р-н с. Березово	Спецкомендатура НКВД с. Березово	Березовский р/з (с. Березово)	334	1027	238	670									572	1697	392	766	539
Итого по РО НКВД:			334	1027															
Самаровский район																			
Тюменская обл. Самаровский р-н с. Самарово	Спецкомендатура НКВД № 14 с. Добрино 60 км	с. Базьяны 12 км с. Макулово 34 км с. Тюли 24 км	8	26			8	27							16	53	9	28	16
			8	35	1	2									9	37	4	18	15
			2	4	14	37	22	59	1	6					39	106	23	52	31

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
		с. Борки 31 км	9	28									9	28	3	14	11
		с. Чага 36 км	5	16	9	25							14	41	7	20	14
	Итого по спецкомендатуре:		32	109													
		с. Зенково 30 км	36	121	33	120							69	241	48	101	92
		с. Шагица 57 км	7	24									7	24	5	9	10
		Юрты Нялино	4	13									4	13	-	4	9
		с. Коневое 42 км	8	31									8	31	4	14	13
		с. Байла 50 км	6	17									6	17	2	10	5
	Спецкомен- датура НКВД с. Нялино	с. Чебуково 30 км	5	13									5	13	1	5	7
		с. Селия- рово 42 км	8	24									8	24	3	7	14
		с. Сиво- хребт 70 км	7	16									7	16	2	8	6
		с. Чучша 20 км	9	22									9	22	3	7	12
		Сафьяново 30 км	9	27									9	27	5	10	12
		с. Пашкино 24 км	3	13	6	17							9	30			

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
	Спецкомен- датура НКВД с. Самарово	с. Самарово	180	466	39	113	102	250	233	664	12	38	556	1531	314	711	506
Итого по РО НКВД:			362	1025													
Перековская комендатура																	
Тюмен- ская обл. Самаровский р-н с. Перековка	Спецкомен- датура НКВД с. Перековка	с. Переко- вка МГФ ¹ 7 км	10	26	5	23	20	54	283	1026	11	33	329	1162	287	444	431
Итого:			17	52													
Микояновский район																	
Тюмен- ская обл. Х.-Мансий- ский округ Кондинский р-н с. Кондинск	Спецкомен- датура НКВД п. Б Камен- ка 12 км	с. Карым- кары 50 км с. Подгор- ное 12 км с. Кеушка 85 км с. Сосновое 68 к. с. Калыма- ново 105 км с. Батлым 18 км	6	19					46	120	7	17	59	156	22	56	78
			12	45					89	207	4	19	105	271	51	117	103
			7	22									7	22	5	10	7
			7	24									7	24	2	1	1
			5	17									5	17	2	5	10
			7	19									7	19	3	10	6

¹ Молочно-товарная ферма.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
		с. Леуши 15 км	6	27									6	27	6	10	11
		с. Матлым 3 км	72	214	26	70	51	168	18	61			167	513	110	255	148
		с. Кондинск	51	191	36	84	37	96	151	503	9	33	284	907	221	367	329
		с. Осиновка 20 км	9	34					27	65			36	99	22	37	40
		с. Б. Камен- ка 12 км	10	33					48	113	5	12	63	158	24	64	70
		с. Яганокурт 20 км	66	180	19	55	4	10	7	25			96	270	46	121	103
		с. Ниязны 20 км	9	27									9	27	7	10	10
		с. Новое	13	27									13	27	7	11	9
			280	879													
		с. Перегреб- ный 45 км	43	139	35	93	4	14	174	507	4	12	260	765	141	310	314
		с. Быстрый	15	50					90	231	4	13	109	294	44	129	121
		с. Шеркалы 1 км	29	89	63	181	9	46					101	316	57	149	110
	Спецкомен- датура НКВД с. Быстрая	с. Лохтаг- курт 20 км	7	14									7	14	1	8	5
		с. Холоча- нты 22 км	10	31									10	31	2	18	11
		с. Чемаша 54 км	10	46									10	46	6	21	19

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
			Суругский район														
Тюменская обл.	Спецкомен-датура № 19 150 км п. Заряг	п. Сыто-мино 23 км	37	107	71	190							108	297	56	147	94
Суругский р-н с. Сурут		п. Сахаль 23 км	6	17									6	17	2	10	5
Итого по спецкомендатуре:			50	150	74	198		173	476				297	824	179	362	283
		п. Озерный 20 км	4	14					44	131			48	145	40	48	57
		п. Тундрино 5 км	16	43	50	162							66	205	32	82	91
	Спецкомен-датура НКВД № 20 80 км п. В. Мыс	с. Сарма-ново 30 км с. Пирогино 40 км	5	21									5	21	3	6	12
		с. Шеста-лово 15 км с. Лямино 25 км	4	9									4	9	-	4	5
		с. Усть-Балык 70 км	3	12									3	12	1	4	7
			6	10	3	16							9	26	6	13	7
Итого по спецкомендатуре:			42	121													
		п. Ч. Мыс	96	290	101	271		166	446				363	1007	187	462	358
	Спецкомен-датура НКВД № 21 п. Ч. Мыс 3 км	с. Сурут 3 км с. Б. Яр 7 км с. Широ-ково 20 км	24	73									24	73	12	29	32
			10	28									10	28	3	12	13
			11	27									11	27	1	12	14

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	
Кондинский район																		
Тюменская обл. Кондинский р-н п. Нахрачи	Спецкомен- датура НКВД п. Нахрачи	п. Нахрачи	57	163	43	140							100	303	60	140	103	
		п. Болчары 320 км	20	72	9	45								29	117	33	35	49
		п. Алтай 600 км	25	75	30	90								55	165	24	75	66
		п. Ученье 120 км	96	337	45	147							141	484	110	170	204	
Итого по спецкомендатуре:			198	647														
Итого по РО НКВД:			198	647														
Итого по Ханты-Мансийскому округу:			1865	5700														

* Составлено и подсчитано по: ГАРФ. 9479. Оп. 1. Д. 260. Л. 92–109.

** Сверка правильности написания населенных пунктов производилась по: Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.). – Тюмень, 2003.

Приложение № 3в

Дислокация спецпереселенцев-калмыков в Ямало-Ненецком округе (на 1 июля 1945 г.)

1	2	3	Количество спецпереселенцев, проживающих в населенных пунктах										Всего			
			Калмыки		Сельнопо-селенцы		Немцы		Бывшие кулаки		Семей					
Наименование области, района и его административного центра	Наименование и место расположения спецкомендатур, тра, км	Наименование пункта, где рас-селены спецпереселенцы, и расстояние до спецкоменда-туры, км	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	
Комбинатская спецкомендатура																
Тюменская обл. Комбинатская спецкомендатура	Спецкомен- датура НКВД г. Салехард	г. Салехард	312	689	173	465	158	456	276	859	919	2469	608	1090	771	
Итого по РО НКВД:			312	689												
Шурышкарский район																
Тюменская обл. Шурышкарский р-н с. Мужжи	Спецкомен- датура НКВД п. Горки 75 км	п. Горки	58	185	26	86	28	97	167	485	279	853	189	390	274	
		п. Войкар 110 км	5	10								5	10	3	6	1
		п. Азово 35 км	49	56								49	56	13	27	16
		п. Пашто- горт 110 км	15	18			5	13			20	31	5	23	3	

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	
		п. Федутки 50 км	48	101			16	49			64	150	36	78	36	
		п. Мужжи 75 км	30	67			5	19			35	86	24	46	16	
		п. С-Мыс 125 км	23	63							23	63	11	25	27	
		с. Питляр 122 км	8	19					44	133	52	152	31	71	50	
Итого по РО НКВД:			236	519												
Итого по Ямало-Ненецкому округу:			548	1208												
Итого по Тюменской области:			4511	12 840												

* Составлено и подсчитано по: ГАРФ. 9479. Оп. 1. Д. 260. Л. 92-109.

** Сверка правильности написания населенных пунктов производилась по: Административно-территориальное деление Тюменской области (XV-II-XX вв.). – Тюмень, 2003.

Дислокация спецпереселенцев-калмыков в Омской области (на 1 июля 1945 г.)

1	Наименование области, района и его административного центра	2	Наименование и место расположения до районного центра, км	3	Наименование пункта, где рас-селятся спецпереселенцы, и расстояние до спецкомендан-туры, км	Количество спецпереселенцев, проживающих в населенных пунктах						Всего					
						Калмыки		Сыльнопос-селенцы		Немцы		Вышедшие кулаки		Семей	Человек	Мужчин	Женщин
4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16					
Знаменский район																	
Омская обл. Знаменский р-н	Знаменская спецкоменданту-ра с. Знаменка	Красный яр 12 км	32	73					2	3	34	76	14	41	21		
Итого по РКВД:			32	73													
Омская обл. Тарский р-н	Тарская спец-комендантура г. Тара	Пристань Омгорт 8 км	18	44							18	44	8	19	17		
Итого по РКВД:			18	44													
Омская обл. Москаленский р-н	Москаленская спецкомен-дантура с. Москаленки	Алексеевка 10 км Буряки 9 км Степок 12 км Шанки 12 км	13	39				40	105		53	144	22	46	76		
			2	7			4	19			6	26	3	10	13		
			8	21			18	72			26	93	15	29	49		
			3	10							3	10		3	6		

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
		Кр. Флаг 7 км	7	17	-	-	6	25	-	-	13	42	7	17	18
		Яс. Полянка 25 км	6	27	-	-	5	10	-	-	11	37	5	11	21
		Инзарка 20 км	4	11	-	-	-	-	-	-	4	11	1	7	3
		Москаленки 18 км	10	34	-	-	36	135	-	-	46	169	23	57	89
		Корневка 11 км	13	40	-	-	16	47	-	-	29	87	9	27	51
		Екатери-новка 7 км	11	32	-	-	16	56	-	-	27	88	14	36	38
		Доб. Поле 12 км	11	32	-	-	6	25	-	-	17	57	15	14	28
		Род. Долина 15 км	15	54	-	-	8	16	-	-	23	70	10	23	37
		Мироло-бовка 20 км	6	25	-	-	8	24	-	-	14	49	8	20	21
		Александров 19 км	8	29	-	-	7	18	-	-	15	47	9	20	18
		Нейфельд 5 км	2	5	-	-	5	16	-	-	7	21	3	8	10
		Ольчино 0 км	15	41	-	-	23	68	-	-	38	109	9	49	51
		Кзыл-Агал 30 км	2	7	-	-	-	-	-	-	2	7	2	2	3
		Аул Женак 20 км	10	19	-	-	-	-	-	-	10	19	1	9	9
		Царицино 31 км	30	104	-	-	30	113	-	-	60	207	30	47	140

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
		Селивановка 40 км	6	27	-	-	-	-	-	-	6	27	2	8	17
		Гвоздевка 45 км	5	12	-	-	-	-	-	-	5	12	2	7	3
		Придорож- ное 55 км	8	17	-	-	-	-	-	-	8	17	3	7	7
		Татьяновка 30 км	10	34	-	-	9	32	-	-	19	66	8	28	30
		Аул Кузнец 40 км	3	10	-	-	-	-	-	-	3	10	2	2	6
		Аул Шапай 42 км	5	15	-	-	-	-	-	-	5	15	1	7	7
		Китшак 34 км	5	15	-	-	-	-	-	-	5	15	3	3	9
		Аул Досай 35 км	4	16	-	-	-	-	-	-	4	16	5	6	5
		Аул Илеуш 15 км	6	18	-	-	-	-	-	-	6	18	2	7	9
		Аул Ромадан ¹ 17 км	5	14	-	-	-	-	-	-	5	14	-	5	9
		Аул Новуй 25 км	9	25	-	-	-	-	-	-	9	25	2	8	15
		Аул. Аюсе- тай 23 км	7	28	-	-	-	-	-	-	7	28	6	8	14
		Николаевка 30 км	18	67	-	-	-	-	-	-	23	90	14	38	38

¹ Так в документе.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
		Атаповка 18 км	2	8	-	-	-	-	-	-	2	8	1	3	4
		п/совхоз № 16 16 км	84	265	-	-	38	157	-	-	122	422	80	162	180
		Лузино 30 км	6	14	-	-	2	5	-	-	8	19	2	7	10
		Беклеменово 30 км	1	9	-	-	6	19	-	-	7	28	2	9	17
		С. Ивановка 30 км	3	7	-	-	-	-	-	-	3	7	1	3	3
		Кр. Флаг	2	7	-	-	-	-	-	-	2	7	1	2	4
		Спартак 35 км	4	16	-	-	-	-	-	-	4	16	1	5	10
		Кр. Знамя 40 км	3	8	-	-	7	27	-	-	10	35	6	16	13
		Пушкина км	6	6	-	-	-	-	-	-	6	6	-	4	2
		Марьяновка 20 км	3	12	-	-	1	2	-	-	4	14	3	4	7
		Мирное Поле 12 км	9	36	-	-	16	60	-	-	25	86	17	35	34
		Хутор Шофер	5	10	-	-	7	20	-	-	12	30	7	13	10
			395	1250			-	-			-	-			
Итого по РО НКВД:															
Омская обл. Ульяновский р-н	Ульяновская спецкомен- датура	Кир. завод № 5 7 км	108	263	-	-	-	-	-	-	108	263	52	102	109
		Кир. завод № 7 10 км	30	60	-	-	-	-	-	-	30	60	15	28	17
		Совхоз Пяти- летка 27 км	14	46	-	-	2	8	-	-	16	54	14	15	25

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
		Совхоз Лу- зино 21 км	35	101	-	-	-	-	-	-	35	101	21	38	42
		Совхоз № 43 10 км	57	153	-	-	8	33	-	-	65	186	33	63	90
		Сем. 3/совхоз 35 км	16	44	-	-	2	7	-	-	18	51	11	20	20
		Совхоз № 4 км	39	121	-	-	-	-	-	-	39	121	26	41	54
		Птицесовхоз 19 км	4	10	-	-	-	-	-	-	4	10	2	3	5
		Совхоз № 20	7	13	-	-	-	-	-	-	7	13	7	2	4
		к/з Свой труд 19 км	4	13	-	-	-	-	-	-	4	13	4	4	5
		к/з К. Либк- нехта 25 км	2	7	-	-	4	19	-	-	6	26	5	8	13
		к/з Литви- нова 30 км	7	18	-	-	8	32	-	-	15	50	10	20	20
		к/з Заря Социализма 26 км	8	17	-	-	5	23	-	-	13	40	7	12	21
		к/з Свой труд 17 км	11	22	-	-	2	10	-	-	13	32	2	13	17
		к/з Вороши- лова 24 км	3	8	-	-	6	15	-	-	9	23	1	10	12
		к/з Сталина 23 км	7	17	-	-	1	7	-	-	8	24	8	6	10
		к/з К. Петкин 25 км	13	28	-	-	-	-	-	-	13	28	5	13	10

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
		к/з Калинина 36 км	15	41	-	-	6	24	-	-	21	65	9	25	31
		к/з Н. Сила 23 км	22	58	-	-	7	24	-	-	29	82	12	32	38
		к/з Орджони- кидзе 25 км	15	39	-	-	-	-	-	-	15	39	6	15	18
		к/з Вороши- лова 30 км	18	37	-	-	5	16	-	-	23	53	7	20	26
		к/з П. Ильича	14	26	-	-	-	-	-	-	14	26	9	7	10
		Осоавиахим 19 км	10	22	-	-	-	-	-	-	10	22	3	8	11
			479	1211			-	-			-	-			
Итого по РО НКВД:															
Омская обл. Саргатский р-н	Саргатская спецкомендату- ра Саргатка	Павловка 50 км	1	2	-	-	3	13	-	-	4	15	1	6	8
Итого по РО НКВД:			1	2			-	-							
		Алексеевка 50 км	4	8	-	-	75	223	-	-	79	231	54	59	118
		Шулаевка 40 км	24	75	-	-	-	-	-	-	24	75	11	28	36
		Славянка 25 км	34	80	-	-	10	40	-	-	44	120	32	40	48
Омская обл. Любинский р-н	Любинская спецкомендату- ра с. Н. Любино	Смоляновка 20 км	22	59	-	-	8	28	-	-	30	87	18	32	37
		Мосляновка 7 км	25	65	-	-	12	40	-	-	37	105	19	39	47
		Боголюбовка 20 км	21	69	-	-	-	-	-	-	21	69	14	27	28

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
		Б.-Могильн 35 км	16	51	-	-	15	53	-	-	31	104	11	43	50
		Тарлык 55 км	12	28	-	-	13	41	-	-	25	69	7	25	37
		Л.-Моросы 20 км	2	12	-	-	-	-	-	-	2	12	2	3	7
		Федоровка 20 км	28	59	-	-	7	25	-	-	35	84	16	34	34
		Прогопо- повка 8 км	12	24	-	-	6	18	-	-	18	42	5	18	19
		Н. Любино 0 км	65	177	-	-	19	61	-	-	84	238	67	102	69
			265	707			-	-			-	-			
Итого по РО НКВД:															
		Совхоз № 54 35 км	12	61	-	-	-	-	-	-	12	61	6	26	29
		Совхоз № 239 35 км	3	5	-	-	-	-	-	-	3	5	2	-	3
		П-х Упр. Мил. 8 км	7	23	-	-	17	33	-	-	24	56	14	28	14
		Кагановичская спецкомен- датура с. Красноярка	5	11	-	-	-	-	-	-	5	11	1	6	4
Омская обл. Кагановичский р-н		Луговая 15 км	3	11	-	-	-	-	-	-	3	11	2	4	5
		Соснино 28 км	3	11	-	-	-	-	-	-	3	11	2	4	5
		Н. Путь 25 км	4	20	-	-	-	-	-	-	4	20	3	12	5
		Н-Троицкое 7 км	3	11	-	-	-	-	-	-	3	11	4	3	4

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
		Малахово 12 км	8	31	-	-	-	-	-	-	8	31	5	12	14
		К-Ильинка 12 км	55	189	-	-	-	-	-	-	55	189	27	70	92
		18-й партсъезд	1	4	-	-	-	-	-	-	1	4	-	2	2
		Красноярка 0 км	7	23	-	-	-	-	-	-	7	23	3	6	14
		Кр. Полянка 28 км	9	33	-	-	-	-	-	-	9	33	7	13	13
		Класино 29 км	3	13	-	-	-	-	-	-	3	13	1	6	6
		М. Кулачье 8 км	5	20	-	-	-	-	-	-	5	20	5	7	8
		Вперед 55 км	2	4	-	-	-	-	-	-	2	4	-	2	2
		Харино 24 км	3	13	-	-	-	-	-	-	3	13	2	5	6
		Половинка 60 км	3	13	-	-	-	-	-	-	3	13	3	5	5
		Тимофеев. 32 км	3	15	-	-	-	-	-	-	3	15	3	6	6
		Сергеевка 32 км	1	4	-	-	-	-	-	-	1	4	-	2	2
		Александр. 27 км	1	6	-	-	-	-	-	-	1	6	1	2	2
		В-Бытия 20 км	2	5	-	-	-	-	-	-	2	5	1	2	2
		Потоковка 25 км	2	5	-	-	-	-	-	-	2	5	1	2	2

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
		П-х Завода № 357 30 км	1	5	-	-	-	-	-	-	1	5	-	2	3
Итого по РО НКВД:			136	536											
Омская обл. Тевризский р-н	Тевризская спецкомендан- тура с. Тевриз	с. Тевриз 0 км	18	44	-	-	-	-	-	-	57	192	17	74	101
Итого по Тевризской спецкомендантуре:			18	44											
Омская обл. Тевризский р-н	Комаринская спецкомен- дантура с. Комаринское	с. Комарин- ское 0 км	17	43	-	-	-	-	103	219	120	262	42	123	97
		Ср. Ключное 35 км	24	63	-	-	-	-	93	205	117	268	47	133	88
Итого по Комаринской спецкомендантуре:			41	106											
Итого по РО НКВД:			59	150											
		Глуховка 27 км	27	68	-	-	6	17	-	-	33	85	16	33	36
		Архангелка 3 км	15	46	-	-	-	-	-	-	15	46	10	15	21
		Патанино 18 км	3	10	-	-	-	-	-	-	3	10	2	2	6
		Тавложанка 13 км	1	5	-	-	3	10	-	-	4	15	6	2	7
Омская обл. Калачинский р-н	Калачинская спецкомен- дантур. п. Калачинск	Кулаково 8 км	31	79	-	-	2	3	-	-	33	82	17	28	37
		Воскресенка 3 км	17	55	-	-	3	10	-	-	21	68	10	22	36
		Турченоква 4 км	5	18	-	-	2	3	-	-	7	21	2	6	13
		Н. Свет 19 км	14	37	-	-	-	-	-	-	14	37	3	14	20

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	
		Сорочик 18 км	6	18	-	-	-	-	-	-	6	18	6	4	8	
		Крут. Луки 25 км	8	20	-	-	1	4	-	-	9	24	4	8	12	
		Ясн. Поляна 18 км	13	38	-	-	-	-	-	-	13	38	11	9	18	
		Петровка 18 км	12	36	-	-	-	-	-	-	12	36	8	13	15	
		Совхоз № 230 31 км	6	13	1	1	6	16	-	-	13	30	5	12	13	
		Калачинск 0 км	17	38	5	5	38	115	-	-	60	158	24	63	71	
		Лагушино 18 км	3	8	1	1	-	-	-	-	4	9	1	6	2	
		Илюшкино 35 км	6	22	11	11	-	-	-	-	17	33	10	16	7	
			184	511												
Итого по РО НКВД:																
Омская обл. Горьковский р-н	Горьковская спецкомен- датура с. Горьковское	Серебрено 40 км	4	5	-	-	-	-	-	-	4	5	2	1	2	
			4	5												
Итого по РО НКВД:																
Омская обл. Марьяновский Р-н	Марьяновская спецкомендату- ра Марьяновка	Марьяновка 0 км	28	89	-	-	42	134	-	-	70	223	36	77	110	
		Усовка 4 км	1	5	-	-	-	-	-	-	-	1	5	1	1	3
		Алексеевка 4 км	1	6	-	-	10	42	-	-	-	11	48	4	16	23

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
		Васильевка 8 км	4	12	-	-	-	-	-	-	4	12	3	4	5
		Боголюбовка 18 км	4	18	-	-	-	-	-	-	4	18	2	7	9
		Михайловка 20 км	5	19	-	-	15	53	-	-	20	72	7	23	42
		Саукиц 39 км	5	23	-	-	8	37	-	-	13	60	5	20	35
		Шайгурой 15 км	5	21	-	-	9	38	-	-	14	59	7	21	31
		Стетное 18 км	6	19	-	-	10	40	-	-	16	59	14	16	29
		Н-Шаратовка 10 км	4	12	-	-	16	52	-	-	20	64	7	24	33
		Ст. Шаратовка 8 км	4	7	-	-	26	83	-	-	30	90	9	37	44
		Строй-Социализм 20 км	1	4	-	-	8	36	-	-	9	40	-	15	25
		Александровка 12 км	4	16	-	-	2	11	-	-	6	27	1	8	18
		Держинка 12 км	3	11	-	-	8	26	-	-	11	37	9	14	14
		18-й год РККА 10 км	4	12	-	-	-	-	-	-	4	12	1	6	5
		Орловка 15 км	16	34	-	-	-	-	-	-	16	34	5	14	15
		Кургалка 6 км	2	6	-	-	-	-	-	-	2	6	2	3	1

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
		Им. Сталина 10 км	4	13	-	-	1	2	-	-	5	15	1	4	10
		Покровка 30 км	7	27	-	-	-	-	-	-	7	27	-	10	12
		Заря Свобо- ды 18 км	14	39	-	-	30	90	-	-	44	129	18	50	61
		Буденовка 25 км	2	7	-	-	7	31	-	-	9	38	2	13	23
		Н-Половка 25 км	7	31	-	-	9	42	-	-	16	73	14	29	30
		Поселок № 37 28 км	5	16	-	-	11	49	-	-	16	65	25	22	18
		Розенфельд 29 км	3	6	-	-	12	43	-	-	15	49	9	16	24
		Шараповка 12 км	10	35	-	-	-	-	-	-	10	35	7	17	11
		Конзавод № 40	14	39	-	-	2	4	-	-	16	43	6	18	19
		Овцелем- совхоз 8 км	5	28	-	-	10	46	-	-	15	74	8	24	42
		Ю-Любин- ский совхоз 30 км	30	197	19	56	4	15	-	-	93	268	26	142	130
		Москален- ский з/с 30 км	52	187	-	-	11	47	-	-	63	234	29	92	113
		Настойчивое 25 км	2	5	-	-	-	-	-	-	2	5	-	2	3
		Итого по РО НКВД:	292	944			-	-							

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	
Омская обл. Азовский р-н	Азовская спец- комендатура Азово	Азово 0 км	10	16	-	-	11	55	-	-	21	71	23	22	26	
		Кирзавод 2 км	1	2	-	-	-	16	42	-	-	17	44	6	17	21
		Привольное 2 км	10	32	-	-	-	16	69	-	-	26	101	19	27	55
		Александр- ровка 35 км	11	26	-	-	-	13	55	-	-	24	81	5	26	50
		Трупецкое 18 км	5	11	-	-	-	3	13	-	-	8	24	1	10	13
		Цветнополье 25 км	1	5	-	-	-	33	80	-	-	34	85	14	23	48
		Дмитриевка 30 км	1	5	-	-	-	4	14	-	-	5	19	2	6	11
		Роз-долина 29 км	3	13	-	-	-	8	24	-	-	11	37	3	16	18
		Пришиб 35 км	5	15	-	-	-	10	28	-	-	15	43	6	20	17
		Бердянка 8 км	3	12	-	-	-	-	-	-	-	3	12	-	4	8
		Звоноревкут 29 км	6	12	-	-	-	35	129	-	-	41	141	12	49	80
		Круч 28 км	3	10	-	-	-	12	42	-	-	15	52	4	19	29
		Гау-хутор 38 км	7	21	-	-	-	10	33	-	-	17	54	3	22	29
		Кашаровка 21 км	4	19	-	-	-	9	33	-	-	13	52	6	18	28

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
		Пяташное 15 км	3	10	-	-	10	32	-	-	13	42	6	16	20
		Сосновский з/с 18 км	4	13	-	-	5	20	-	-	9	33	3	12	18
		2-е отд. 15 км	2	6	-	-	-	-	-	-	2	6	1	2	3
		3-е отд. 18 км	6	17	-	-	6	22	-	-	12	39	3	15	21
			85	245							-	-			
	Итого по РО НКВД:														
		ст. Назы- ваевка 0 км	26	139	-	-	43	171	-	-	69	310	33	85	192
		Масловка 17 км	9	31	-	-	7	31	-	-	16	62	8	19	35
		Спасск 25 км	6	22	-	-	26	78	-	-	32	100	10	35	55
		Утичьа 40 км	3	10	-	-	19	46	-	-	20	56	9	10	37
		Совхоз стран ² 60 км	11	35	-	-	23	81	-	-	34	116	20	32	64
		Совхоз "Искра" 65 км	13	40	-	-	29	161	-	-	42	201	39	50	112
		Торфу- часткок 5 км	38	79	-	-	37	74	-	-	75	153	16	79	58
	Итого по РО НКВД:		106	356											
		Кормиловка 0 км	97	250	-	-	6	15	-	-	103	265	32	72	161
		Царицyno 45 км	2	7	-	-	35	129	-	-	37	136	11	39	86
		Слайка 45 км	14	40	19	46	12	45	-	-	45	131	15	48	68

² Вероятно, совхоз "Стрункино".

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
		Совхоз Победитель 32 км	13	36	6	18	6	25	-	-	25	79	14	23	42
		2-я Фоминовка	35	104	-	-	-	-	-	-	35	104	15	34	55
		1-я Фоминовка	2	5	-	-	15	62	-	-	17	67	10	18	39
		Новоселы 25 км	6	11	-	-	3	9	-	-	9	20	8	5	7
		Сосновка 15 км	6	19	-	-	-	-	-	-	6	19	2	8	9
		Н-Деревня 3 км	27	72	8	31	-	-	-	-	35	103	10	39	54
		Черниковка 20 км	38	116	2	17	-	-	-	-	40	133	16	58	59
		Кр. Тула 45 км	9	31	-	-	-	-	-	-	9	31	2	10	19
		Амангелды 50 км	3	11	-	-	-	-	-	-	3	11	2	3	6
		Новорос- сийка 60 км	9	26	-	-	-	-	-	-	9	26	6	9	11
		Бородинка 60 км	2	8	7	28	-	-	-	-	9	36	7	10	19
		Салтыковка 15 км	6	12	-	-	-	-	-	-	6	12	6	3	3
		Борки 3 км	2	2	-	-	-	-	-	-	2	2	2	-	-
		Ивановка 16 км	1	6	-	-	-	-	-	-	1	6	1	2	3

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	
Омская обл. Исилькульский р-н	Исилькульская спецкоменданту- ра г. Исилькуль	Петроград 35 км	3	7	-	-	-	-	-	-	3	7	1	3	3	
		П-Таровка 25 км	8	25	-	-	-	-	-	-	-	8	25	2	8	15
		Тетерье 50 км	6	22	-	-	-	-	-	-	-	6	22	4	6	12
		Медвежка 35 км	4	16	-	-	16	64	-	-	-	20	80	13	26	41
		Кудряевка 23 км	4	14	-	-	-	9	44	-	-	13	58	9	18	31
		Орловский 40 км	10	34	-	-	-	-	-	-	-	10	34	6	6	22
		Совхоз Боевой 10 км	1	1	-	-	-	5	9	-	-	6	10	2	6	2
		Павловка 5 км	7	14	-	-	-	-	-	-	-	7	14	3	7	4
		Исилькуль 0 км	79	177	-	-	-	10	29	-	-	89	206	55	72	79
		Антоновка 40 км	8	23	-	-	-	6	23	-	-	14	46	4	17	25
		В-Гнездо 46 км	3	13	-	-	-	5	16	-	-	8	29	4	10	15
		Воскресенка 35 км	13	35	-	-	-	-	-	-	-	13	35	5	14	16
		Петровка 10 км	19	49	-	-	-	13	46	-	-	32	95	18	27	50
		Ивановка 18 км	1	3	-	-	-	-	-	-	-	1	3	-	1	2

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
		Городище 5 км	10	23	-	-	-	-	-	-	10	23	8	8	7
		Корелевка 5 км	5	14	-	-	2	7	-	-	7	21	3	6	12
		Украинка 30 км	1	3	-	-	28	83	-	-	29	86	8	28	50
		Пучково 16 км	18	64	-	-	22	71	-	-	40	135	24	41	70
		Ст. Лосево 20 км	22	64	-	-	1	6	-	-	23	70	11	25	34
		Лебяж. Б. з/скот. 65 км	10	22	-	-	8	21	-	-	18	43	7	18	18
		Городище 5 км	8	23	-	-	8	18	-	-	16	41	13	10	18
		Беккер 37 км	10	31	-	-	8	18	-	-	18	49	7	16	26
		Н-Поле 20 км	30	93	-	-	-	-	-	-	30	93	23	26	44
		Городище ³ 6 км	11	32	-	-	-	-	-	-	11	32	7	13	12
		Н-Москва 38 км	10	26	-	-	3	10	-	-	13	36	7	13	16
		Хутор Удобное 6 км	3	6	-	-	-	-	-	-	3	6	2	1	3
		Сорочье 25 км	13	47	-	-	-	-	-	-	13	47	7	15	25
		Павловка 5 км	25	53	-	-	-	-	-	-	25	53	16	22	15

³ Указано дважды.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
		Украинка 30 км	1	1	-	-	1	25	-	-	2	26	5	9	12
		Водяное 14 км	8	24	-	-	13	43	-	-	21	67	11	19	37
		Маргелал ⁴	42	115	-	-	28	104	-	-	70	219	33	76	110
		Симоновка 15 км	6	16	-	-	-	-	-	-	6	16	1	6	9
		Журавли 35 км	4	12	-	-	2	4	-	-	6	16	4	5	7
		Орловка 45 км	4	19	-	-	15	55	-	-	19	68	8	24	36
		Н-Лосево 42 км	7	21	-	-	17	54	-	-	24	75	11	24	40
		Н-Рождеств	6	18	-	-	9	31	-	-	15	49	5	21	23
		Маховое 28 км	52	143	-	-	41	145	-	-	93	288	32	101	155
		Н-Донка 32 км	11	42	-	-	26	74	-	-	37	116	19	48	49
			496	2347							-	-			
		Итого по РО НКВД:													
		Щербакуль 0 км	19	46	3	5	4	16	-	-	26	67	11	32	24
		Щербакульская спецкомандату- ра Щербакуль	22	80	-	-	-	-	-	-	22	80	12	32	36
		Ивановка 8 км	2	2	-	-	3	18	-	-	5	20	3	7	10

⁴ Так в документе.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16		
Омская обл. Полтавский р-н	Полтавская спецкомандату- ра Полтавка	Святогорск 27 км	3	20	-	-	8	24	-	-	11	34	5	13	16		
		Лубянк 25 км	49	136	-	-	-	10	36	-	-	59	172	28	55	89	
		Бореновка 30 км	8	17	-	-	-	22	81	-	-	30	98	14	34	50	
		Люблино 25 км	7	22	-	-	-	8	27	-	-	15	49	8	20	21	
		Бородинка 30 км	22	57	-	-	-	12	36	-	-	34	93	12	38	43	
		Н-Троицкое 30 км	6	19	-	-	-	13	57	-	-	19	76	5	25	46	
		Терлынье ⁵ 40 км	4	11	-	-	-	-	19	69	-	-	23	80	3	30	47
		Бельдеж № 12 8 км	54	186	-	-	-	-	14	58	-	-	68	244	41	89	114
		Новоселовка 20 км	10	45	-	-	-	-	1	2	-	-	11	47	10	16	21
		Полтавка 0 км	15	38	-	-	-	-	14	39	-	-	29	77	16	28	33
		Бельдеж № 7	2	10	-	-	-	-	-	-	-	-	2	10	3	2	5
		Итого по РО НКВД:			180	551											
Омская область Усть-Ишимский р-н	Усть-Ишимская спецкомандату- ра Усть-Ишим	Скородум 25 км	29	57	-	-	112	439	-	-	141	496	39	174	283		
		П-Азд. 21 км	6	14	-	-	-	7	27	-	-	13	41	5	29	7	
Итого по РО НКВД:			35	71													

⁵ Так в документе.

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Итого по Омской области:															
			3285	9506											

* Составлено и подсчитано по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 260. Л. 20–51 об.

** Сверка правильности написания населенных пунктов производилась по: Административно-территориальное деление Омской области в 1917–2007 годах. Справочник. – Омск, 2008.

**Трудовое устройство спецпереселенцев-калмыков
в Омской и Тюменской областях (на 1 января 1945 г.)**

Куда переданы для хоз. и труд. устройства	Омская область				Тюменская область			
	Количество переданных в хоз. организации		Количество работающих	Доля работающих к числу завезенных, %	Количество переданных в хоз. организации		Количество работающих	Доля работающих к числу завезенных, %
	Семей	Человек			Семей	Человек		
Колхозы	2101	6375	3425	53,7	913	2976	1096	36,8
Совхозы	586	1819	945	51,9	212	592	211	35,6
Пром. предпр., стройки и учрежд.	527	1390	768	55,2	3492	10 190	4926	48,3
Всего:	3214	9584	5136	53,6	4617	13 758	6233	45,8

* Составлено и подсчитано по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 169, 221 об.

**Использование труда спецпереселенцев-калмыков
по степени трудоспособности (1946–1950 гг.)**

Категория трудоспособности	Омская область	Тюменская область	Всего
на 1 апреля 1946 г.			
Трудоспособных	4694	6371	11 065
Нетрудоспособных	544	268	812
Всего используется	5238	6639	11 877
на 1 января 1947 г.			
Трудоспособных	4917	5995	10 912
Нетрудоспособных	650	34	684
Всего используется	5567	6029	11 596
на 1 января 1948 г.			
Трудоспособных	5356	5694	11 050
Нетрудоспособных	1234 ¹	117 ²	1351
Всего используется	6590	5811	12 401
на 1 апреля 1949 г.			
Трудоспособных	5156	5880	11 036
Нетрудоспособных	523	273	796
Всего используется	5679	6153	11 832
на 1 января 1950 г.			
Трудоспособных	5245	5327	10 572
Нетрудоспособных	630	358	988
Всего используется	5875	5685	11 560

* Составлено по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 313. Л. 105, 108; Там же. Д. 480. Л. 154 об. –155, 158 об.; Там же. Д. 356. Л. 346, 366 об.; Там же. Д. 366. Л. 243 об.–244, 246 об.–247; Там же. Д. 316. Л. 128 об.–129., 131 об.–132.; Там же. Д. 477. Л. 137, 141.

¹ Из них: 974 подростка; 260 престарелых и инвалидов // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 356. Л. 366 об.

² Из них: 88 подростков; 29 "нетрудоспособных" // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 356. Л. 346.

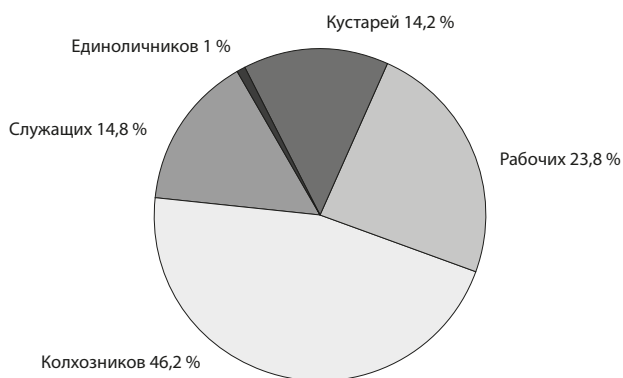
**Использование труда квалифицированных кадров
спецпереселенцев-калмыков (1945–1947 гг.)**

Область	Специалистов, имеющих среднее специальное и высшее образование	Используется на работах	Квалифици- рованных рабочих	Используется на работах
	1 января 1945 г.			
Омская	165	122	54	50
Тюменская	53	37	132	84
	1 апреля 1946 г.			
Омская	179	173	88	88
Тюменская	118	111	310	293
	1 октября 1946 г.			
Омская	97	91	97	97
Тюменская	129	118	328	324
	1 января 1947 г.			
Омская	97	97	93	93
Тюменская	150	129	328	321
	1 января 1948 г.			
Омская	99	99	нет данных	
Тюменская	150	127	321	314

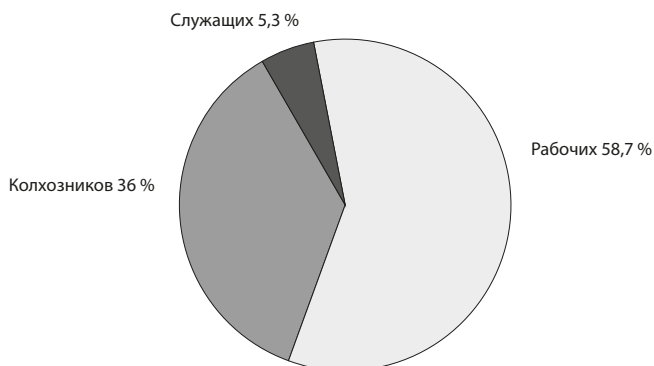
* Составлено по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 169, 222; Там же. Д. 297. Л. 3, Л. 95; Там же. Д. 294. Л. 63, 69; Там же. Д. 290. Л. 211, 216; Там же. Д. 356. Л. 347, 366 об.

Структура калмыцкого населения

По данным Всесоюзной переписи 1939 г. (в Калмыцкой АССР)

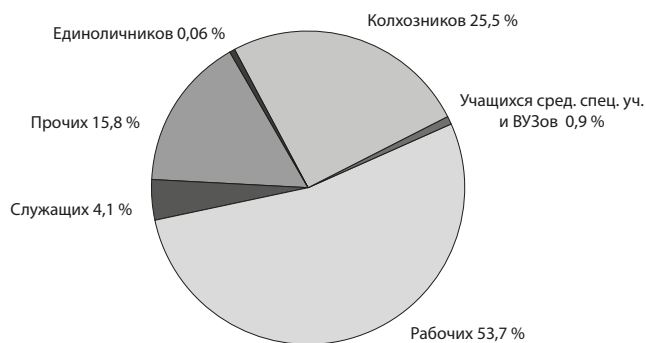
По данным Всесоюзной переписи 1949 г.

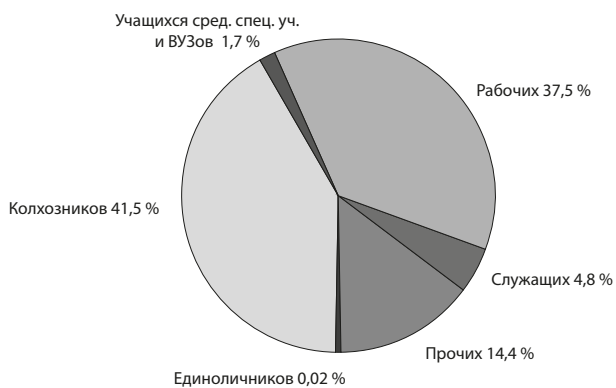
Составлено по: *Максимов К. Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. – С. 31; Его же. Репрессии против калмыцкого народа и его реабилитация (1943–1950-е гг.) // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. – Элиста, 2009. – Т. 2. – С. 608.

По данным спецпереписи 1949 г.

Тюменская область

Омская область

Составлено по: Приложение № 2.

Трудовая книжка
— Бадлеева

Фамилия Урманмуршиева

Имя Бадлеева

Отчество Тудушевна

Год рождения 1928

Образование: начальное, среднее, высшее
(подчеркнуть) н/среднее

Профессия работница

Подпись владельца Трудовой книжки

Дата заполнения Трудовой книжки
3. мая 1946г.

№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении	О РАБОТЕ	
	Год	Месяц	Число		работу, перемещениях по (с указанием причин)	На основании чего внесли запись (документ, его дата и номер)
1	2	3	4	5	6	
1	1944	II	2	Замощилец Сургутского машинного	работница на машинном заводе по Краеведья Бадлеева	кпр. № 132 от 2/II/44.
2						
3						

И. К. Р.

Источник: Трудовая книжка Бадлеевой Б.Б. // ПМ "Дома краеведа" ИКЦ "Старый Сургут".

Приложение № 10

Форма № 1

Справка с места жительства

1. Мукабинова Екатерина Ивановна

2. Время рождения 15 - XII - 1922 г. ^{Фамилия, имя, отчество} М. рож. (край, область) Архангельская
год, число и м.п. рож.

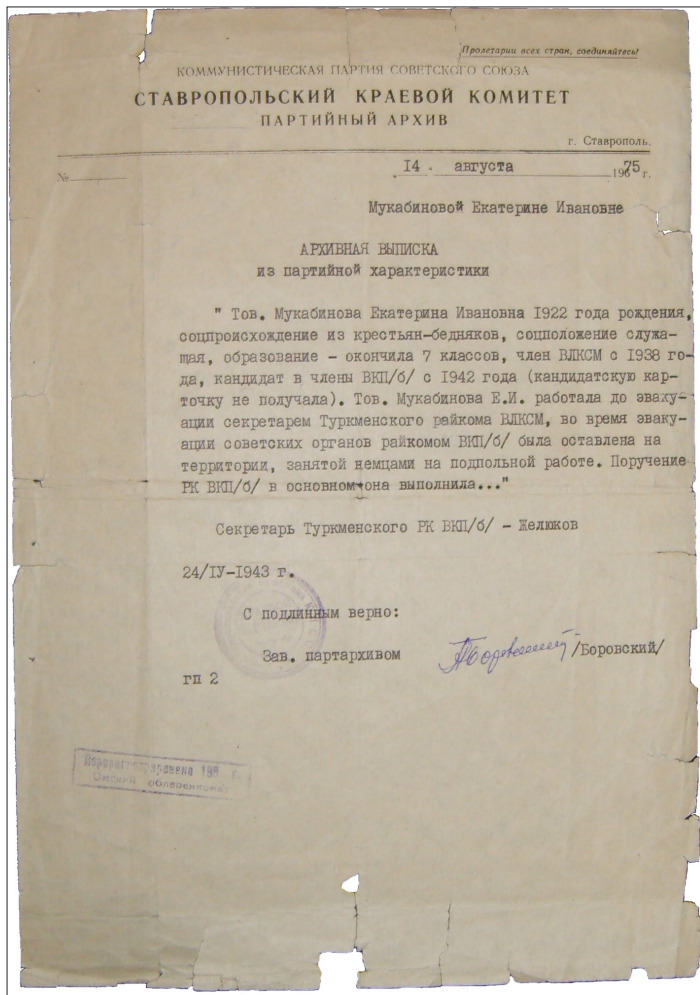
_____ город Арзгирский район Байчара деревня _____

4. Национальность Колыма 5. Проживает д.
Красноярск дом № _____ кв. № _____ 6. Живет в данном доме с _____

7. Где и в качестве кого работает учительница
Красноярской НСШ.

8. _____ 9. _____

Источник: ОГИК музей. Ф. Советский. Д. I. Депортация. Экспонат № ОМК 11807/3 – Справка с места жительства Е. И. Мукабиновой, учительнице Красноярской НСШ. Выдана Красноярским сельсоветом 31 декабря 1949 г.

Источник: ОГИК музей. Ф. Советский. Д. I. Депортация. Экспонат № ОМК 11807/6 – Архивная выписка из партийной характеристики Е. И. Мукабиновой от 24 апреля 1943 г. Дана партийным архивом Ставропольского краевого комитета КПСС. г. Ставрополь, 14 августа 1975 г.

Окончание таблицы

в) в собственных домах, вновь построенных в порядке индивидуального строительства (землянки)	-	-	-	143	562	143	562	144	572	149	595	152	610
г) в домах совхозов	212	592	212	592	316	962	316	962	1212	335	1137	251	858
д) в домах промпредприятий и строек	1936	6055	1936	6055	1758	5435	1826	5427	6474	2127	6448	2084	6234
е) в домах колхозов	1863	5027	1863	5027	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ж) в домах колхозников на уплотнение	606	2084	606	2084	1821	4583	1821	4583	405	125	376	125	376
з) в прочих домах	-	-	-	-	289	789	221	765	1084	1070	2155	1070	2155
Проживают на жилплощади, требующей капит. ремонта:	-	-	-	-	-	-	-	-	658 ¹	193	622	150	501
а) в колхозах	-	-	-	-	-	-	-	-	92	35	82	34	80
б) в совхозах	-	-	-	-	-	-	-	-	17	6	13	6	13
в) в домах предприятий	-	-	-	-	-	-	-	-	425	128	414	91	314
г) в прочих домах	-	-	-	-	-	-	-	-	124	24	113	19	94
Всего:	4617	13758	4617	13758	4420	12669	4424	12649	4354	12157	4194	12002	4049

* Составлено по: ГАРФ, Ф. 9479, Оп. 1. Д. 164. Л. 169 об.-170, 223; Там же. Д. 290. Л. 211 об., 219; Там же. Д. 294. Л. 63 об., 70; Там же. Д. 297. Л. 5, 96; Там же. Д. 356. Л. 350, 36.

¹ УНКВД Тюменской области признало наличие семей, проживающих на жилплощади, требующей капитального ремонта, только после проведения в IV квартале 1946 г. специальной проверки жилищно-бытовых условий. По ее результатам было дано указание сделать ремонт, "не требующий капитальных затрат" // ГАРФ, Ф. 9479, Оп. 1. Д. 297. Л. 6.

Приложение № 14

**Снабжение спецпереселенцев-калмыков хлебом
по Сургутскому району (1944 – начало 1946 гг.)**

Снабжение хлебом калмыков в 1944 г.

Наименование контингента	Рабоч.	Служ.	Иждив.	Дети до 12 лет	Всего
на III квартал 1944 г.					
Завезенные переселенцы-калмыки в колхозах	50	–	37	124	211
на IV квартал 1944 г.					
Завезенные переселенцы-калмыки в колхозах	150	–	97	274	521

Снабжение хлебом калмыков в 1945 – начале 1946 гг.

Наименование контингента	Группы снабжения				
	I	II	III	IV	Всего:
1	2	3	4	5	6
уточненный на IV квартал 1944 г.					
Калмыки и их семьи, завезенные в колхозы	–	120	37	240	397
На I квартал 1945 г.					
Калмыки и их семьи, завезенные в колхозы	–	120	37	240	397
апрель 1945 г.					
Калмыки и их семьи, завезенные в колхозы	–	160	37	240	437
май 1945 г.					
Калмыки и их семьи, завезенные в колхозы	–	160	37	240	437
июнь 1945 г.					
Калмыки и их семьи, завезенные в колхозы	–	160	37	240	437
июль 1945 г.					
Калмыки и их семьи, завезенные в колхозы	–	285	54	214	553

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6
август 1945 г.					
Калмыки и их семьи, завезенные в колхозы	–	285	54	214	553
октябрь 1945 г.					
Калмыки и их семьи, завезенные в колхозы	–	285	54	214	553
на I квартал 1946 г.					
Завезенные в колхозы калмыки, молдаване и их семьи	–	285	54	214	553

* Составлено по: СГА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Л. 159 об., 165 об., 183 об.; Там же: Д. 140 Л. 67 об., 116, 123 об., 142, 156, 178, 199, 239 об.

Приложение № 15

**Нормы карточного снабжения работающих калмыков
по Сургутскому району (1944 – первая половина 1946 гг.)**

Наименование групп населения	Сахар	Жиры	Чай	Соль	Мясо, рыба	Крупа	Мыло хоз.	Мыло туал.	Табак, г	Спички
1944 г.										
на сентябрь 1944 г.										
Рабоч., отнесенные на снабж. к I гр., приравнен. к ним и завезен. калмыки	0,6	0,75	0,025	0,7	2 кг.	-	0,2	-	-	5
на октябрь 1944 г. не утверждались										
на ноябрь 1944 г.										
Рабоч., отнесенные на снабж. к I гр., приравнен. к ним и завезен. калмыки	0,75	0,8	0,025	0,7	2 кг.	-	0,2	-	-	5
на декабрь 1944 г.										
Рабоч., отнесенные на снабж. к I гр., приравнен. к ним и завезен. калмыки	0,6	0,6	0,025	0,7	-	-	0,2	-	-	5
1945 г.										
Рабоч., отнесенные на снабж. к I гр., приравнен. к ним и завезен. калмыки	0,75	0,3	0,025	0,7	2	-	-	-	-	5
с января по март нормы не утверждались										
на апрель 1945 г.										
Рабоч., отнесенные на снабж. к I гр., приравнен. к ним и завезен. калмыки	0,5	0,5	0,025	0,7	-	-	0,2	-	-	5
на май 1945 г.										
Рабоч., отнесенные на снабж. к I гр., приравнен. к ним и завезен. калмыки	0,75	0,8	0,025	0,7	2	-	-	-	-	5

Продолжение таблицы

на июнь 1945 г.										
Рабоч., отнесенные на снабж. к I гр., приравнен. к ним и завезен. калмыки	0,75	0,5	0,025	0,7	-	-	0,4	-	-	5
на июль 1945 г.										
Рабоч., отнесенные на снабж. к I гр., приравнен. к ним и завезен. калмыки	0,75	0,5	0,025	0,7	1,5	1	0,4	-	-	2
на август 1945 г.										
Рабоч., отнесенные на снабж. к I гр., приравнен. к ним и завезен. калмыки	0,75	0,8	0,025	0,7	2	1,5	0,4	-	-	5
на сентябрь 1945 г.										
Рабоч. отнесенные на снабж. к I гр., приравнен. к ним и завезен. калмыки	0,75	0,8	0,025	0,7	2	1,5	0,4	-	-	5
на октябрь 1945 г. нормы не утверждались										
на ноябрь 1945 г.										
Рабоч., отнесенные на снабж. к I гр., приравнен. к ним и завезен. калмыки	0,75	0,8	0,025	0,7	1	2	0,2	-	-	3
Завезенные калмыки, работающие в колхозах на с/х работах	0,5	0,3	0,025	0,7	-	-	-	-	-	2
на декабрь 1945 г.										
Рабоч., отнесенные на снабж. к I гр., приравнен. к ним	0,75	0,6	0,025	0,7	-	2	0,2	-	-	3
Завезенные калмыки, работающие в колхозах на с/х работах	0,5	0,3	0,025	0,7	-	-	0,1	-	-	2
1946 г.										
на январь 1946 г.										
Рабоч., отнесенные на снабж. к I гр., приравнен. к ним	0,75	0,5	0,025	0,7	-	2	0,2	-	0,1	3

Окончание таблицы

Завезенные калмыки, работающие в колхозах на с/х работах	0,5	0,8	0,025	0,7	-	1,5	0,2	-	-	2
на апрель 1946 г.										
Рабоч., отнесенные на снабж. к I гр., приравнен. к ним	0,75	0,3	0,025	0,7	-	2	-	-	-	5
Завезенные калмыки, работающие в колхозах на с/х работах	0,5	-	0,025	0,7	-	1,5	-	-	-	2
на май 1946 г.										
Рабоч., отнесенные на снабж. к I гр., приравнен. к ним	0,75	0,5	0,025	0,7	-	2	-	-	0,1	5
Завезенные калмыки, работающие в колхозах на с/х работах	0,5	-	0,025	0,7	-	1,5	-	-	-	-

* Составлено по: СГА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Л. 162 об., 179 об., 212 об.; Там же. Д. 140. Л. 54, 67, 111, 127, 142 об., 170 об., 179, 189, 209 об.

Смертность¹ среди спецпереселенцев-калмыков (1944 г.)

Всего расселено:	27 247	
Умерло:	Омская	Тюменская
1 квартал	832	506
2 квартал	485	389
3 квартал	179	460
4 квартал	72	54
Итого:	1568	1409
Всего по областям:	2977	
Доля умерших к общему количеству расселенных:	10,93 %	

* Подсчитано и составлено по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 141. Л. 52, 240 об, 242; Там же: Д. 161. Л. 144; Доклад уполномоченного НКВД СССР подполковника госбезопасности Щекина и заместителя начальника УНКВД Омской области подполковника Шеварова о приеме и расселении спецпереселенцев-калмыков в Омской области //Ссылка калмыков: как это было: Сб. док-в и мат-лов. Т. I, кн. 1. – Элиста, 1993. – С. 138; Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: "Согласно Вашему указанию...". – М., 1995. – С. 75.

¹ Имеющиеся данные о рождаемости за второе полугодие 1944 г. показывают, что за шесть месяцев на поселении в Тюменской области родилось 27 детей; в Омской – трое. Всего по СССР за этот период у калмыков родилось 178 человек // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 141. Л. 52, 240 об., 242.

Приложение № 17

**Сведения о реализации продовольственных и промтоварных фондов,
выделенных спецпереселенцам-калмыкам распоряжением СНК СССР
№ 16700 рс от 21 ноября 1945 г. (на 1 апреля 1946 г.)**

	Выделено, кг	Отпущено, кг	Выдано, кг	Удовлетворено, чел.
Наименование продуктов	Муки			
Омская область	57 400	нет св.	32 800	10 975
Тюменская область	32 200	32 200	12 993	4329
Наименование продуктов	Крупы			
Омская область	14 00	нет св.	7611	10 109
Тюменская область	8400	8400	3600	4800
Наименование продуктов	Соли			
Омская область	8400	нет св.	4311	9585
Тюменская область	4900	4900	3000	6660
Наименование продуктов	Сахара			
Омская область	1750	нет св.	856	5676
Тюменская область	1500	1500	642	4278
Шерсти				
			Омская область	Тюменская область
Выделено СНК СССР			14 200 кг	7800 кг
Получено местными организациями			нет св.	7800 кг
Сдано в переработку			нет св.	7800 кг
Намечено изготовить валенок			нет св.	3500 пар
Получено из переработки валенок			2292 пары ¹	1673 пары
Передано калмыкам за все время			2212 пары	567 пар
Удовлетворено			2212 чел.	567 чел.
Овчины				
			Омская область	Тюменская область
Выделено СНК СССР			8900 шт.	4800 шт.
Получено местными организациями			нет св.	4800 шт.
Сдано в переработку			нет св.	4800 шт. ²
Намечено изготовить полушубков			нет св.	696 шт.
Получено из переработки полушубков			358 шт.	175 шт.
Продано калмыкам за все время полушубков			288 шт.	14 шт.

¹ В том числе 582 детских.

² ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 290. Л. 227.

Окончание таблицы

Продано калмыкам овчин	нет св.	354 шт.
Удовлетворено	нет св.	65 чел.
Имеется в наличии изготовленных овчин	нет св.	1020 шт.

Кожобуви

Выделено СНК взрослых	3560 пар ³	1240 пар
Выделено СНК детских	нет св.	700 пар
Получено местными организациями взрослых	3036 пар ⁴	нет св.
Получено местными организациями детских	нет св.	нет св.
Продано калмыкам взрослых	1244 пары	600 пар
Продано калмыкам детских	110 пар	160 пар
Удовлетворено взрослых	нет св.	600 чел.
Удовлетворено детей	нет св.	160 чел.

Хлопчатобумажной ткани:

Выделено СНК СССР	17 800 м	9700 м
Получено местными организациями	7800 м	6700 м
Продано калмыкам	5634 м	5097 м
Удовлетворено	2728 чел.	1019 чел.

* Составлено по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 290. Л. 212, 227–227 об.

³ Общее количество, выделенное области.

⁴ Общее количество, выделенное области.

Приложение № 18

**Реализация распоряжения СНК СССР № 16700-рс
от 21 ноября 1945 г. по Омской области (на 1 декабря 1946 г.)**

Наименование продуктов	Выделено, кг	Отпущено, кг	Выдано, кг	Удовлетворено, чел.
Муки	57 400	57 400	57 963 ¹	19 321
Крупы	14 000	14 000	13 918	18 557
Соли	8400	8400	7985	17 742
Сахара	1750	1750	1735	11566
Шерсти				
Выделено СНК СССР				14 200 кг
Получено местными организациями				14 200 кг
Сдано в переработку				14 200 кг
Намечено изготовить валенок				6010 пар
Получено из переработки валенок				3502 пары
Передано калмыкам за все время				3502 пары
Удовлетворено				3502 чел.
Овчины				
Выделено СНК СССР				8900 шт.
Получено местными организациями				8900 шт.
Сдано в переработку				8900 шт.
Намечено изготовить полушубков				1557 шт.
Получено из переработки полушубков				796 шт.
Продано калмыкам за все время полушубков				796 шт.
Продано калмыкам овчин				–
Удовлетворено				796 чел.
Кожаной обуви				
Выделено СНК (всего)				3560 пар
Получено местными организациями взрослых				1915 пар
Получено местными организациями детских				1121 пара
Продано калмыкам взрослых				1915 пар
Продано калмыкам детских				1121 пара
Удовлетворено взрослых				1915
Удовлетворено детей				1121
Хлопчатобумажной ткани				
Выделено СНК СССР				17 800 м
Получено местными организациями				13 815 м
Продано калмыкам				13 815 м
Удовлетворено				4605 чел.

* Составлено по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 36.

¹ Так в документе.

**Административный надзор
за спецпереселенцами-калмыками (1945–1949 гг.)**

Наименование областей	1 июля 1945 г.			1 июля 1949 г.		
	Комендатур*	Мест поселения	Расселено (чел.)	Комендатур*	Мест поселения	Расселено (чел.)
Омская	19	279	9506	51	328	9367
Тюменская	38	186	12 840	65	324	9231
Итого по областям:	57	465	22 346	116	652	18 598

* Спецкомендатуры, обслуживающие контингент "калмыки".

** Составлено и подсчитано по: ГАРФ. 9479. Оп. 1. Д. 260. Л. 20–51 об., 92–109; Там же. Д. 513. Л. 3–94, 107–140.

Побеги спецпереселенцев-калмыков (1944–1947 гг.)

	Наименование областей		Всего бежало по СССР
	Омская	Тюменская	
	Бежало	Бежало	
I полугодие 1944 г.	17	7	116
III квартал 1944 г.	–	3	66
IV квартал 1944 г.	3	–	44
I квартал 1945 г.	нет данных	нет данных	нет данных
II квартал 1945 г.	нет данных	нет данных	нет данных
III квартал 1945 г.	–	1	13
IV квартал 1945 г.	–	1	8
I квартал 1946 г.	2	–	23
II квартал 1946 г.	–	–	35
III квартал 1946 г.	3	5	40
IV квартал 1946 г.	нет данных	нет данных	нет данных
I квартал 1947 г.	1	–	56
II квартал 1947 г.	5	–	44
III квартал 1947 г.	–	6	55
IV квартал 1947 г.	1	–	14

* Составлено по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 141. Л. 240 об., 242, 286, 287, 287 об.; Там же. Д. 255. Л. 67 об., 70, 71, 223, 224 об., 225; Там же. Д. 313. Л. 14, 15 об., 16; Д. 314. Л. 34, 35 об., 36; Там же. Д. 315. Л. 12, 13 об., 14. Там же. Д. 356. Л. 138; Там же. Д. 363. Л. 28, 29 об., 30; Там же. Д. 364. Л. 32, 33 об., 34; Там же. Д. 365. Л. 32, 33 об., 34; Там же. Д. 366. Л. 235, 236 об., 237.

Количество калмыков, находившихся в бегах (1949–1956 гг.)

Период	Омская область	Тюменская область	Всего по СССР
На 1 января 1949 г.	10	11	174
На 1 января 1950 г.	6	11	92
На 1 января 1951 г.	3	9	76
На 1 июля 1953 г.	2	6	60
На 1 января 1955 г.	2	4	39
На 1 января 1956 г.	–	–	1 ¹

* Составлено по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 471. Л. 260; ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 477. Л. 125, 127, 128; ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 480. Л. 142, 144, 146; ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 556. Л. 14, 16–17, 22; Отдел «П» МВД СССР. Сведения о количестве ссыльнопоселенцев, ссыльных, высланных и спецпоселенцев по контингентам, республикам, краям и областям по состоянию на 1 июля 1953 г. // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 848. б/л.; 4-й спецотдел МВД СССР. Сведения о количестве спецпоселенцев, ссыльнопоселенцев и ссыльных, состоящих на учете органов МВД по республикам, краям и областям по состоянию на 1 января 1955 г. // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 848. б/л.; ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 896. Л. 56. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 932. Л. 96, 98, 123; ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 710. Л. 209.

¹ На 1 января 1956 г. данные приведены по РСФСР.

Приложение № 22

**Доля спецпереселенцев, находившихся в местах лишения свободы,
к количеству состоявших на спецучете (на 1 января 1951 г.), %**

Контингент	Омская область	Тюменская область	По СССР
Немцев	0,78	1,01	1,3
Из Прибалтики	0,32	–	0,21
Оуновцев	8,5	7,1	4,55
Калмыков	2,8	2,89	2,71
Немецких пособников	7	–	4,29
Бывших кулаков	– ¹	3,72	1,21
Из Молдавии	–	0,21	0,31
Указников	–	10,1	7,76
Из Литовской ССР	–	3,21	2,07
ИПХ	–	18,6	19,23

* Составлено и подсчитано по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 556. Л. 14–17, 19–23.

¹ На поселении находился один "раскулаченный".

**Количество калмыков, находившихся в местах
лишения свободы и состоявших на спецучете
в Омской и Тюменской областях (1951–1956 гг.)**

	Омская	Тюменская	по СССР
1 января 1951 г.	269	279	2117
1 июля 1953 г.	186	215	1746
1 января 1955 г.	125	118	1330
1 января 1956 г.	19	49	нет св.

* Составлено по: Отдел "П" МВД СССР. Сведения о количестве ссыльнопоселенцев, ссыльных, высланных и спецпоселенцев по контингентам, республикам, краям и областям по состоянию на 1 июля 1953 г. // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 848. б/л; 4-й спецотдел МВД СССР. Сведения о количестве спецпоселенцев, ссыльнопоселенцев и ссыльных, состоящих на учете органов МВД по республикам, краям и областям по состоянию на 1 января 1955 г. // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 848. б/л; Цифровые данные о наличии и движении спецпоселенцев за 1955 год УВД Омской области // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 932. Л. 96; Цифровые данные о наличии и движении спецпоселенцев за 1955 год УВД Тюменской области // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 932. Л. 123; ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 556. Л. 14, 17, 22.

**Спецпереселенцы-калмыки, находившиеся на оперативном учете
(начало декабря 1944 г.)**

Окраска	Омская область	Тюменская область	Всего по СССР:
Изменники Родины	–	158	619
Члены семей изменников Родины	126	–	297
Бывшие бандиты	22	19	77
Дезертиры РККА	4	–	35
К-р ¹ работа	–	–	6
Пособники фашистских властей	45	13	80
Полицейские	35	–	41
Старосты	8	–	20
Гелюнги ²	10	–	41
Белогвардейцы	1	–	1
Асоциальный элемент	53	10	202
Уголовные преступления	–	–	50
Подозреваемые в шпионаже	–	3	19
Прочие преступления	–	49	144
Подготовка к побегу	–	–	21
Кр. буржуазн. национ. ³	–	–	15
Итого:	304	252	1661

* Составлено и подсчитано по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 176. Л. 137.

¹ Контрреволюционная работа.

² Гелюнги – буддистские священнослужители, преследовались как представители "контрреволюционного" духовенства // Выписка из докладной записки начальника УНКВД Новосибирской области Петровского о работе за IV квартал 1944 г. // История сталинского Гулага, конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собр. док-в: В 7 т. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. – М., 2004. – С. 456.

³ Контрреволюционные буржуазные националисты.

**Расселение калмыков-коммунистов
по районам Омской области (I квартал 1944 г.)**

№ п/п.	Район (город) пребывания	Район (город), откуда прибыли	Количество человек		Всего:
			Членов	Кандидатов	
1.	Азовский	Западный Калм. АССР	5	1	6
2.	Велижанский	РККА	1	1	3
		не указан	1	-	
3.	Гольшмановский	Троицкий Калм. АССР	3	2	5
4.	Ишимский	коммунистов не прибыло			-
5.	Исилькульский	Черноземельский Калм. АССР	28	4	37
		Троицкий Калм. АССР	1	-	
		Приютинский Калм. АССР	1	-	
		Лаганский Калм. АССР	1	-	
		РККА	1	1	
6.	Кагановичский	Абганеровский Сталинград. обл.	-	1	9
		Западный Калм. АССР	3	-	
		Приволжский Калм. АССР	1	-	
		г. Элиста Калм. АССР	1	-	
		г. Москва	-	1	
		не указан	1	1	
7.	Калачинский	Троицкий Калм. АССР	13	3	20
		Долбанский Калм. АССР	1	2	
		Черноземельский Калм. АССР	1	-	
8.	Кормиловский	Западный Калм. АССР	16	2	20
		г. Элиста Калм. АССР	1	-	
		РККА	-	1	

Продолжение таблицы

9.	Любинский	Долбанский Калм. АССР	3	1	52
		не указан ¹	43	5	
10.	Марьяновский	не указан	4	–	4
11.	Москаленский	Приютинский Калм. АССР	10	1	11
12.	Называевский	Западный Калм. АССР	4	1	5
13.	Омутинский	Черноземельский Калм. АССР	4	–	4
14.	Ново-Заимский	Долбанский Калм. АССР	3	1	4
15.	Полтавский	Джездинский Зап.-Казахстанской обл.	1	–	13
		Калмыцкий Ростовской обл.	1	–	
		Каменский Ростовской обл.	1	–	
		Приютинский Калм. АССР	5	–	
		Троицкий Калм. АССР	1	–	
		г. Элиста	4	–	
16.	г. Тюмень	Долбанский Калм. АССР	3	1	9
		Зимовниковский Ростовской обл.	1	1	
		Калмыцкий Ростовской обл.	–	1	
		Мало-Дербетовский Калм. АССР	2	–	
17.	Тюменский	Долбанский Калм. АССР	3	1	4
18.	Ульяновский	Логанский Калм. АССР	1	7	8

¹ Вероятно, коммунисты, напротив фамилии которых не указан пункт, из которого они прибыли, были депортированы из Долбанского района Калмыцкой АССР, так как "район отправления" указан только в первых пунктах списка.

Окончание таблицы

19.	Щербакульский	Западный Калм. АССР	1	1	5
		Приютинский Калм. АССР	-	1	
		не указан	-	2	
20.	Ялуторовский	Приютинский	6	-	7
		Троицкий	1	-	
Итого:			182	44	226

* Составлено и подсчитано по: ИсА ОО. Ф. п-17. Оп. 1. Д. 3944. Л. 3, 5, 7, 9, 11-12, 15, 16, 17, 18-19, 20, 21, 23, 26, 27, 28-28 об., 30, 32, 33, 34, 36.

**Количество калмыков-коммунистов
в Омской и Тюменской областях (1945–1961 гг.)**

На 1 января:	Омская область		Тюменская область	
	Членов ВКП(б)	Кандидатов в члены ВКП(б)	Членов ВКП(б)	Кандидатов в члены ВКП(б)
1945 г.	95	15	нет данных	
1946 г.	154	48	126	61
1947 г.	189	45	146	40
1948 г.	178	52	159	40
1949 г.	168	30	131	30
1950 г.	170	24	105	18
1951 г.	165	23	103	14
1952 г.	161	23	95	11
1953 г.	157	15	84	10
1954 г.	140	5	74	3
1955 г. ¹	146		74	
1956 г.	138		70	
1957 г.	126		59	
1958 г.	53		48	
1959 г.	21		21	
1960 г.	12		14	
1961 г.	9		15	

* Составлено по: ИсА ОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3989. Л. 8 об.; Там же. Д. 4316. Л. 8 об.; Там же. Д. 4632. Л. 9 об.; Там же. Д. 4936. Л. 8 об.; Там же. Д. 5194. Л. 11 об.; Там же. Д. 5469. Л. 20 об.; Там же. Д. 5712. Л. 13 об.; Там же. Д. 5951. Л. 17 об.; Там же. Д. 6248. Л. 21 об.; Там же. Д. 6504. Л. 10 об.; Там же. Д. 6717. Л. 2 об.; Там же. Д. 6931. Л. 3 об.; Там же. Д. 7102. Л. 4 об.; Там же. Д. 7265. Л. 3 об.; Там же. Д. 7399. Л. 3 об.; Там же. Д. 7553. Л. 2 об.; Там же. Д. 7693. Л. 2 об.

** ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 4. Д. 139. Л. 59 об.; Там же. Оп. 9. Д. 161. Л. 75 об.; Там же. Оп. 15. Д. 121. Л. 76 об.; Там же. Оп. 21. Д. 195. Л. 72 об.; Там же. Оп. 40. Д. 185. Л. 72 об.; Там же. Оп. 54. Д. 230. Л. 78 об.; Там же. Оп. 66. Д. 189. Л. 80 об.; Там же. Оп. 72. Д. 251. Л. 78 об.; Там же. Оп. 78. Д. 214. Л. 98 об.; Там же. Оп. 86. Д. 152. Л. 39 об.; Там же. Оп. 96. Д. 121. Л. 13 об.; Там же. Оп. 98. Д. 96. Л. 13 об.; Там же. Оп. 117. Д. 100. Л. 11; Там же. Оп. 127. Д. 107. Л. 14 об.; Там же. Оп. 134. Д. 104. Л. 5 об.; Там же. Оп. 150. Д. 106. Л. 5 об.

¹ В 1954 г. форма отчетности меняется: в графе "Национальный состав парторганизации" указывается общее число коммунистов – членов и кандидатов ВКП(б) – по отдельным национальностям.

Количество принятых в партию калмыков по Омской и Тюменской областям (1944 – 1 апреля 1954 г.)

	Омская область			
	Омская область		Тюменская область	
Принято в:	Члены ВКП(б)	Кандидаты в члены ВКП(б)	Члены ВКП(б)	Кандидаты в члены ВКП(б)
I квартале 1944 г.	-	-	1	-
II квартале 1944 г.	-	-	-	-
III квартале 1944 г.	-	-	-	-
	Омская область		Тюменская область	
Принято в:	Члены ВКП(б)	Кандидаты в члены ВКП(б)	Члены ВКП(б)	Кандидаты в члены ВКП(б)
IV квартале 1944 г.	-	-	-	-
1945 г.	2	1	1	-
1946 г.	5	-	5	-
1947 г.	3	2	3	-
1948 г.	-	-	-	2
1949 г.	1	-	1	-
1950 г.	1	-	-	-
1951 г.	-	-	-	-
1952 г.	-	-	-	-
1953 г.	-	-	-	-
I квартале 1954 г.	-	-	-	-

* Составлено по: ИсА ОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3974. Л. 3 об.; Там же. Д. 3980. Л. 2 об.; Там же. Д. 3984. Л. 3 об.; Там же. Д. 3989. Л. 3 об.; Там же. Д. 4303. Л. 3 об.; Там же. Д. 4307. Л. 2 об.; Там же. Д. 4312. Л. 2 об.; Там же. Д. 4316. Л. 3 об.; Там же. Д. 4618. Л. 3 об.; Там же. Д. 4622. Л. 2 об.; Там же. Д. 4628. Л. 2 об.; Там же. Д. 4632. Л. 4 об.; Там же. Д. 4919. Л. 4 об.; Там же. Д. 4925. Л. 3 об.; Там же. Д. 4931. Л. 3 об.; Там же. Д. 4936. Л. 2 об.; Там же. Д. 5177. Л. 2 об.; Там же. Д. 5183. Л. 2 об.; Там же. Д. 5189. Л. 3 об.; Там же. Д. 5194. Л. 4 об.; Там же. Д. 5453. Л. 2 об.; Там же. Д. 5458. Л. 3 об.; Там же. Д. 5465. Л. 3 об.; Там же. Д. 5469. Л. 15 об.; Там же. Д. 5695. Л. 3 об.; Там же. Д. 5700. Л. 4 об.; Там же. Д. 5707. Л. 3 об.; Там же. Д. 5712. Л. 7 об.; Там же. Д. 5937. Л. 4 об.; Д. 5941. Л. 7 об.; Там же. Д. 5947. Л. 3 об.; Там же. Д. 5951. Л. 10 об.; Там же. Д. 6231. Л. 3 об.; Там же. Д. 6236. Л. 4 об.; Там же. Д. 6243. Л. 4 об.; Там же. Д. 6248. Л. 9 об.; Там же. Д. 6480. Л. 4 об.; Там же. Д. 6487. Л. 2 об.; Там же. Д. 6497. Л. 3 об.; Там же. Д. 6504. Л. 4 об.; Там же. Д. 6704. Л. 2 об.

** ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 20.; Там же. Оп. 4. Д. 139. Л. 9 об., 21 об., 38 об., 53 об.; Там же. Оп. 9. Д. 161. Л. 14 об, 32 об, 51 об, 71 об; Там же. Оп. 15. Д. 121. Л. 13 об., 28 об., Л. 49 об., Л. 66 об.; Там же. Оп. 21. Д. 195. Л. 12 об., Л. 29 об., Л. 45 об., Л. 68 об.; Там же. Оп. 40. Д. 185. Л. 13 об., Л. 28 об., Л. 52 об., Л. 66 об.; Там же. Оп. 54. Д. 230. Л. 13 об., Л. 33 об., Л. 53 об., Л. 72 об.; Там же. Оп. 66. Д. 189. Л. 12 об., Л. 26 об., Л. 49 об., Л. 67 об.; Там же. Оп. 72. Д. 251. Л. 12 об., Л. 25 об., Л. 34 об., Л. 54 об., Л. 68 об.; Там же. Оп. 78. Д. 214. Л. 14 об., Л. 32 об., Л. 55 об. Л. 72 об.; Там же. Оп. 86. Д. 152. Л. 13 об.

Приложение № 28

**Количество калмыков в Омской и Тюменской областях
с распределением по владению родным языком
(по итогам Всесоюзной переписи 1959 г.)**

Области и национальные округа ¹	Всего:	В том числе владеющих родным языком своей национальности	Родным языком не своей национальности	
			В том числе русским	Прочими языками
Все калмыцкое население (оба пола)				
Омская	1367	1024	339	4
Тюменская	1340	921	414	5
В т.ч. Ханты-Мансийский	195	100	92	3
В т.ч. Ямало-Ненецкий	28	16	12	–
Городское и сельское население (мужчины)				
Омская	720	530	189	1
Тюменская	714	464	247	3
В т.ч. Ханты-Мансийский	116	54	60	2
В т.ч. Ямало-Ненецкий	17	8	9	–
Городское и сельское население (женщины)				
Омская	647	494	150	3
Тюменская	626	457	167	2
В т.ч. Ханты-Мансийский	79	46	32	1
В т.ч. Ямало-Ненецкий	11	8	3	–
Городское население (мужчины)				
Омская	189	116	73	–
Тюменская	399	293	106	–
В т.ч. Ханты-Мансийский	27	12	15	–
В т.ч. Ямало-Ненецкий	6	4	2	–
Городское население (женщины)				
Омская	133	68	65	–
Тюменская	372	302	70	–
В т.ч. Ханты-Мансийский	21	13	8	–
В т.ч. Ямало-Ненецкий	7	5	2	–

¹ Национальные округа (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий) в составе Тюменской области.

Окончание таблицы

	Сельское население (мужчины)			
Омская	531	414	116	1
Тюменская	315	171	141	3
В т.ч. Ханты-Мансийский	89	42	45	2
В т.ч. Ямало-Ненецкий	11	4	7	–
	Сельское население (женщины)			
Омская	514	426	85	3
Тюменская	254	155	97	2
В т.ч. Ханты-Мансийский	58	33	24	1
В т.ч. Ямало-Ненецкий	11	4	7	–

* Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566а. Л. 126–132; Там же. Д. 1566в. Л. 53–73.

Я калмык от рождения,
Но не знал я степей,
То была длая земля тирана,
Вскакивало кочевье южных крестов
То сибирским краем, за Уралом.
Много здесь нашли стариков и детей
На каменной плетеной пуховине
Но ни слова ни кто, ни слова ни просят,
Пожаления нет у валькиров.
Я рождался вдали от калмыцких степей,
Но душою я с ней.
В ней будто слышу
На калмыцком языке,
Но уют, слышу во сне...

Сергей Корсиков

Источник: Рукопись С. А. Корсикова.
Стих о калмыцкой степи // ПМ АОАБР. Л. 1.

№ в архиве № 075800
 Серийный № 0700-1953
 Согласно плану № 1
 № 072380
 Подпись: Хурюмова
 № 18-1077
 Фамилия: Хурюмова
 П. И.
 Имя: Ок. И. И.

Хурюмова
Трудовая книжка

Фамилия Хурюмова Пётровна
 Имя Павла
 Отчество Ивановна
 Год рождения 1928г.
 Образование: начальное, ^{ч.} среднее, высшее
 (подчеркнуть)
 Профессия трактористки
 Подпись владельца Трудовой книжки
Хурюмова
 Дата заполнения Трудовой книжки
3. Июня 1954.

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ		
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении	работу, перемещениях по (с указанием причины)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
1	2	3	4	5	6	7
	1944	V	1	введен трудовой до поступления в МТС в СССР	стала работать в Кондишскую МТС	отделено списана на индивидуальную работу.
	1952	IV	10	Заменила на работу в Кондишской МТС	МТС	Яр. № 63-а от 10/IV-1952г.
2	1953	XI	2	Заменила в своей МТС в трактористки	перешла в бригаду в Кондишской МТС	Бригада № 225 от 2/XI-53г.
2				Секретарь МТС	Секретарь	

Источник: Трудовая книжка Хурюмовой П. И. // Личный архив П. И. Хурюмовой.

ПОВТОРНОЕ

СВИДЕТЕЛЬСТВО О ЗАКЛЮЧЕНИИ БРАКА

Шиянов
Михаил Петрович
И.М., отчество

гражданство
Ханты
национальность (вносится, если различна с записью акта о заключении брака)

«   »   Г.
дата рождения

и

место рождения
Санджеева
Мария Эрнеевна
И.М., отчество

гражданство
Калмычка
национальность (вносится, если различна с записью акта о заключении брака)

«   »   Г.
дата рождения

заключили брак

место рождения
02/07/1950
число, месяц, год (число и прописью)
второго июля

одна тысяча девятьсот пятидесятого года

о чем **1950** года **июля** месяца **02** числа

составлена запись акта о заключении брака № **04**

После заключения брака присвоены фамилии:

мужу **Шиянов**

жене **Санджеева**

Место государственной регистрации **Отдел загс Шурышкарского
района службы загс Ямало-Ненецкого автономного
округа с.Питляр**
национальный округ записи актов гражданского состояния

Дата выдачи « **23** » **ноября** **2009** г.

Руководитель органа
записи актов гражданского состояния **О.Н. Валенченко**

I-ПК № 535927

МГ. 1998

Источник: Свидетельство о заключении брака между Шияновым М. П. и Санджеевой М. Э. // Семейный архив Шияновых.

**Архивный отдел
Администрация города Сургута
АРХИВНАЯ КСЕРОКОПИЯ**

С П И С О К

избирателей по 10-дворке Овчинниковой В.П.

№п/п	Фамилия имя отчество	Год	число	м-ц	рождения	Примечание
1.	Семикина Мария Акимовна	1914				
2.	Семикин Иван Акимович	1927				в больнице
3.	Сергеев Герасим Кузьмич	1925				
4.	Сергеева Елена Ивановна	1925				
5.	Сергеев Михаил Герасимович	1927				лесо-заготовки
6.	Слободчуков Федор Григорьев	1904	21	января		
7.	Слободчукова Мария Николаевна	1926	12	июля		
8.	Слободчукова Юлия Федоровна	1917	13	мая		лесо-заготовки
9.	Слободчукова Мария Федоровна	1925	22	июля		
10.	Кусопова Антонина Тимофеевна	1924	24	августа		
11.	Муев Адам Павлович	1921				
12.	Муев Армен Загзауровна	1927				
13.	Муева Тамара Яковлевна	1922				на рыбалке
14.	Муева Елена "	1931				лесо-заготовки
15.	Бельянова Анастасия Максим.	1910	23	марта		
16.	Бельянова Анна Ивановна	1917	20	июня		
17.	Кожуховская Римедия Викторов	1901				
18.	Краузер Эрик Самуилович	1919				лесо-заготовки
19.	Краузер Мария Васильевна	1920	18	февраля		
20.	Сидоров Петр Михайлович	1905	6	октября		
21.	Сидорова Прасковья Игнатьевна	1910	27	октября		
22.	Сидоров Федка Семеновна	1874				
23.	Сидоров Николай Петрович	1932	18	декабря		на рыбалке
24.	Зырянов Михаил Михайлович	1895				
25.	Зырянова Клавдия Васильевна	1897		март		
26.	Плеханов Георгий Мартемьянов	1901	6	мая		
27.	Плеханова Мария Михайловна	1907	3	апреля		
28.	Дубровских Яков Егорович	1890				
29.	Дубровских Ирина Ивановна	1888				болест
30.	Гябулин Степан Алексеевич	1878				
31.	Гябулина Александра Лукьяновна	1879				
32.	Гябулина Ирина Степановна	1919				лесо-заготовки
33.	Парначева Надежда Ивановна	1908				
34.	Парначев Александр Андреевич	1931				"
35.	Парначева Тамара Андреевна	1925				
36.	Захарова Мария Алексеевна	1892				
37.	Первыгина Анна Андреевна	1903				
38.	Ромашова Нина Александровна	1926				
39.	Ромашова Галина Александров	1927				

С П И С О К

избирателей, которые не могут сами прийти в избират. пункт

1.	Семикин Иван Акимович	1927			в больнице
2.	Сергеев Герасим Кузьмич	1925			постарелый
3.	Сергеева Елена Ивановна	1925			"
4.	Сидорова Федка Семеновна	1874			"
5.	Дубровских Ирина Ивановна	1888			болест
6.	Гябулин Степан Алексеевич	1878			постарелый
7.	Гябулина Александра Лукьянов	1878			"

13/7 50 *Овчинников*

Источник: Список избирателей (том числе калмыков)
по 10-дворке Овчинниковой В. П. // СГА. Ф. 83. Оп. 3. Д. 9. б/л.

**План переселения калмыков
в Калмыцкую автономную область в 1957 г.**

Области	Наличие населения		Переселить в 1957 г.		В том числе семей поквартально		
	Семей	Человек	Семей	Человек	II квартал	III квартал	IV квартал
Омская	2525	10 100	1200	4800	480	600	120
Тюменская	2600	10 400	1600	6400	800	800	–
Всего по областям:	5175	20 500	2800	11 200	1280	1400	120
Всего по СССР:	20 540	82 800	10 060	40 240	3990	5310	760

* Составлено и подсчитано по: План переселения из краев и областей в Калмыцкую автономную область в 1957 г. // Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. Восстановление автономии (1956–1963 гг.). – Элиста, 2004. – С. 107.

**Выдача пропусков по Омской области на право выезда
в Калмыцкую автономную область (апрель-июнь 1957 г.)**

Место назначения	Выдано пропусков	
	Семьям	одиночкам
г. Элиста	48	37
Западный район	383	7
Яшалтинский район	173	1
Приозерный район	5	–
Целинный район	95	7
Яшкульский район	59	3
Черноземельский район	47	2
Каспийский район	45	–
Юстинский район	20	–
Приютненский район	111	6
Сарпинский район	1	–
Лиманский район	91	–
Ростовская область	24	–
Итого:	1102	63

* Составлено и подсчитано по: Докладная записка уполномоченного Калмоблисполкома Д. Г. Андреева об организации переселения калмыцкого населения из Омской области на родину (15 июля 1957 г.) // Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. Восстановление автономии (1956–1963 гг.). – Элиста, 2004. – С. 228–229.

**Организованное переселение калмыков
на территорию Калмыкии (по состоянию на 10 апреля 1957 г.)**

Наименование областей	Проживающие калмыцкие семьи	По плану 1957 г.	Прибыли на 10/IV.1957 г.	Прибудут в апреле, мае	Надо переселить в III кв.
Омская	2525	1000	420	400	180
Тюменская	2600	1000	350	340	310
Всего по областям:	5125	2000	770	740	490
Всего по СССР:	20 540	8000	2145	2870	2970

* Составлено и подсчитано по: Справка отдела переселения и оргнабора рабочих Калмоблисполкома о размещении и трудоустройстве возвращающегося калмыцкого населения (не ранее 16 апреля 1957 г.) // Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. Восстановление автономии (1956–1963 гг.). – Элиста, 2004. – С. 183.

**Данные о наличии калмыцкого населения
по районам Тюменской области и его переселении
на территорию Калмыкии (1957–1958 гг.)**

Места расселения	Кол-во семей	Кол-во человек	Кол-во семей	Кол-во человек	Отправлено за апрель 1958 г.		Остается на 1959 г. (план)	
					Кол-во семей	Кол-во человек	Кол-во семей	Кол-во человек
	1 февраля 1957 г.		1 апреля 1958 г.					
г. Тюмень	285	931	135	475	15	60	105	345
Тюменский р-н	143	565	75	285	4	20	67	245
Байкаль- ский р-н	30	130	11	43	1	3	9	37
Вагайский р-н	12	41	4	16	2	8	9	37
Гольшма- новский р-н	111	412	74	309	–	–	–	–
Велижан- ский р-н	87	155	12	49	4	17	4	15
Ишимский р-н	154	611	16	53	–	–	16	53
Ново-За- имский р-н	26	65	23	42	–	–	23	42
Нижне- Тавдин- ский р-н	12	50	3	12	–	–	3	12
Омутин- ский р-н	79	321	18	66	6	22	6	22
Тоболь- ский р-н	53	213	5	21	–	–	5	21
Уватский р-н	73	276	40	172	–	–	40	172
Ялуторов- ский р-н	241	835	120	484	40	192	40	100
Ханты- Мансий- ский округ	874	3020	634	2125	–	–	–*	–

Окончание таблицы

Ямало-Не- нецкий округ	229	637	130	553	-	-	-	-
Итого:	2409	8262	1300	4705	72	322	392	1384

* Примечание. Из Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов всех оставшихся калмыков предполагалось вывезти в навигацию 1958 г.

** Составлено и подсчитано по: ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 3105. Л. 109; Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959 гг. – Элиста, 2007. – С. 375.

**Численность калмыцкого населения
в Тюменской области (1956–1958 гг.)**

Дата:	Численность:	
	Семей	Человек
1 января 1956 г.	2806	9364
1 февраля 1957 г.	2409	8262
1 апреля 1958 г.	1300	4695
15 января 1959 г.	Нет сведений	1340 ¹

* Составлено и подсчитано по: ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 3105. Л. 109; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566в. Л. 53–73; Сведения о количестве калмыцкого населения, проживающего в Тюменской области (на 1 января 1956 г.) // Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. Восстановление автономии (1956–1963 гг.). – Элиста, 2004. – С. 60; Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959 гг. – Элиста, 2007. – С. 375.

¹ В том числе: в Ханты-Мансийском округе 195 человек; Ямало-Ненецком – 28.

**Переселение калмыцкого населения
на территорию Калмыкии¹ (1956–1959 гг.)²**

Период:	План: (семей)	Переселилось	
		Семей	Человек
1956 г.	–	420	1265
1957 г.	8000	8905	34 255
1958 г.	6000	6734	23 719
1959 г.	3000	2099	7220
Вернулось на 1 декабря 1959 г.	17 000	18 158	72665
Осталось в местах поселения	–	704	
Из них:			
в Омской области	–	62	
в Тюменской области	–	164	

* Составлено и подсчитано по: Информация Калмыцкого обкома КПСС в ЦК КПСС об итогах возвращения населения на территорию республики (21 декабря 1959 г.) // Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. Восстановление автономии (1956–1963 гг.). – Элиста, 2004. – С. 427–428; Доклад заведующего отделом переселения и оргнабора рабочих Совета Министров Калмыцкой АССР М.С. Харцзаева на заседании коллегии Главного управления переселения и организованного набора рабочих Совета Министров РСФСР «О приеме и трудоустройстве прибывшего калмыцкого населения за три с половиной года 1957–1959 гг. и за первую половину 1960 г.» (июль 1960 г.) // Там же. – С. 466; *Убушаев В.Б., Убушаев К.В.* Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959 гг. – Элиста, 2007. – С. 367, 379.

¹ Калмыцкая автономная область Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1958 г. была преобразована в Калмыцкую автономную республику. Тем самым была восстановлена ликвидированная в 1943 г. национальная государственность калмыцкого народа (Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. Восстановление автономии (1956–1963 гг.). – Элиста, 2004. – С. 296–297.)

² По данным Главного управления переселения и оргнабора при Совмине РСФСР, к февралю 1958 г. в соседние с Калмыцкой областью районы вернулось калмыков: в Астраханскую область – 2269 семей, или 8107 человек, Сталинградскую – 763, или 3114, Ростовскую – 441, или 1905. (Справка Главного управления переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР о возвращении в Калмыцкую автономную область калмыцкого населения из мест выселения и их трудовом устройстве (не позднее 8 февраля 1958 г.) // Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. – С. 267). По итогам Всесоюзной переписи населения, на 15 января 1959 г. в Астраханской области проживало 12 687 калмыков; Сталинградской области – 4474; Ростовской области – 2660; Ставропольском крае – 1764 калмыка // Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. – С. 461.

Иванов Александр Сергеевич

**"Изъять, как антисоветский элемент...":
Калмыки в государственной политике (1943–1959 гг.)**

Компьютерная вёрстка *Е. Ю. Дунаева*
Художественное оформление *Е. А. Струкова*

Сдано в набор 28.01.2014. Подписано в печать .03.2014.

Формат 60×84/16. Бумага офисная. Гарнитура "Minion Pro".

Цифровая печать. Уч.-изд. л. 11,6. Физ. печ. л. 74.

Тираж экз. Заказ № 2а/14.

Оригинал-макет подготовлен федеральным государственным научным бюджетным учреждением "Российский институт стратегических исследований".

Отпечатано в типографии РИСИ.

125413, г. Москва, ул. Флотская, д. 15Б.